

«Быть впереди народа, освещать ему путь, направляя его правосознание ко благу и правде в человеческих отношениях, — такова истинная обязанность юриспруденции и ее отдельных представителей»

ISSN 2074–7306

И. А. Покровский
История Римского права. Введение.
Петроград. Изд. 4. 1918. С. 4

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2, 2024

Периодичность 4 номера в год

Издается с 1997 г.
Основан д. ю. н., проф.
Д. Ю. Шапсуговым

Включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по отрасли: 5.1. Право (юридические науки)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 76204 от 02 августа 2019 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Редакционная коллегия

докт. юрид. наук, проф., академик АМАН и МАНЭБ, заслуженный юрист РФ **Шапсугов Д. Ю.** (директор центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС, главный редактор, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Краковский К. П.** (докт. юрид. наук, проф. кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления, зам. главного редактора, г. Москва); докт. юрид. наук, проф., академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ **Баранов П. П.** (зав. кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Овчинников А. И.** (зав. кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф., профессор **Шатковская Т. В.** (зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Егорова М. А.** (начальник Управления международного сотрудничества Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), проф. кафедры конкурентного права МГЮУ имени О.Е. Кутафина, г. Москва); докт. юрид. наук, проф. **Корецкий А. Д.** (зав. кафедрой гражданского права РГУП, судья Ростовского областного суда, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Момотов В. В.** (судья, секретарь Пленума, член Президиума Верховного Суда Российской Федерации, г. Москва); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Овсепян Ж. И.** (зав. кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону); канд. юрид. наук **Супатаев М. А.** (г. Москва); докт. юрид. наук, проф. **Авакян Р. О.** (академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, г. Ереван); докт. юрид. наук, проф. **Алиев А. И.** (юридический факультет Бакинского государственного педагогического университета, г. Баку); докт. ист. наук, проф., **Алиева С. И.** (зав. кафедрой «Общей истории и технологии преподавания истории» Азербайджанского государственного педагогического университета, г. Баку); докт. ист. наук, проф. Стамбульского университета **Мехмет Али Бейхан** (Турецкая Республика, г. Стамбул); доктор права, университетский профессор **Шелухин С. И.** (Городской университет, факультет законодательства, полиции и криминальной юстиции, г. Нью-Йорк).

Редакционный совет

докт. юрид. наук, проф. **Акопов Л. В.** (проф. ДГТУ, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Бойко А. И.** (проф. ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Волова Л. И.** (проф. кафедры международного права ЮФУ, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Исмаилов М. А.** (руководитель научно-исследовательской лаборатории «Обычное право» юридического факультета Дагестанского государственного университета, г. Махачкала); доктор юридических наук, проф. **Исмаилов Х. Д.** (юридический факультет Бакинского государственного университета, г. Баку); докт. юрид. наук, проф. **Казинян Г. С.** (декан юридического факультета Ереванского государственного университета, г. Ереван); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Ляхов Ю. А.** (проф. ЮФУ, г. Ростов-на-Дону); канд. юрид. наук **Радачинский Ю. Н.** (доц. ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону), председатель ТИК г. Батайска; докт. юрид. наук, доц. **Сайдумов Дж. Х.** (проф. кафедры истории Чеченского государственного педагогического университета); докт. юрид. наук, проф. **Фаргиев И. А.** (судья Верховного Суда РФ, г. Москва).

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54;
тел.: (8-863) 279-41-62; e-mail: yurvestnik@mail.ru

«Северо-Кавказский юридический вестник», 2024, № 2

“To be ahead of the nation, show the way
to its people directing their legal awareness
towards the benefit and truth in human
relations – that is the genuine duty of juris-
prudence and some of its representatives”

I. A. Pokrovsky

History of Roman Law. Introduction.

Petrograd. Ed. 4. 1918. P. 4

ISSN 2074-7306

NORTH CAUCASUS LEGAL VESTNIK

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL

№ 2, 2024

Regularity 4 times a year

*Published since 1997
was founded
by Doctor of Law, professor
D. Yu. Shapsugov*

*The journal is included into the «List of reviewed scientific
publications where main research results of dissertations
for the degree of Candidate and doctor of Science».
Enters the VAK List on the industry: 5.1. Law (legal sciences)*

*Certificate of registration of the mass media ПИ № ФС 77 – 76204 from 02.08.2019
issued by Federal Service for Supervision of communications, information technologies
and mass media (Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

Editorial Board

Doctor of Law, professor, Academician AMAN and MANEB, honored lawyer of the RF **Shapsugov D. Yu.** (Director of Legal Research Center of SRIM RANEPa, editor-in-chief, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Krakovsky K. P.** (Professor of the Department of State Governance, of Institute of Public Administration and Management of RANEPa, deputy editor-in-chief, Moscow); Doctor of Law, professor, Academician of the RANS, Honored Worker of science of the RF **Baranov P. P.** (Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, SRIM RANEPa, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Ovchinnikov A. I.** (Professor of the Department of Theory and History of Law and State SRIM RANEPa, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Shatkovskaya T. V.** (Head of the Department of Theory and History of Law and State, SRIM RANEPa, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Egorova M. A.** (Head of the Department of International Cooperation of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law University), professor of the Department of competitive right of MGYuU Law, Moscow); Doctor of Law, professor **Koretsky A. D.** (Honored Worker of Higher School of the RF, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Momotov V. V.** (Justice, Moscow); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Ovsepyan Zh. I.** (Head of the Department of Constitutional Law of South Federal University, Rostov-on-Don); Candidate of Law **Supataev M. A.** (Moscow); Doctor of Law, Professor **Avakyan R. O.** (Academician MANEB and All-Armenian Academy of the problems of national security, Erevan); Doctor of Law, Professor **Aliev A. I.** (Law Faculty of Baku State University); Doctor of Historical Sciences **Alieva S. I.** (Head of Department of General History and Technology of History Teaching, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku); Doctor of historical sciences, professor of the Istanbul university **Mehmet Ali Beihan** (Atatürk Supreme Council for Culture Language and History, the President of the Center of researches of Atatürk, Republic of Turkey, Ankara); Ph.D. **Serguei Cheloukhine** (John Jay College of Criminal Justice, Department of Law and Police Science, New York)

Editorial Council

Doctor of Law, professor **Akopov L. V.** (professor of Don State Technical University, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Boiko A. I.** (professor of SRIM RANEPa, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Volova L. I.** (Professor of the Department of International Law of South Federal University); Doctor of Law, professor **Ismailov M. A.** (Head of the Research Laboratory "Customary Law" of the Faculty of Law of Dagestan State University, Makhachkala, Makhachkala); Doctor of Law **Ismailov Kh. D.** (Law Faculty of Baku State University, Baku); Doctor of Law, professor **Kazinyan G. S.** (Dean of Law Faculty of Erevan State University, Erevan); Doctor of Law, professor, Honored worker of Higher School of the RF **Lyakhov Yu. A.** (professor of South Federal University, Rostov-on-Don); Candidate of Law **Radachinsky Yu. N.** (associate professor, SRIM RANEPa, Rostov-on-Don); Doctor of Law, associate professor **Saidumov J. H.** (professor of the Chechen State Pedagogical University); Doctor of Law, professor **Fargiev I. A.** (Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Moscow).

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54

Tel: 8-863-279-41-62,

e-mail: yurvestnik@mail.ru

<http://vestnik.uriu.ranepa.ru>

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	9
<i>Д. Ю. Шапсугов</i>	
Культура творчества в юриспруденции и социальной практике как новый этап в познании и преобразовании развивающегося права: проблемы реконструкции процесса познания права	9
<i>А. И. Бойко</i>	
Искусство (юридической) науки	22
<i>Г. В. Назаренко</i>	
Роль современной юридической науки в жизни российского общества	39
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА.....	47
<i>Р. Г. Юсупов, А. Р. Хайбуллин, Е. Н. Григорьев</i>	
Социальная трансформация в России в 1990-е годы: особенности формирования законодательной базы	47
<i>Е. О. Соломатин</i>	
К вопросу о правовом регулировании экспериментальных правовых режимов в сфере искусственного интеллекта в ЕАЭС и ЕС.....	54
<i>Д. Т. Фетисов</i>	
Законодательство о религии в Республике Кипр: принцип «омотаксии»	63
ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....	73
<i>П. П. Баранов</i>	
Государство-цивилизация как основа конституционного строя Российской Федерации.....	73
<i>С. А. Балаев</i>	
К вопросу о полномочиях и ответственности органов местного самоуправления как элемента единой публичной власти России.....	82
<i>Э. В. Малиненко</i>	
Трансформация традиционных ценностей в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации	90
<i>Ю. М. Москвитин</i>	
Взаимодействие института автономии воли сторон с комплексом норм «lex mercatoria» при регулировании контрактных отношений, осложненных иностранным элементом.....	96

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА.....	109
<i>О. Г. Зубарева, А. С. Дороганова</i>	
Семейный бизнес в 2024 году: ценностная перезагрузка.....	109
<i>Е. А. Храпунова, Р. А. Мустафаев</i>	
Способы защиты интеллектуальных прав на современном этапе развития гражданского законодательства	116
<i>И. А. Повзиков, А. В. Якубович</i>	
Защита прав потребителей в условиях дистанционной купли-продажи товаров	123
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	130
<i>Н. Ю. Лазарева</i>	
Уголовная ответственность за терроризм по законодательству Словацкой Республики.....	130
<i>Ю. И. Исакова, Е. В. Миллеров</i>	
Об уголовной ответственности за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля	138
<i>Ю. Б. Чупилкин</i>	
Публичное правонарушение как предмет правоохранительной деятельности	145
<i>И. В. Бухарова</i>	
К вопросу о сущности преюдициальных фактов как условий, ограничивающих деятельность судов в цивилистическом процессе России	152
<i>Т. Б. Гуляева, В. А. Авдеева, Н. Д. Савинова</i>	
Современные тенденции и проблемы развития института доказывания в гражданском судопроизводстве	160
ТВОРЦЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	167
<i>Л. В. Акопов, А. Е. Курилов</i>	
Энциклопедист права – Евгений Николаевич Трубецкой.....	167
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	173
Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) на тему «Донской край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945»	173
Школа правового мышления под руководством докт. юрид. наук, проф. Шапсугова Д. Ю. в ЮРИУ РАНХиГС	174
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ.....	175

CONTENTS

LEGAL SCIENCE DISCUSSION PROBLEMS	9
<i>Damir Yu. Shapsugov</i>	
Culture of creativity in law and social practice as a new stage in the knowledge and transformation of developing law: the problems of reconstruction of the process of knowledge of law	10
<i>Alexander I. Boiko</i>	
The art of (legal) science	23
<i>Gennady V. Nazarenko</i>	
The role of modern legal science in the life of Russian society	39
PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE	47
<i>Rakhimyan G. Yusupov, Ainur R. Khaybullin, Evgenii N. Grigoriev</i>	
Social transformation in Russia in 1990: features of the legislative framework	47
<i>Evgenii O. Solomatin</i>	
On the issue of legal regulation of experimental artificial intelligence legal regimes in the EAEU and the EU	54
<i>Daniil T. Fetisov</i>	
Legislation on religion in the Republic of Cyprus: the principle of «homotaxy»	63
PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL, ADMINISTRATIVE AND INTERNATIONAL LAW	73
<i>Pavel P. Baranov</i>	
State-civilization as the basis of the constitutional system of the Russian Federation	73
<i>Sergey A. Balaev</i>	
On the issue of authority and responsibility of local self-government bodies as part of the unified public authority of Russia	82
<i>Elvira V. Malinenko</i>	
Transformation of traditional values in Constitutions and charters of the subjects of the Russian Federation	90
<i>Yuriy M. Moskvitin</i>	
Interaction of the institute of party autonomy with the set of rules «lex mercatoria» in the regulation of contractual relations complicated by foreign element	96
PROBLEMS OF CIVIL LAW	109
<i>Olga G. Zubareva, Alexandra L. Krupnova</i>	
Family entrepreneurship in 2024: a value reset	109
<i>Ekaterina A. Khrapunova, Ruslan A. Mustafaev</i>	
Ways to protect intellectual property rights at the current stage of development of civil legislation	116
<i>Ilya A. Povzikov, Arsenii V. Yakubovich</i>	
Consumer protection in the context of remote sale of goods	123

PROBLEMS OF CRIMINAL AND PROCEDURAL LAW	130
<i>Natalia Y. Lazareva</i>	
Criminal liability for terrorism according to the legislation of the Slovak Republic	130
<i>Julia I. Isakova, Evgeny V. Millerov</i>	
On criminal liability for encroachment on the life of a state or public figure.....	138
<i>Yurii B. Chupilkin</i>	
Public offense as a subject of law enforcement activity.....	145
<i>Irina V. Bukharova</i>	
On the question of the essence of prejudicial facts as conditions limiting the activities of courts in the civil process in Russia	152
<i>Tatyana B. Gulyaeva, Valeria A. Avdeeva, Natalia D. Savinova</i>	
Current trends and problems of the development of the institution of evidence in civil proceedings.....	160
THE CREATORS OF RUSSIAN JURISPRUDENCE	167
<i>Leonid V. Akopov, Alexey E. Kurilov</i>	
Encyclopedist of jurisprudence – Evgenii N. Trubetskoy	167
SCIENTIFIC LIFE.....	173
All-Russian scientific and practical conference (with international participation) on the topic «Don Region in the years of the Great Patriotic War 1941-1945»	
School of legal thinking under the guidance of Dr. Sci. (Law), Prof. Shapsugov D. Yu. in South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA	174
EQUIREMENTS FOR THE PREPARATION OF ARTICLES	175

Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 9–21

North Caucasus Legal Vestnik. 2024;(2):9–21

Дискуссионные проблемы юридической науки

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-9-21>

EDN OFHKXD

Культура творчества в юриспруденции и социальной практике как новый этап в познании и преобразовании развивающегося права: проблемы реконструкции процесса познания права*

Дамир Юсуфович Шапсугов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, shapsugov@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка преодоления ограничений, оков в познании права, абсолютизации отдельных парадигм, оснований, понятий о познании и применении знания, исчерпавших свои возможности, породивших кризис в «производстве» и применении знания о праве, и предложить тезисы, обсуждая которые, с опорой на новые информационные познавательные возможности, созданные современным обществом, создать условия для перехода от преимущественно индивидуального творчества через развивающееся творчество относительно небольших коллективов до преимущественно массового творчества, становящегося возможным и необходимым как в связи с резким увеличением объема доступной информации, так и в особенности, с созданием технологических условий для новых, более высоких уровней обобщения информации, новых способов организации знания в целостность, которые могут быть использованы для исследовательских целей и практической реализации правотворческих потребностей и возможностей современного общества.

Ключевые слова: бытие и сознание, единство разума, индивидуальное творчество в познании и применении права, коллективное и массовое творчество в познании и применении права, культура творчества в познании и применении права, познавательная деятельность, правовое и юридическое мышление, рассудочное мышление, рассудочный позитивизм, юридическая наука

Для цитирования: Шапсугов Д. Ю. Культура творчества в юриспруденции и социальной практике как новый этап в познании и преобразовании развивающегося права: проблемы реконструкции процесса познания права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 9–21. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-9-21>. EDN OFHKXD

© Шапсугов Д. Ю., 2024

* Данная статья написана в развитие идей, изложенных в монографии: Шапсугов Д. Ю. Проблема становления культуры творчества в юриспруденции России. Часть 1. Ростов н/Д., 2024, и рассматривается как подготовительный материал для второй части.

Culture of creativity in law and social practice as a new stage in the knowledge and transformation of developing law: the problems of reconstruction of the process of knowledge of law

Damir Yu. Shapsugov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don, Russia, shapsugov@yandex.ru

Abstract. The article tries to overcome limitations, constraints in knowledge of the law, absolutization of individual paradigms, grounds, notions about knowledge and application of knowledge, exhausted their possibilities, caused crisis in «production» and application of knowledge about the law, and to propose theses, discussing which, based on new informational cognitive opportunities created by modern society, Create the conditions for the transition from the predominantly individual creativity through the evolving creativity of relatively small collectives to the predominantly mass creativity that is becoming possible and necessary as a result of the dramatic increase in the availability of information, and, in particular, with the creation of technological conditions for new, higher levels of information consolidation, new ways of organizing knowledge into integrity, which can be used for research purposes and the practical implementation of law-making requirements the potential of modern society.

Keywords: being and consciousness, unity of reason, individual creativity in the knowledge and application of law, collective and mass creativity in the knowledge and application of law, culture of creativity in the knowledge and application of law, cognitive activity, legal and legal thinking, reasoned thinking, reasoned positivism, legal science

For citation: Shapsugov D. Yu. Culture of creativity in law and social practice as a new stage in the knowledge and transformation of developing law: the problems of reconstruction of the process of knowledge of law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):9–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-9-21>. EDN OFHKXD

* * *

Проблема не в вещах, а в разумении.

Аристотель

* * *

Разум един, различны способы его применения.

И. Кант

* * *

Культура, если она развивается стихийно, оставляет после себя пустыню.

К. Маркс

* * *

Основой экономического общества является труд. Основой постэкономического общества является творчество.

В. Л. Иноземцев

* * *

Истина в нахождении разумного содержания и облечении его в разумную форму.

* * *

Наука положительного права не является подлинной наукой о праве.

* * *

... принцип непосредственного знания не только оправдывает, но даже делает законом примитивность мысли.

Г.В.Ф. Гегель

* * *

Основанием творчества является свобода мысли, обеспечивающая бесконечное наращивание непосредственного знания на стадии рассудочного познания, очищение его от односторонностей, оков, произвола исследователя, при переходе познания к разуму, достижение являющейся сущности – истины, адекватной развивающемуся предмету исследования и применение ее к преобразованию видимого существующего в действительное.

* * *

Творчество есть универсальный способ познания являющейся истины о праве и ее перевода в действительность как истины реального как возможного, либо существующего как видимого в качестве бытия, лишённого сущности, либо истины как действительного выражения его разумного содержания, облакаемого в разумную форму.

* * *

Культура творчества охватывает духовную и практическую, преобразующую существующее в действительное, деятельность человека в их единстве.

* * *

Культура творчества в юриспруденции и социальной практике есть формирование и реализация развивающейся способности свободного человека создавать, владеть, пользоваться и распоряжаться всем, что ему необходимо для разумной жизни.

* * *

В творчестве нужно стремиться исчерпать его постоянно расширяющиеся возможности для существенного обновления всех его компонентов в познании, «производстве» и осуществлении права.

Д. Ю. Шапсугов

Сегодня мир человека переживает очередную сложную реконструкцию, в которой очень много неизвестного, непознанного и не охватываемого современным мышлением. Как это часто бывало и ранее в истории человечества, действия опережают познавательные возможности, и оно (действие) опирается на личное знание и интуицию, которые все же «привязаны» как к существующему, так и к возможному (реальному) и действительному.

Прежние проекты, модели, прогнозы о прошлом, настоящем и будущем, в той или иной мере прошли испытание человеческой практикой (в том числе и познавательной), содержат весьма обширный материал, позволяющий осмысливать особенности уже начавшейся очередной реконструкции мира существующего, возможного и действительного.

Первая задача, которую желательно решить – обобщить опыт познания и преобразования мира, накопленный человечеством за всю его историю. Несмотря на кажущуюся невыполнимость такой задачи, нельзя не обратить внимание на уже созданный человеческий потенциал, позволяющий приступить к решению такой задачи с достаточной долей уверенности в возможности ее решения при условии создания надлежащих условий, главным из которых является надлежащее общенаучное взаимодействие, создание и концентрация необходимых ресурсов человечества на ее решении.

Одной из первоочередных задач, подлежащих решению в сфере познавательной деятельности, является обобщение знания о фундаментальных парадигмах, конкретизирующих их основаниях и технологиях их реализации в научных исследованиях, которые всегда сопровождали человечество, особенно в кризисные периоды его истории. Речь идет о становлении и действии общенаучных парадигм, адекватных им основаниях и технологиях междисциплинарных и отраслевых научных исследований.

В данной статье предпринимается попытка рассмотрения такой задачи, разумеется без всяких претензий на общезначимость и безальтернативность предлагаемых подходов к ее решению и, преимущественно, только в юриспруденции. Даже простая постановка такой задачи связана с весьма нелегким трудом обобщения знания, накопленного даже в одной области, в данном случае в юридической науке, существенно значимые особенности которой состоят в выходе на все важные сферы человеческой деятельности, составляющую хотя бы и относительную, но все же универсальность ее предмета и его осмысления.

Опираясь на многочисленные незавершенные попытки найти общий способ организации знания о праве в целостность, в данном случае необходимо кратко выделить основные парадигмы, основания и технологии их реализации, более или менее отчетливо сложившиеся в рамках обобщающих концепций, учений о праве: естественно-правовой, исторической школе права, позитивизме, обращая внимание на их действительные возможности и границы применения в научном познании права, в том числе создание закрытых, линейных систем знания об источниках, формах познания и существования, обусловивших познание и понимание необходимости преодоления парадигм, оснований, породивших такие системы знания, создав таким образом потребность в новых системах правового и юридического знания, способных «сопровождать» процесс современной реконструкции общества и государства, публичной власти. К их числу относится общенаучная парадигма тождества бытия и сознания, постепенно утвердившаяся в исследовательских практиках в вариантах материализма и идеализма, которая уже исчерпывает содержащийся в ней потенциал и начинает прочно приобретать статус основной причины современного этапа кризиса научного знания.

Данная парадигма, отождествляя бытие и сознание, являющиеся сами по себе достаточно условными, упрощает как бытие, так и сознание, фактически игнорируя их действительное многообразие и взаимопроникновение, которое точнее могло быть выражено в понимании их единства, предполагающего их различие. При этом, разделение на материализм и идеализм как выражение форм их тождества создает неизбежные предпосылки для абсолютизации бытия или сознания в познавательном процессе, порождающем недостоверное знание, сводя, например, право к бытию как непосредственно существующему (материализм), либо к должному (идеализм).

Общей парадигмой гуманитарных исследований постепенно становится **единство** бытия и сознания, приходящее на смену парадигмы их тождества, в основе которой лежало представление о первичности бытия, понимаемого как все существующее в окружающем

человека мире, как материальное, которое **отражается** в сознании, из чего вытекало представление об истине как о соответствии идеального материальному. Тожество так понимаемого бытия и сознания выражало, таким образом, превращенную форму их соотношения, фиксирующую видимость бытия и видимость сознания, и их соотношение как соотношение видимостей.

Но, как оказалось, не только материализм, провозглашавший первичность материально понимаемого бытия, но и идеализм, провозглашающий первичность сознания, вкладывая разный смысл в понятие тождества, находились в состоянии постоянной взаимной критики, выступавшей историческим инструментом очищения их от односторонностей и абсолютизаций, позволившей установить несвободность мысли, присущую обоим сторонам тождества, выявить их содержание и формы проявления, тем самым сделать мысль, познание свободными, что создало предпосылки для исследования их единства, невозможность понимания которого была обусловлена парадигмой их тождества. С восполнением образовавшихся пробелов в одностороннем знании, созданном на этой парадигме, неизбежно должно было измениться и представление **об истине** как выражении единства бытия и сознания **в сущности** предмета, выражающей это единство. В гуманитарных науках значение материального бытия было придано общественным отношениям с их подразделением на типы, виды, преимущественно рассматривавшиеся в их статичном состоянии, в той мере, в которой не представлялось возможным исследовать их в динамичном развитии.

Эта изначальная деформация познавательного процесса, подчиненного общенаучной парадигме тождества бытия и сознания, реализуется в отдельных науках в специфических формах. В юриспруденции она выступает как отождествление правового и юридического мышления, права и закона, создавая мощное основание для юридического позитивизма, опирающегося на бытие права, признанного «уже»¹ существующим до его конкретного познания. Выражением этой позиции является уже прочно закрепившееся в юриспруденции правило, согласно которому сначала нужно определить сущность права и уже потом начинать его исследовать.

Согласно этой общенаучной парадигме, порядок следования понятий «онтология», «гносеология» и «методология» права не является случайным. Первенство онтологии перед гносеологией и методологией здесь выступает как обязательное выражение, главное условие процесса познания права.

В начале XX века наступило осознание необоснованности жесткого противопоставления метафизики и позитивизма. Преодоление его пошло в двух направлениях интеграционных поисков. Первое было связано с идеей формирования философии положительного права, второе – с созданием философии культуры (Б. А. Кистяковский) как синтеза метафизики и «позитивизма», ориентированного на победу должноствования над стихией [2]. Это были попытки рассудочного объединения двух противоположностей, возможного через искусственное включение одного в другое, путем поглощения одного другим и носило характер дополнительных пристроек к рассудочному их пониманию, гносеологическое значение которых в познании было определено еще Кантом. Такой подход не мог решить проблему в силу его объективной невозможности. Суть ее состояла в том, что предлагалось **творческую задачу решить рассудочным мышлением**, не являющимся по своей природе **творческим**. А концепция творческого мышления не была разработана не только в XX веке, но и в настоящее время. Постклассическое развитие гносеологии права в форматах социокультурной антропологии, феноменологии, герменевтики, синергетики, интегративного, коммуникативного правопонимания [2], хотя и включало в себя творческие элементы в мышлении о праве, но предметно не содержало научный анализ творческого мышления как такового. Нужно отметить,

¹ Уже право – [1].

что и в настоящее время это явление не исследовано в полной мере, но и уже созданное знание о нем убедительно свидетельствует о его судьбоносной для развития науки значимости, хотя и разрабатывается пока преимущественно в психологии¹ и почти неизвестно в ряде отраслевых наук и, конечно, в юриспруденции.

Рассматривая вопрос о соотношении правового и юридического мышления с изложенных теоретических, прикладных аспектов познания и реализации права, можно сделать вывод, что юридическое мышление ориентировано на решение задачи подведения практических действий под юридические нормы (система которых позитивистски определяется как право), их толкование и перевод в существующую практику. Реальность права как его возможность, сущность права и его действительность, познаваемые разумом на основе осуществления специальных познавательных операций «снятия», обобщения и опосредования непосредственного рассудочного знания о праве, являющегося юридическим мышлением, относятся уже к правовому мышлению.

Наиболее разработанной в юриспруденции исторически выступала технология юридического мышления, реализованная в разнообразных формах позитивизма², со временем научившегося включать в познавательный процесс и в процесс осуществления юридических норм, отдельные фрагменты правового мышления, «взрывающие» позитивизм изнутри. Таковы, в частности, основные начала права: свобода личности, права человека, справедливость, равенство, в противоречии с динамической сущностью которых, четко фиксирует их преимущественно в статичном состоянии, либо вовсе исключает из права, как это делается, например, в «чистой» теории права.

Правовое мышление призвано выявить развивающуюся сущность основных начал права, обосновать и реализовать парадигмы, основания познания права, сформулировав истину о праве как являющую его сущность, в которой, как говорил Гегель, человек должен найти свой разум. Тем самым правовое мышление создает надлежащее основание – истину о праве – для перевода ее уже через юридическое мышление, представленное теорией среднего уровня – теорией этого перевода (общая теория права и государства и права, отраслевые юридические науки) и прикладные технологии в социальную практику.

В своем обособлении от правового мышления, либо в попытках отождествлять себя с ним, юридическое мышление лишает себя возможности обнаружить свои задачи и тем более решить их. В этих условиях оно способно создавать только видимость права как бытия, лишённого сущности, либо видимости с неустановленной сущностью, делая изначально невозможным становление права как действительного.

Из изложенного вытекает вывод о естественности **единства** правового и юридического мышления, возможного при их различии и невозможного при их тождестве, в котором исчезает их различие. Осознавая это обстоятельство, желательно более детально исследовать их единство и обязательно обеспечить его на всех стадиях познания права, его «производства» и реализации в социальной практике.

Завершая весьма краткое рассмотрение сложного вопроса о соотношении правового и юридического мышления, необходимо отметить, что и философия права как обособленная научная дисциплина, не говоря уже о разных вариантах философии положительного права, пытающейся насильственно внедрить «онаученную» философию права в позитивизм, не в состоянии обособленно решить вопрос о сущности – истине права, подлежащей осуществлению в социальной практике. Сегодня уже очевидно, что современный этап познания права и его действительного осуществления становится задачей, решаемой через универсальную комплексную концепцию культуры творчества, в которой познание и преобразование права

¹ См., напр.: [3–5].

² См.: [6–8].

выступают как творческая деятельность свободного, следовательно, разумного человека, бытие и сознание которого едины в их различии. Как отмечает Н. Рулан, «чтобы выковать свою сущность, человек должен творить различие» [9, с. 8].

С точки зрения познания оно отражает единство развитых форм, видов правового и юридического мышления, взаимодействие которых на разных стадиях процесса познания права обеспечивает выделение развивающейся, являющейся сущности – истины о праве. В основу творческой практической деятельности по созданию или преобразованию права положена динамично развивающаяся, как и сама жизнь свободного человека, истина о праве как явление разумной деятельности свободных индивидов, составляющих свободное самоуправляющееся сообщество людей.

Становится понятным, что такой высокий уровень совершенства людей пока не достигнут, но созданы мощные предпосылки для его достижения. Это прежде всего установленность ограниченности потребительского общества, созданность огромной информационной базы для перехода на новые уровни обобщения знания, превращения творчества из преимущественно индивидуального, коллективного в преимущественно массовое, резко повышающее возможности производительных сил общества, которые призвана обеспечить постоянно развивающаяся культура творчества познания и применения права свободными людьми.

Современная юридическая наука, рассматриваемая с этой точки зрения, пока еще находится в процессе своего становления, обусловленного, во-первых, несформированностью ее онтологического, гносеологического и методологического единства¹, не получившего надлежащей «прописки» в самой юридической науке, в которой они представлены как разрозненные компоненты не ставшего еще универсальным, классическим основанием процесса правового познания и преобразования права в их единстве. Во-вторых, она в ее позитивистских вариантах преимущественно направлена на познание видимости права, проявляющейся в естественнонаучном – в непосредственном познании действительности права, в рационалистическом варианте – без опоры на психологию мышления, в психологическом варианте – в недооценке значимости рационального познания права. Данное обстоятельство часто фиксируется в научных трудах ряда ведущих ученых-юристов прошлого и настоящего времени [11, с. 12]. До сих пор остается нерешенной надлежащим образом задача формирования собственной методологии юридической науки, объявленная как особо актуальная в конце XIX – начале XX века (Г. Еллинеком и др.), о чем убедительно свидетельствует удивительно бедный перечень юридических методов познания, приводимый в учебной и специальной научной литературе, не говоря уже о весьма слабой характеристике их юридического содержания. Изучение состояния методологии познания права выявляет его особенность, состоящую в том, что она достигла высшего уровня в формате рассудочного мышления.

Авторы, как нам представляется, наиболее авторитетных работ последних лет по проблемам методологии правовых исследований, признавая существенные недостатки имеющегося методологического знания, дают обоснование необходимости его качественного изменения [12–15].

Как отмечает профессор Н. Н. Тарасов, «необходима серьезная перестройка теоретических представлений, философских оснований и методов научного познания ... методология сегодня самое слабое место юридической науки. Нужна иная методология, альтернативная традиционной» [11, с. 12].

В ряде работ Ю. П. Боруленкова исследуется общая система технологии юридического познания, достаточно полно представляющая юридическое мышление как средство конструирования юридико-технической реальности. Юридическое мышление в данном случае исследуется в его неразличении с правовым познанием и мышлением. **Взятое само по себе** так

¹ См. об этом: [10].

понимаемое юридическое познание, без претензий на **правовое мышление**, представляет собой актуальное, интересное и достаточно обоснованное изложение процессов юридического познания, относящегося к общей теории государства и права и теории отраслевых юридических наук, опирающихся на общую парадигму позитивистской юриспруденции, определяемой как подведение практических явлений под юридические нормы, их толкование и осуществление.

Приведенную выше особенность юридического мышления с точки зрения его внутреннего содержания можно объяснить сложившимся в позитивизме соотношением онтологии, гносеологии и методологии, порождающим только видимость права как его бытия, лишённого сущности, позволяющего находить право только в существующем, препятствует отграничению его от несовпадающих с ним понятий реальности права как возможности и его действительности как тождественного существующему разумному.

Тем самым возможность действительного единства философско-правового, естественно-научного, позитивистского, рационалистического, психологического, социологического познания права, интегрированного в общенаучной концепции познания – учении о рассудке и разуме [16], остается совершенно не воспринятой юридической наукой, представлена в ней разрозненными элементами целостного процесса познания, претендующего на его полное выражение.

Непосредственное знание, получаемое рассудочным мышлением, существует в любой науке. С этой точки зрения, конкретное содержание этого непосредственного знания является особенностью любой отдельно взятой науки. Оно же является источником дальнейшего движения познания в рамках этой отдельной науки, стремящейся выявить разумное содержание в существующем знании и облечь его в разумную форму.

Таким образом, очевидно, выделяется этап формирования непосредственного знания о праве и его переход в разумное (обобщенное, опосредованное) – характеризующее универсальность познавательного процесса. Остается только выявить диалектику перехода от непосредственного рассудочного познания и знания о праве к опосредованному, обобщенному познанию и знанию в форме разума.

Разумеется, познание может быть остановлено на любом этапе его осуществления. Например, по кантовской классификации этапов реализации чистого разума на этапе догматизма происходит формирование непосредственного знания о праве (односторонние юридические определения права, правовых явлений), составляющего фундамент для разумного обобщения непосредственного научного рассудочного знания, непосредственность которого не выражает его сущность, ибо для этого необходимы специальные мыслительные процедуры («снятие», обобщение, опосредование), свойственные только разуму. На этапе скептицизма, переходящего в критицизм, познание как бы подготавливается к собственно научному исследованию.

Здесь следует подчеркнуть, что понятие может быть и рассудочным, оставаясь чисто рационалистическим, что имеет место в процессе позитивистской интерпретации права. Сущность права, его истина не могут быть установлены в пределах рассудочного мышления, что не учитывают представители существующих в научной литературе типов правопонимания. Она устанавливается разумом, преодолевшим узкие для него рамки рассудочного рационализма, учитывают и Душу (психологический аспект познания), и Дух права (философско-социологический и культурологический аспекты познания), составляющие их содержание, которое еще должно быть облечено в разумную форму. Всё это обобщается в понятии научного творчества, характеризуя его достигнутый культурный уровень

Истина о праве выступает как **являющаяся сущность**, выражающая динамичность развития права и процесса его познания. Ее достоверность определяется не соответствием

практике, гносеологически восходящим к тождеству бытия и сознания, а возможностями получения и реализации знания о развивающемся праве, опирающемся на развитие мысли и понятие о праве, а не на непосредственное восприятие или случайное воображение, как это подчеркивал Гегель, противопоставляя поверхностное мышление разумному, опираясь на которые невозможно выделить разумное содержание права и облечь его в разумную форму.

Понятие разумного при этом, как уже отмечалось, не сводится только к **рациональному**, а синтезирует в себе все факторы и обстоятельства – социальные, психологические, естественнонаучные, связанные с возникновением, познанием и развитием права, требующие необходимого выхода за пределы чисто рационального мышления. Таким образом, освоение культуры творчества, выражающей единство познания и преобразования мира, общества и индивида через исследование рассудочного и разумного мышления становится судьбоносной задачей, от решения которой зависит не только будущее юридической науки, но и эффективность всего наличного знания.

Основания юридической науки, посредством которых разворачивается общенаучная парадигма познания, должны обеспечивать ее включение в систему всего человеческого знания, «замыкая» на себя основания отдельных юридических наук, обеспечивая гармоничное и гомеостатическое единство всего научного знания.

Разобщенность оснований, на которых строится понятийный аппарат юридической науки, является одной из причин существования многочисленных типов правопонимания, каждый из которых претендует на его универсальность, полноту, достоверность и истинность. Ограниченность каждого из типов правопонимания ведет к многозначности категориальных определений права, препятствует, в силу рассудочного их характера, объективному и последовательному их обобщению, «снятию», переходу к разумным формам разумного содержания [17], без которых, как учил Г. Гегель, невозможно познание истины о праве.

Особо при этом следует отметить, что правовые исследования, как правило, ограничиваются логическим познанием, реализуемым в разных формах рационализма, и до сих пор, за редким исключением, игнорируют психологию мышления, либо подчеркивают различие юридического и психологического в мышлении [18], естественнонаучные знания, без которых остается незатронутой проблема энергии права, которая не создается логическими, умозрительными конструкциями, а имеет своим источником естественнонаучные реакции и психологические процессы, которые опосредствуют как процесс познания права, его «производства», так и его осуществление.

При этом можно отметить, что относительно «внезапное» появление в начале XX века **обособленной** психологической теории права не только высветило значение психологического понимания права, но и дискредитировало его, в частности, и из-за неразработанности в тот период психологии мышления. Бурное развитие психологии мышления [3] в середине XX века, обеспеченное учеными-психологами, пока не повлияло на правовое и юридическое мышление и было воспринято лишь фрагментарно в отдельных, преимущественно прикладных, разделах отраслевых юридических наук.

Другим следствием господства общенаучной парадигмы тождества бытия и сознания, и разобщенности оснований в юридической науке стало неадекватное решение вопроса об истине в познании права.

Как отмечал Аристотель, проблема не в вещах, которые могут быть исследованы экспериментально, а в разумении, способном заблуждаться и давать недостоверное знание из-за своего собственного несовершенства.

Истина о вещах, отдельных фактах существующего может быть установлена непосредственным аналитическим мышлением, обобщающим эксперимент. В юридической прикладной науке это происходит довольно часто, когда речь идет об установлении различных юридических фактов (правонарушений, юридических сделок, оформление практических явлений

в качестве юридических норм) и т.п. В этом случае устанавливается истина, понимаемая как соответствие или несоответствие знания об этом факте самому существующему факту.

Однако это не дает основания для абсолютизации такого понимания истины, отождествления знания об отдельном факте с сущностью, поскольку здесь познание остается на уровне получения непосредственного знания и отсутствует обязательная процедура опосредования, «снятия», обобщения полученного на этом уровне знания, с которой связано выявление сущности происходящих или могущих возникнуть процессов. Как подчеркивал Гегель, в непосредственном знании «не природа содержания, а факт сознания выдвигается в качестве критерия истины» [19, с. 194–195].

Здесь необходимо обратить внимание на общенаучный феномен, названный «золотым сечением», пропорцией, применяемый по преимуществу в естественных науках, но, по нашему мнению, имеющий большую перспективу применения в общественных и гуманитарных науках с использованием материала этих наук¹. Для этого необходимо разработать некий его аналог в конкретных науках, в каждой из которых существуют определенные технологии, следуя которым можно вести поиск (истины) оптимально возможных решений любого вопроса в пределах данной науки с акцентом на указанный выше общенаучный феномен. Опираясь на собственные основания, найденные каждой наукой (число в математике, фигура в геометрии и т.д.), и применение принципа золотой пропорции как общенаучного феномена, можно решать конкретные очередные задачи развития общества, личности, государства, обеспечивая гармоничное развитие всего мира человека.

Таким образом, анализируя наиболее фундаментальные работы современной юридической науки в области познания права, следует отметить, что в них в разной степени отсутствует различие правового и юридического познания и мышления, за которым стоит неприятие во внимание, игнорирование учения о гносеологических основаниях познания различающихся правовой и юридической реальности, его реализации в самом процессе познания и в процессе применения полученного истинного знания о существующем для его практической трансформации.

За разграничением правового и юридического мышления стоит разграничение рассудка и разума, при котором юридическое мышление представляет собой разновидность рассудочного познания, с помощью которого осуществляется предметный анализ существующего как единичного или совокупность единичных вещей, создающий фундамент для разумного обобщения непосредственно полученного рассудочного знания, непосредственность которого не выражает его сущность, познаваемую через специальные мыслительные процедуры, свойственные только разуму.

Созданные предпосылки для развернутого изложения концепции культуры творчества пока недостаточны. Тем не менее, они делают возможным, хотя и предварительно, примерно, обозначить общие контуры его обобщающей формулы, призванной охватить весь процесс культуры мышления как познания, так и преобразования права в их единстве. Исходным моментом этой формулы является **существующее** во всем многообразии бытия и сознания: предметы, явления, все их видимости, реальности и действительности, познаваемые рассудком, накопленная память человека. **Постижение их сущности** посредством мыслительных процедур, обеспечивающих установление разумного содержания и облечения его в разумную форму понятия – способу выражения **являющейся истины** как исходной точки для начала практических преобразований, которое обслуживается теорией среднего уровня (в юриспруденции – общей теорией права и государства), призванной обеспечить **переход** к юридическим технологиям творчества нормативно-правовых актов и практик их реализации, означающим возникновение **нового существующего** или **трансформацию ранее существовавшего**.

¹ См. об этом: [20–23].

Реализация такой формулы познания и преобразования мира правовой, юридико-технической реальности предполагает сущностное развитие всех традиционных компонентов познавательной и преобразующей деятельности человека, переход к новой науке, новой логике мышления, в которой реализуется свобода мысли, к новым парадигмам, основаниям и технологиям, получающим статус творческих.

Произвол, ограничения и «оковы» в познании и развитии права, созданные на основе господствовавших парадигм и оснований, представлений об онтологии, гносеологии, методологии, оказались неспособными обеспечить правовое развитие через создание и видоизменение превращенных форм права, в современную эпоху уже вполне обнаружили свою несостоятельность. Теперь будущее юриспруденции определяется, впрочем как и в других сферах деятельности, фундаментальной разработкой проблем культуры творчества в познании и развитии права, которые находятся в процессе становления. На первый план здесь выступает метанаука как новый способ познания и организации знания в целостность, металогика как логика творчества, основанная на свободе мысли, требующей адекватные ей новые знаки, символы, образы как формы своего внешнего выражения. Творчество, представленное его авторами, становится главной производительной силой. Его основные принципы – гомеостазисность и гармония его компонентов – получают возможность быть реализованными. Все «измы» (позитивизм, социологизм, рационализм, психологизм, феноменализм и их социально-практические аналоги – капитализм, социализм, либерализм, тоталитаризм, утилитаризм и т.п.), в которые его до сих пор «прятали», уже продемонстрировали свою ограниченность и несостоятельность.

В соответствии с этой формулой создается возможность гомеостазисного, гармоничного согласования общенаучной парадигмы и оснований, понятийного аппарата отдельных наук, а также получения, организации знания в целостность, достижение являющейся истины о праве и ее применении в социальной практике. Тем самым осознаются и могут быть преодолены серьезные причины, сохраняющие кризисное состояние научного знания.

Таким образом, освоение и развитие культуры творчества, выражающей единство познания и преобразования мира, общества, и индивида становятся судьбоносной задачей, от решения которой зависит не только будущее юридической науки, но и, как бы пафосно это не звучало, всего мира, в котором действует современный человек.

Список литературы

1. Мелкевик Б. Юридическая эпистемология и «уже право» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. №4 (321). С. 6–49.
2. Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с.
3. Матюшкина А.А. Сравнительный анализ смыслообразования в индивидуальном и групповом мышлении. Дисс. канд. псих. наук. М., 2001.
4. Матюшкин А.М. Мышление, обучение, творчество. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. 720 с.
5. Психология мышления. Сборник переводов с немецкого и английского / Под ред. и с вступит. ст. А.М. Матюшкина. М.: Изд-во "Прогресс", 1965. 533 с.
6. Боруленков Ю. П. Правовое мышление как интеллектуальная составляющая юридического познания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 2 (331). С. 6-41.
7. Боруленков Ю. П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты): монография / под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. М.: Юрлитинформ, 2014. 392 с.
8. Розин В. М. История и методология юридической науки. Юридическое мышление : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2018. 207 с.

9. Рулан Н. Юридическая антропология : учебник для вузов; отв. ред. и авт. предисл. к рус. изд. – В. С. Нерсисянц ; [пер. с фр. Л. П. Данченко и др.]. М.: НОРМА, 2000. 301 с.
10. Шапсугов Д. Ю. О тождестве и единстве онтологии, гносеологии и методологии в правовом познании / В кн.: Шапсугов Д. Ю. Познавая благо, себя и мир. Ростов-на-Дону, 2014. 384 с.
11. Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции : учеб. пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2019. 218 с.
12. Максимов С. И. Концепция правовой реальности / В кн.: Постклассическая онтология права. Колл. авторов. Монография. СПб.: "Алетейя", 2016. 970 с.
13. Дедов Д. И. Юридический метод : научное эссе. М.: Волтерс Клувер, 2008. 150 с.
14. Пермиков Ю. Е. Философские основания юриспруденции : монография. Самара: Изд-во Самар. гуманитар. акад., 2005. 248 с.
15. Куклин С. В. К вопросу о структуре юридического мышления // Южно-Уральский юридический вестник. Серия "Право". 2016. Т. 16. № 3. С. 22-26.
16. Шапсугов Д. Ю. Рассудок – разум – право. Монография. Ростов-на-Дону: "Альтаир", 2016. 192 с.
17. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: "Азбука", 2023. 480 с.
18. Макаров Т. Г. Понятие творчества в психологии и юриспруденции // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, кн. 2. С. 302–308.
19. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: «Мысль», 1974. 452 с.
20. Кокин А.В., Кокин А.А. Золотое сечение и эволюция (введение в общую теорию нелокальной эволюции). М.: Информ-Право, 2022. 232 с.
21. Кокин А. В. Ассимиляционный потенциал природы и территорий: нетривиальные следствия управления устойчивым эколого-экономическим развитием // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 158–168. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-158-168>. EDN XPTXAX
22. Шапсугова М. Д. Применение правила золотого сечения в юриспруденции: анализ и перспективы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 156–162. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-156-162>. EDN ZUHBGC
23. Лазарева Н. Ю. «Золотое сечение» – ключ к гармонизации уголовного законодательства? // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 3. С. 156–164. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-3-156-164>. EDN VRVIBN

References

1. Melkevik B. Legal epistemology and «already right». *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 2015;4(321):6–49. (In Russ.)
2. *Postclassical Ontology of Law*: Monograph. J. L. Honenev (ed.). Saint Petersburg: Aleteija; 2016. 688 p. (In Russ.)
3. Matyushkina A. A. *Comparative analysis of meaning formation in individual and group thinking*. Diss. ... Cand. Psychol. Sciences. Moscow; 2001. (In Russ.)
4. Matyushkin A. M. *Thinking, teaching, creativity*. Moscow: Publishing House of Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: Publishing House of NGO «MODEK»; 2003. 720 p. (In Russ.)
5. *Psychology of Thinking. Collection of translations from German and English*. Under Ed. and with Enter. Art. A.M. Matyushkin. Moscow: "Progress"; 1965. 533 p. (In Russ.)
6. Borulenkoy Y. P. Legal thinking as an intellectual component of legal knowledge *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 2017;2(331):6–41. (In Russ.)
7. Borulenkoy Y. P. *Legal knowledge (some methodological, theoretical and praxeological aspects*. prof. V.N. Kartashov (ed.). Moscow: Yurlitinform; 2014. 392 p. (In Russ.)
8. Rosin V. M. *History and methodology of legal science. Legal thinking : studies. manual for bachelor's and master's degree*. 2nd ed. Moscow: Juryt Press; 2018. 207 p. (In Russ.)
9. Rulan N. *Juridical anthropology : textbook for universities*. V. S. Nersesyan (ed.); Transl. from French L. P. Danchenko et al. Moscow: NORMA; 2000. 301 p. (In Russ.)

10. Shapsugov D. Yu. On the identity and unity of ontology, epistemology and methodology in legal cognition. In: Shapsugov D. Yu. *Knowing the good, myself and the world*. Rostov-on-Don; 2014. 384 p. (In Russ.)
11. Tarasov N. N. *History and methodology of legal science: methodological problematics of jurisprudence*. Moscow: Juryt Press; 2019. 218 p. (In Russ.)
12. Maximov S. I. Concept of legal reality. In: *Postclassic ontology of law*. Call. authors. Monograph. Saint Petersburg: "Aleteija"; 2016. 970 p. (In Russ.)
13. Dedov D. I. *Legal method : scientific essay*. Moscow; 2008. 150 p. (In Russ.)
14. Permyakov Y. E. *Philosophical bases of jurisprudence* : Monograph. Samara; 2005. 248 p. (In Russ.)
15. Kuklin S. V. On the structure of legal thinking. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2016;16(3):22–26. (In Russ.)
16. Shapsugov D. Y. *Reasoning - reason - right*. Monograph. Rostov-on-Don: "Altair"; 2016. 192 p. (In Russ.)
17. Hegel G.V.F. *Philosophy of Law*. Moscow: "ABC"; 2023. 480 p. (In Russ.)
18. Makarov T. G. The concept of creativity in psychology and jurisprudence. *Scientific notes of Kazan University. Series of Humanities*. 2018;160(2):302–308. (In Russ.)
19. Hegel G.V.F. *Encyclopedia of Philosophical Sciences. T. 1. Science of Logic*. Moscow: «Thought»; 1974. 452 p. (In Russ.)
20. Kokin A. V., Kokin A. A. *Golden section and evolution (introduction to the general theory of non-human evolution)*. Moscow: Inform-Pravo; 2022. 232 p. (In Russ.)
21. Kokin A. V. Assimilation potential of nature and territories: non-trivial consequences of managing sustainable environmental and economic development. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):156–168. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-156-168>. EDN XPTXAX
22. Shapsugova M. D. Application of the golden ratio in jurisprudence: analysis and perspectives. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(2):156–162. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-156-162>. EDN ZUHBGC
23. Lazareva N. Yu. Golden ratio as a key to the harmonization of criminal legislation? *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(3):156–164. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-156-164>. EDN VRVIBN

Информация об авторе

Д. Ю. Шапсугов – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, директор центра правовых исследований, научный руководитель школы правового мышления ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. Yu. Shapsugov – Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Lawyer Sciences, Professor, Director of the Center for Legal Research, Supervisor of the School of Legal Thinking of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 07.05.2024; одобрена после рецензирования 28.05.2024; принята к публикации 29.05.2024.

The article was submitted 07.05.2024; approved after reviewing 28.05.2024; accepted for publication 29.05.2024.

Искусство (юридической) науки

Александр Иванович Бойко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, bai-53@mail.ru

Аннотация. В рамках общественного разделения труда и с учётом места государственной юриспруденции среди других нормативных систем, призванных регулировать социальную жизнь, парламентарии создают правила поведения, рассчитанные только на типовые ситуации и среднестатистических граждан, а правоприменители вынуждены применять таковые шаблоны к индивидуальным случаям и конкретным людям. Тем самым реакция властей получается заведомо неточной и потому несправедливой. Её корректируют с помощью различных средств, но самое деликатное и действенное – облагораживание бесчувственного казённого права с помощью технологий и предельных ориентаций искусства как высшего пласта культуры – почти не культивируется. Выправить ситуацию могут и должны именно учёные, ежедневно занятые свободным умственным трудом и непричастные к правотворчеству и разбирательству юридических конфликтов.

В статье аргументирована потребность выполнения данной духовной повинности правоведами. В ней: показана связь привлекательности юриспруденции с современными тенденциями в культуре и искусстве, определены их содержание, различия и каналы коммуникаций друг с другом, на базе чего выдвинуты предположения о принципиальной совместимости науки и искусства, о преимущественной потребности науки в искусстве, но не наоборот, а также представлены аргументы «за» и «против» движения права к прекрасному.

Центральным фрагментом статьи объявлен вопрос о том, какие идеалы, инструментарий и практика искусства могут повлиять на одухотворение правовой мысли. Автор классифицирует универсальные установки, частные технологии, мотивы стремления к изяществу и способы гигиены искусства на 3 разряда – личные позывы к творчеству, предельные социально-культурные ориентации служителей муз и механизмы рукотворного поддержания ими одухотворённости, показывает пути проникновения эстетики в юриспруденцию, а также приводит имена и работы представителей уголовно-правовой науки, анализирующих культурологические основы отрасли и занимающихся её одухотворением.

На суд читателей представлены меры по повышению эстетической привлекательности юридической науки и приводится выводное знание, квинтэссенцией которого является мысль, что осмысленный выход за рамки банальностей и практицизма не противен логике правовой науки и её местоположению в общественной системе разделения труда, предполагает индивидуальность мыслящего учёного, стремится к идеальному и отличается изяществом, представляет особую ценность познавательной активности для профессионалов и социума.

Ключевые слова: знание, идеал, изящество, искусство, классика, культура, модернизм, музы, наука, правоведение, прекрасное, сциентизм, творчество, технологии, юриспруденция

Для цитирования: Бойко А. И. Искусство (юридической) науки // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 22–38. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-22-38>. EDN YGSATV

The art of (legal) science

Alexander I. Boiko

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, bai-53@mail.ru

Abstract. Within the framework of the social division of labor and the place of state jurisprudence among other regulatory systems designed to regulate social life, parliamentarians create rules of conduct designed only for typical situations and average citizens, and law enforcement officers are forced to apply such templates to individual cases and specific people. Thus, the reaction of the authorities turns out to be deliberately inaccurate and therefore unfair. It is corrected by various means, but the most delicate and effective – the ennobling of insensitive state law with the help of technology and extreme orientations of art as the highest layer of culture – is almost not cultivated. It is scientists who can and should correct the situation, who are engaged in free mental work every day and are not involved in law-making and the settlement of legal conflicts.

The article argues for the need for legal scholars to perform this spiritual duty. It shows the connection of the attractiveness of jurisprudence with modern trends in culture and art, defines their content, differences and channels of communication with each other, on the basis of which assumptions are made about the fundamental compatibility of science and art, about the predominant need of science in art, but not vice versa, and also presents arguments for and against" the movement of law towards the beautiful. The central fragment of the article is the question of what ideals, tools and practice of art can influence the spiritualization of legal thought. The author classifies universal attitudes, private technologies, motives for striving for elegance and ways of hygiene of art into 3 categories – personal urges to creativity, the ultimate socio-cultural orientations of the servants of the muses and the mechanisms of man-made maintenance of spirituality by them, shows the ways of penetration of aesthetics into jurisprudence, and also gives the names and works of representatives of criminal law science analyzing cultural fundamentals of the industry and those engaged in its spiritualization.

Measures to increase the aesthetic appeal of legal science are presented to the readers and deductive knowledge is presented, the quintessence of which is the idea that a meaningful way beyond the platitudes and practicality is not contrary to the logic of legal science and its location in the social system of division of labor, assumes the individuality of a thinking scientist, strives for the ideal, is distinguished by elegance, is of particular value to cognitive activity for professionals and society.

Keywords: knowledge, ideal, grace, art, classics, culture, modernism, muses, science, jurisprudence, beauty, scientism, technology, creativity

For citation: Boiko A. I. The art of (legal) science. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):22–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-22-38>. EDN YGSATV

Пролог. На заседании Клуба моральных наук в Кембридже в середине прошлого века между философами Карлом Поппером и Людвигом Витгенштейном разгорелся нешуточный спор о том, является ли возникший вопрос настоящей проблемой или только головоломкой для развлечений. Что за тема «Искусство науки», чем она вызвана и подкреплена, можно ли считать её злободневной, куда поведёт автор читателей¹? Или по завершении знакомства со статьёй они посчитают, что имели дело с продуктом возрастных фантазий подержанного профессора. Почему он, отраслевик из последних по технологии юридического управления отраслей знания, вызвался рассуждать о такой высокой материи? Пересекается ли вообще

¹ Один чиновник в изложении бунтаря Отечества «заводил в лес, откуда без **МОЛИТВЫ** выйти нельзя» ([1, с. 233]).

и как преимущественно «творческое» искусство, обязательно выражающее субъективные ощущения и представления автора, с сугубо рациональной, толерантной, безвкусной правовой наукой? На эти вопросы постараюсь представить если не полнокровные ответы, то хотя бы видение их контурных вариантов. В целом же буду исходить из того, что **стремление к прекрасному присуще всем слоям общества и неуничтожимо, а удовлетворяют эти страстные порывы в основном и наиболее привлекательно мастера искусств.**

Моя землячка Фаина Раневская по какому-то поводу высказалась, что она родилась «в ту эпоху, когда в моде были *искусные* (курсив наш – А.Б.) дамские обмороки». Продолжение приведённых слов великой актрисы ныне видится таким: в гусарском XIX веке талантливая демонстрация кратковременной потери сознания отечественными барышнями воспринималась российскими джентльменами, отчётливо понимающими картинность женского недомогания как кокетство и хитрость, как сигнал к *галантному* состраданию с последующим натиском на запретные плоды. Но в Отечество явился революционный XX век, гегемон которого не владел салонной деликатностью, зато на своём уровне пролагал дорогу к будущему гендерному равенству демократического Запада¹. На что та же Раневская в свойственной ей и созвучной новым временам манере отозвалась так: «Поклонников-то миллион, а в аптеку сходить некому».

Это я к тому, что сам рождён и вырос в эпоху, когда натурализм в искусстве и вообще в культуре привёл в итоге к господству выдержанной классики и зажиму модерна, преимущественно иноземного, к мотивированию и администрированию творчества методом пропуска в публичный прокат лишь тех творений, которые могли быть поняты обывателем или производимым большинством населения и не станут причиной девиантного поведения масс. А ныне настали иные времена, когда песенных ремейков больше их прародителей, когда «фанера» вытеснила живые трансляции, когда тысячи хохмачей и юродивых тачают на сценах низкопробный юмор, когда зрителей эстрады потчуют самоназванными хитами, представляющими собой соитие безголосых певцов либо певичек с толпой полуобнажённых танцоров противоположного пола, изображающих страсть с явными элементами похоти, когда самое эфирное время национального телевидения отдано для многочасовых разбирательств пакостей исключительно в русских семьях, а на 4-й и 5-й кнопках демонстрируется преимущественно детективное «мыло», когда практически все спортивные соревнования именуются национальными комментаторами «дерби» или конскими скачками, когда время заграничных предсезонных сборов наших футбольных клубов тратится на разработку и тренировку коллективных поцелуев с братанием в стиле «куча мала» и прочих форм эксклюзивного рекламного экстаза по поводу случайно забитого гола в ворота соперника... Когда и т.д., когда и т.п., когда и прочее. А в такой духовной атмосфере, когда даже культура в упадке и искусство хромает, то быть с изъясными социальным наукам сам Бог повелел. Ведь «и на Солнце бывают пятна, и архиерей чихает».

Столько строк потрачено нами на изложение своеобразия нынешней попсовой культуры и, частично, искусства единственно для того, чтобы подкрепить болезненность темы и обложить её следующими мятежными вопросами: а нужно ли защищать в юридическом, особенно в уголовно-правовом порядке такую, с позволения сказать, культуру; а стоит ли правоведению ориентироваться на высоты искусства и какой инструментарий ваятелей прекрасного могли бы задействовать в своём промысле мы, специалисты по организации коллективной жизни на основании безвкусных шаблонов или типовых норм? На первый вопрос я, в силу своих возможностей, уже ответил и желающие в состоянии лично ознакомиться с моими доводами в вышедшей публикации [3]. А потому к этой стороне смычки искусства и права больше возвращаться не будем. Остаются вопросы о пригодности гуманитарного

¹ Кто не верит, может по моей подсказке обратить внимание на стилистику литературного певца эпохи формирующейся пролетарской культуры, связывающего длинное повествование единственным глаголом «говорит», а венцом намеренных упрощений бытописания о взаимоотношениях полов следует считать его рассказ «Аристократка» ([2, с. 472–476]).

(юридического) подвоя для прививки искусством, о квалификации агронома (автора статьи и последователей), о видах на прирост более качественного для пользователей урожая. Мы обязательно попытаемся ответить на них, но позже (ниже).

Мысль о необходимости обращения современных отечественных юристов к запасникам и технологиям культуры и искусства явилась ко мне не вчера и не на эмоциональной подушке. Около 15 лет назад я даже разработал устав интеллектуального клуба «Искусство науки» и отложил задуманное на антресоли памяти до осени 2022 года. С 30 сентября того года по 16 мая 2023 года вместе с руководимой кафедрой уголовно-правовых дисциплин мы попытались поднять культурный фон отраслевой юридической мысли посредством организации и проведения 3-х всероссийских круглых столов с международным участием, последовательно посвящённых языку уголовного закона, личности в науке и уголовному праву как феномену культуры. А теперь вот покушаюсь на высший пласт культуры – искусство с тем, чтобы обсудить допустимость использования его идеалов, вкусов и технологий для оживления и очеловечивания правоведения.

По сути или о содержании предлагаемых к сочетанию культовых фрагментов общества. По привычным и в подавляющем большинстве случаев не порицаемым канонам исследований они начинаются с краткой определённости содержания тех явлений или понятий, возможности и полезность взаимодействия которых предстоит оценивать.

Что же представляет собою то, что лишь понимается как **искусство** или действительно является таковым? Справочно или на энциклопедическом уровне оно трактуется как «осмысление, воспроизводство и преобразование действительности в художественных образах», «удовлетворение любви человека к прекрасному» и «доставление ему эстетического удовольствия», как «часть духовной культуры человечества». Специально заметим, что в XIX веке произошла дифференциация искусства на т.н. «прикладное» (ремесло, народные промыслы) и «настоящее» (изящное или классическое). Разумеется, желанную (привлекательную по содержанию и слогу) юридическую науку следует развивать, сопоставлять и оценивать в русле *классического* профессионального искусства.

Поясняем, почему: а) в эпохи глубинных реформ визгливое креативное меньшинство подавляет своим напором молчаливое инертное большинство населения, отчего классика в культуре и искусстве уступает своё верховенство новаторству, что выражается в охаивании и перелицевании театральных, литературных, музыкальных, архитектурных, балетных, киношных шедевров прошлого толпой продюсеров, сценаристов, постановщиков и режиссёров модернистского толка. В этом мутном нашествии «обновленческого» андеграунда вспоминаются горькие и пророческие для современности слова из давнего письма Долженко → Юткевичу: «Серега, как жаль, что матери многих наших режиссёров вовремя не сделали себе аборт!»; предупреждение К.С. Станиславского, что по нотам нужно играть и «Боже, царя храни», и «Интернационал»; общеизвестный планетарный завет «глупцы не чужды вдохновения», которым Е. Баратынский даже нарёк своё стихотворение.

Наука же есть сфера человеческой деятельности, занимающаяся познанием окружающего мира и человека, систематизацией полученных сведений, объяснением происходящих процессов с целью постижения истины. Она бесстрастно изучает действительность с представлением акцентированного выводного знания, правил его реализации в практике и прогнозов эволюции, а искусство олицетворяет видение художниками слова, кисти, резца, смычка и т.д. не всей, а лишь отдельных фрагментов действительности, причём в запоминающейся привлекательной форме и с делегированием потребителю творчества права самостоятельно судить, что прекрасно и достойно преклонения, а что подлежит отвержению. Бог науки – это строгий разум, а искусства – самолюбивые чувства, цель науки – истина, а искусства – прекрасное, наука ставит на рациональное сознание, а искусство – на вольные эмоции, наука жизнь изучает, а искусство – её показывает.

На этой основе состоятельны два предположения: *первое* – совместимость науки и искусства, ведь предмет отражения у них один, а различие подходов и методов к нему есть

свидетельство все(разно)сторонности, которая ни в одной области пока не опозорилась; *второе* – существует преимущественная потребность науки в искусстве, но не наоборот – ведь поэты, художники, музыканты не нуждаются в знании аксиоматических закономерностей природы и человечества, а аскетичной науке потребны привлекательные приёмы сбыта продуктов своего труда. Вот и прибегают правофланговые сциентизма к публицистике, творческим эссе, откровенным мемуарам, освобожденным от тягомотных формул, аргументов, цитат и сравнений. Таковы правила маркетинга в социуме, особенно потребительском: ежели твой полезный, технологичный и доступный по цене для потенциального потребителя «товар» выглядит непрезентабельно, вызывая не упакован и не снабжён наглой рекламой, лежать ему на пыльном складе. Однако принципиальной совместимости предмета внимания искусников и юристов, а равно правил хищного рынка может быть и недостаточно для увлечения правоведов другой, пусть и более привлекательной системой восприятия и оценки жизни. Помните отечественный, непотопляемый, в исполнении большинства искренний, у кого-то ироничный выкрик XIX века: *«нам конституции не надо! Мы и без них проживём!»*. Посему предложение о заимствовании юристами хотя бы части сервировки и гигиены труда служителей муз требует продолжения начатого разговора – о дифференциации человеческих знаний и различиях их анклавов, профессиональной расположенности правоведения к прекрасному и современном непритязательном состоянии юридической мысли, её речевой и текстовой форм.

Объёмы и структурирование сциентизма эволюционируют, как и в искусстве. Воздействие научно-технического прогресса, постоянно усложняющихся сфер быта и досуга, стремительно увеличивающегося континуума информации и дифференциации трудовой деятельности человека привели к тому, что одним из доминирующих каналов развития знания стала специализация. Вначале, по критерию предмета анализа наука разделилась на два базовых лагеря – *естествознание* (природа) и *обществознание* (социум), а позже на пограничье объявился отряд *научоведов*, сравнивающих достоинства и преимущества этих двух гигантских анклавов знания.

По итогам компаративистского труда науковедов термин «science» ныне адресуется только естественным знаниям, а гуманитарное знание стало ассоциироваться с набором остроумных, но безрезультатных слов, с пригодностью только для классификаторских построений и ценностных суждений, со способностями описывать уже случившиеся события вместо их прогнозирования, даже с продажностью. Приводятся и доводы для подобного унижительного приговора: а) гуманитарий (в том числе и юрист) включён в исследуемый объект и потому заведомо пристрастен; б) у общественных наук нет постоянно работающей экспериментальной базы как обязательного условия надёжности исследований и доказательства практической приемлемости их итогов; в) правящий класс всегда и с помощью постоянно множасьихся способов результативно «мотивирует» именно обществоведов к выбору «нужных» проблем, «глубине» их проработки и, особенно, к «правильным» выводам – в целях расширения веры в справедливость установившихся при нём порядков [4, с. 529–534].

Негатива добавляют и лидеры мирового естествознания, которые: иронично классифицируют науки на естественные, неестественные и противоестественные (*Л. Ландау*); призывают верить лишь в то, что можно измерить, но не торжественно объявить (*М. Планк*); все отрасли мысли в отличие от физики называют простым собиранием марок (*Э. Резерфорд*). Если это так, то нам или следует жить надеждой на перспективу прибыльного синтеза естествоиспытателей и гуманитариев, покинувших ещё в античную эпоху общий родительский дом – натурфилософию, что пророчествуют современные организаторы науки¹, или настоящее искусство с его технологиями и притягательностью нам не по зубам и наш удел – ремесленничество?

¹ См., напр.: *Михаил Ковальчук* рассказал о слиянии наук в современном мире // Интервью газете «Известия» https://life.ru/t/%D0%B8%D0%B3%D1%80%D1%8B/985446/avtory_for_honor_blokiruiut_polzovatieliei_zh_otkaz_ighrat (дата обращения – 15.03.17).

Думается, не всё так печально. Существует множество аргументов не только «против», но и «в пользу» стремления гуманитарного знания к искусности.

Препоны привлекательности отраслевой юриспруденции таковы:

а) *объективные* – право является типовым (шаблонным) орудием управления, и с этим ничего не поделать; допущенное государством поголовное юридическое образование, за которым безальтернативно последовало повальное остепенение целой когорты людей, которые «больше написали, чем прочитали», напроочь исключает появление в России новых гениев ранга А.Ф. Кони; громадное имущественное расслоение по итогам криминальной приватизации породило атомизацию населения, что вкупе с «культурой потребления» привело к духовному растлению общества¹ и оскудению социальной привлекательности юриспруденции;

б) *субъективные* – упоение обманчивым политическим либерализмом вместо прежнего пользования невинным просветительством; вторая «смерть» крылатой латыни (знания и свободного пользования языком и речью древних кудесников права)²; организованный «свыше» пропуск во «внутренние» (национальные, этнические, коммунальные) покои протестантского эгоизма или духовной отравы (приоритет личного интереса над общественным, прославление прав и свобод при забвении обязанностей) подарил нам юридическую пандемию и отраслевую автаркию, канцеляризм духа и мысли; принуждённое жить с одним «источником разума» (текстом УК РФ) уголовное право стало пользоваться только аксиомами и практически игнорирует презумпции – эти «почки роста» свежего и потому привлекательного знания...

Сомнения относительно допустимости и полезности обращения юриспруденции к эстетике различных сфер искусства связаны и с тем, что искусство как образец для подражания наукой подвержено колебаниям от расцвета до упадка и наоборот. Декаданс, безверие и разочарования поражают его в эпохи глобальных реформ и обличения национального прошлого, когда общественную сцену оккупируют шарлатаны разных мастей, наблюдаются процессы надругательства над реализмом, отторжения проверенной классики с подменой её низко-сортным футуризмом. Наша страна как раз переживает (в который уже раз!) такое «мутное» время – сейчас покажем это, а впереди ведь ещё афтершоки:

а) в письмах Г.И. Успенского XIX века, посвящённых впечатлениям от посещения вернисажей новых художников Европы в Лувре, Люксембурге и других «культурных» городах континента, отмечалось: «везде... есть целые сотни венер, т.е. голых баб в разных видах для стариков, и я заметил, что, кроме известного впечатления, в них нет другой мысли;

¹ Вот слова исповеди совести отечественного актёрского цеха, недавно ушедшего из жизни *Юрия Мефодьевича Соломина* из его «Морали века»: С заботы «о следующем поколении начинается воспитание любви к Родине – когда ты чувствуешь заботу Родины о себе. А сейчас я слушаю все эти рассуждения – платное образование, элитные школы... Я вообще не понимаю, что это такое – элитные ученики. Что такое элитные собаки или лошади – понимаю. А элитных людей не знаю – знаю образованных. Интеллигентных знаю. Попытка заместить один класс другим – интеллигенцию на элиту, степень элитарности которой определяется уровнем их дохода, – рождает расслоение, а с ним одичание душ, которое мы получили» (Горечь фраз Юрия Соломина про то, что происходит с Россией // <https://zen.yandex.ru/media/kitch/gorech-fraz-iurii-solomina-pro-to-chto-proishodit-s-rossiei-600e848a10f02c6bc248d238> (дата обращения – 31.01.21)).

² Моё поколение знавало, ценило и помнит профессора *Митрофана Ивановича Ковалёва* – патриарха национального правоведения из Свердловска/Екатеринбурга, по моим сведениям единственного юриста страны, свободно говорившего на забытой латыни – представителя раритетного искусства отрасли. Приятно сознавать, что его ископаемая способность высказываться на юридическом эсперанто отмечена мною в предисловии к монографии «Римское и современное уголовное право», а условием появления на свет нашей книги «Преступное бездействие» было выставлено опубликование в ней направленной в издательство рецензии М.И. Ковалёва, умершего накануне выхода монографии из печати, что не принято.

одна прикрывается рукою, другая лежит спиной, третья поджав ноги, четвёртая спит навзничь, – словом, бездна... Когда я смотрел всю эту мерзость запустения, мне вдруг необыкновенно полюбилась Венера Милосская, которую я, признаться, видел, но не понял сначала. Какое сравнение с этими, не имеющими мысли, женскими телами и той: та, старая, чуть не развалившаяся статуя, с попорченной щекой, с прогнившими в алебастре щелями от ветхости, с обломанными руками,... с лицом, полным ума глубокого, скромная, мужественная, мать, словом идеал женщины, который должен быть в жизни, – вот бы защитникам женского вопроса смотреть на неё. Она вся закрыта, – у неё видны – лицо, грудь и часть бёдер, но это действительно такое лекарство, особенно лицо, от всего гадкого, что есть на душе, – что не знаю, какое есть ещё другое?» [5, с. 111];

б) великий русский писатель и «обмирщённый философ» (Л.Н. Толстой), наблюдая за закатом литературы «серебряного века», взял на себя функции арбитра и написал: «Если бы я был царь, я бы издал закон, что писатель, который употребит слово, значение которого он не может объяснить, лишается права писать и получает 100 ударов розги» [6, с. 54], а в другом случае презрительно отозвался о буйно развивающейся «однодневной литературе» или журналистике так: «перестал читать газеты и даже во рту стало приятнее». Бедный Лев Николаевич! Он даже с помощью галлюцинаций не мог предвидеть будущего проигрыша профессиональной журналистики блогерам и соцсетям, но более всего – рекламного терроризма, в обстановке которого мы ныне живём. Всепроникающая навязчиваемая реклама в сочетании с требованиями передачи личных данных в общий котёл сведений о населении многих смущает до тех пределов, что при посещении домашнего унитаза они пристально осматривают его из опасений встречи с «нечто», предлагающим до реализации цели визита срочно и выгодно купить «Густой домостос» либо требующего Справку об отсутствии судимости;

в) но всё это меркнет на фоне массового участия народных и заслуженных артистов СССР и России в прославлении банков, сетевых маркетов, экзотических видов спорта и прочего. Наблюдая за их отдачей в статусе главных героев рекламных роликов, нужно признать эти роли пиковыми в карьере творцов прекрасного, второй и более удачной жизнью в искусстве. Тут на память приходит ехидство Ф.Г. Раневской: в конце пятидесятих годов, когда артистов московских театров ещё развозили по домам одним ведомственным автобусом, один из коллег громко испустил воздух из желудка, на что Фаина Георгиевна моментально отреагировала словами о том, что «второе дыхание, к сожалению, открылось с большим историческим опозданием, т.е. после спектакля»;

г) в безграничных и даже авантюрных поисках своего «я» в искусстве, модернисты всех эпох идут на откровенный разрыв с классикой, заявляют о необходимости решительного отказа от природных пропорций и прочих закономерностей. Всего два примера: 1) почти тридцать пять лет назад во время посещения нью-йоркского «The Metropolitan Museum of Art» автору статьи «посчастливилось» лично наблюдать стадно-показушный (с победным поглядыванием на экскурсантов из других стран) экстаз азиатских туристов, неистово катающихся, а затем отрешённо лежащих на полу перед одним из вариантов «Чёрного квадрата» К. Малевича. Спаси и сохрани моих соплеменников от повторений подобного циркового катарсиса! С момента появления данной картины толпы искусствоведов прокармливаются возле неё, находя в ней множество цветовых оттенков и торжествуя от данного впечатления, а ещё увязывая «прямоугольник» с новым непревзойдённым течением в искусстве – супрематизмом, олицетворяющим дерзкий отказ от природной предметности и формы в угоду бесшабашному футуризму и авангардизму. Насчёт искусства и непревзойдённости «Чёрного квадрата» зело сомневаемся. Ведь если какую-то фигуру на прямоугольном полотне оклеить малярной лентой, то любой примат замажет лапой внутреннее пространство краской любого цвета и тем повторит фокус Малевича. Нам же представляется, что в данном случае Казимир Северинович употребил гениальный трюк, завуалированный намёк для потомков, насмешливо замаскировал прогноз предстоящего их поклонения перед продуктом его намеренного издевательства над искусством. Художник-то знал, что творит, ибо был осведомлён о нашем

туземном восхищении любым импортом и любым разрывом с классикой. Причём только в крайней и бескомпромиссной форме, лишь бы покруче; 2) второй «шедевр» искусства – картина норвежского экспрессиониста Эдварда Мунка «Крик», которую называют «Моной Лизой» нового времени по той причине, что она олицетворила огромный сдвиг в западной культуре на пороге XX века, когда прежняя стабильность сменилась тотальной неуверенностью, когда человечество отвернулось от Бога, традиций и обычаев, когда на место восторженного Ренессанса пришла континентальная паника. На наш взгляд, «Крик» Мунка имеет своим адресатом и приводит в экстаз виктимных по отношению к поддельному искусству граждан, предназначенных для стадного поклонения чужим, часто болезненным впечатлениям и переживаниям. Согласимся, что замысел выразить с помощью кисти критическое состояние души человека не плох, но выполнен он на уровне первокурсника училища искусств;

д) ну и «вишенка на торте», претендующая на титул шедевра музыкального искусства, выполнена три месяца назад во время конкурса «новаторов», организованного главным каналом федерального ТВ Германии. Относительно молодая и почти голая немка сыграла на сцене небольшую сюиту посредством дудки, вложенной в гениталии. Зрители огромного зала и целая галерея экспертов, составляющих жюри, впали в экстаз. Я думаю, одних таких «шедевров искусства» достаточно для начала СВО против экспорта с Запада подобных «демократических ценностей».

Законный вопрос: а стоит ли отраслевым наукам ориентироваться на такое вот искусство? Ответу суконным языком современной социологии – *скорее нет, чем да*; классика ведь остаётся и её пока не запрещают. Разочарование прошлым и отчуждение от него на уровне искусства не может длиться вечно; увлечение масс дурным и безвкусицей схлынет так же стремительно, как и нагрянуло на обывателей. А диалектика и мораль для нас такова: перманентное падение уровня классического искусства служит шансом для повышения духовной привлекательности низшей по статусу казённой юриспруденции (по правилу «на безрыбье и рак – рыба»).

Аргументы за окультуривание юридической науки искусством: а) аксиологическая теория критериями ценности всех и любых природных и социальных объектов, процессов и явлений почитает, помимо необходимости и полезности, ещё и **приятность** или **эстетику** (адепты – В.А. Василенко, О.Г. Дробницкий, М.С. Каган, Д.А. Леонтьев, Н.О. Лосский, А.П. Огурцов, С.Л. Рубинштейн, В.П. Тугаринов, А.Г. Харчев, Б.А. Чагин и другие¹). Необходимость и полезность уголовного права как бы признана, минимум не подвергается сомнению, а вот связанное с ними свойство приятности почему-то пока не замечается и не акцентируется;

б) в юридической науке последних лет пробивается предложение о включении в методический аппарат правоведов **эмпатии** – установки на сопереживание, понимание эмоций других людей [8, с. 66]. Заявляется, что только эмпатичная личность может поставить себя на место другого человека и понять то, что он ощущает: грусть, радость, печаль, боль. Эмпатия позволяет проявлять заботу и сочувствие к другим людям, лучше взаимодействовать и строить отношения с окружающими. Замечу, что сам термин «эмпатия» был введён в научную литературу в начале XX века и первоначально ориентировался только на сферу искусств. Но со временем её понимание стало шире, и сейчас она рассматривается как сложный процесс синтеза эмоционального и когнитивного компонентов. Эмпатия позволяет эстетично воспринимать чувства другого человека, а затем рационально учитывать их и реагировать на них;

в) представители естествознания или суперрациональные люди, изучающие бесчувственные природные закономерности, тем не менее, тянутся к прекрасному. Послушайте: 1) «воображение важнее, чем знания. Знания ограничены, тогда как воображение охватывает целый мир, стимулируя прогресс, порождая эволюцию. Логика может привести Вас от пункта А к пункту Б, а воображение – куда угодно...» (А. Эйнштейн); 2) «...наряду с поиском знания

¹ См. подробности в нашей статье: [7].

ради высшего наслаждения, т.е. наряду с «наукой для науки», человечество ещё более теперешнего будет искать счастья в наслаждении всяческой красотой, т.е. в «искусстве для искусства» [9, с. 10]; 3) А. Пуанкаре – «истины нечего бояться, так как лишь она одна прекрасна»¹. Но что такое «истина» по определению знаменитого французского физико-математика? По его разумению, помимо «истины научной» нужно иметь в виду и «нравственную истину, одним из видов которой является то, что называют справедливостью»; 4) «физики» в трудных ситуациях апеллируют к универсалиям социальной мысли: общеизвестны кодексы нравственности, принадлежащие виднейшим представителям естествознания, которые сообразно предмету ведения, таланту и статусу первыми чувствовали надвигающийся техногенный Апокалипсис и потому страстно призывали современников и коллег облагородить НТП моральными святынями и творениями искусства, оформленными в виде манифестов (основатели Пагуошского движения Б. Рассел и А. Эйнштейн, российские академики А.Д. Александров [10, с. 22] и Д.С. Лихачёв [11, с. 218]), выдвинувшие по 10 нравственных установок или Декалогов для представителей науки, работающих на переднем крае человеческого разума, а «отец» советской водородной бомбы Ю. Харитон рекомендовал не сообщать властям более 5% нового знания (дабы последние не использовали их во вред обществу). Присовокупим в этот ряд и броские, но сильные высказывания швейцарского мыслителя-эссеиста XIX века А.-Ф. Амьеля («Мысль без поэзии и жизнь без возвышенного – это пейзаж без неба: среди него задыхаешься»)² и «нашего» Ю.М. Соломина («Без искусства нет народа»)³;

г) опору юриспруденции на искусство *косвенно* можно оправдать и тем, что сами мастера прекрасного удачно культивируют совмещение двух и более муз. Так, П.А. Федотов на вернисажах ярко декламировал собственное поэтическое пояснение сюжета и деталей самого известного полотна **«Сватовство майора»** (приведём лишь несколько строк: * Честные господа, Пожалуйте сюда! Милости просим, Денег не спросим: Даром смотри, Только хорошенько очки протри. * Начинается, Починается, О том, как люди на свете живут, Как иные на чужой счёт жуют. Сами работать ленятся, Так на богатых женятся. * Вот извольте-ко посмотреть: Вот купецкий дом, – Всего вдоволь в нём, Только толку нет ни в чём: Одно пахнет деревней, А другое харчевней. Тут зато один толк, Что всё взято не в долг, Как у вас иногда, Честные господа!...)⁴.

Нахожу этот пример доказательством выгоды сочетания сразу двух муз одним автором одного творения искусства – в чём прямой необходимости для приёмки картины социумом не было; а нам, смертным, обращение к раритетам и практике искусства показано не только как дополнительная опция либо излишество, но в качестве предельного и очень чувствительного душевного дезодоранта. Почему бы юристам в ходе лекций и в публикациях не фаршировать вынужденно казённый текст, настоянный на нормативизме, художественными вставками (в области уголовного права наиболее пригодны к этому разделы знаний о субъективной стороне преступления, необходимой обороне, причинно-следственной связи, посягательствах на личность и т.д.);

д) особо заявим потребность в приёме искусствоведческой пищи для поглощения казуистического правоведения студенчеством и полезности поставки им подобных витаминов усилиями ППС. Ведь период девичества и юношества – это время самоуверенных ожиданий обязательно блестящего будущего («воссияла нам уверенность, что «золотой век» находится

¹ La valeur de la science – *фр.*

² Из дневника Анри Амьеля. По русскому изд. 1894 г. / Пер. на рус. – М.Л. Толстой; Предисловие Л.Н. Толстого. (<https://proza.ru/2016/06/24/1467> - дата обращения 11.05.2024)

³ Авторский блог Екатерины Глушик от 19.01.2024 г.: Из беседы с Ю.М. Соломиным. – https://zavtra.ru/blogs/yurij_solomin_bez_iskusstva_net_naroda (11.05.2024).

⁴ Поставим в ряд «смежников» и ставшие традиционными научные конференции в МГУ по несменяемой тематике «Эстетика научного познания», с материалами которых каждый может познакомиться и в электронной среде.

не позади, а впереди нас» [12, с. 215]) и буйства чувств, поиска объекта своего вожделения и концентрации внимания на нём вопреки грубой рациональности жизни, увлечения как прекрасным того, что пока доподлинно не изведано, но таковым кажется с первого взгляда, готовности заложить карьеру, судьбу и даже жизнь за идеал. Будем честны: тексты и лекции нынешних юристов в силу множества причин не доставляют «эстетического удовольствия» обучаемым, но последние принуждены демонстрировать лояльность нашим аудиторным и письменным поучениям лишь в силу статуса повинного сословия, которому предстоит сдача экзаменов и зачётов преподавателям. Иногда кажется, что нынешнее образовательное чиновничество требует от авторов курсовых и дипломных проектов ссылок на научную и учебную литературу только последних 5-ти лет исключительно по той причине, чтобы студенты, не дай Бог, не ознакомились с книгами юристов позапрошлого века и лично не удостоверились в безвкусице и примитивизме современных оракулов с научными степенями и званиями. Спаси и помилуй!

е) эстетика аргументов мысли и речи (письменной и устной) особо востребована для юриспруденции, ибо её мысли и по содержанию, и по форме объективно принуждены быть шаблонными и в этом отношении не вполне пригодными к творчеству и решению нестандартных задач – в силу того, что право есть «заведомо равная мера к заведомо неравным людям и обстоятельствам». Уголовное право же, которое обслуживает самые гнусные человеческие поступки и межличностные конфликты, пребывает в максимально ущербном положении, ибо оно ограничено в применении лишь одним письменным источником. Здесь, хочешь – не хочешь, но для гашения социальных неурядиц и сохранения гражданского мира в буйном общежитии нужно проявлять чудеса убедительности и изобретательности, изощрённого изящества, если хотите. Отсюда озарение, наитие, интуиция и пр. – способы преодоления замшелых, непреодолимых проблем типа акцессорности соучастия. Важно помнить и о священном долге вузовских преподавателей перед студенчеством или будущим страны, результатами мастерского обольщения которых предстоящим промыслом мы пока похвастаться не можем. В силу этого, проигрывая «бесчувственным» физикам в рациональности, точности и даже добросовестности познания, для терпимого восприятия социумом своего интеллектуального труда лирики вынуждены прибегать к иезуитской изобретательности – оценочным нормативам, политическим и избирательным технологиям, перманентно обновляемым идеологическим установкам, ссылкам на высказывания вождей и правящих партий как временных победителей политического соревнования, эвфемистике и даже фейкам. А это – искусство *sui generis*;

ж) весь мир, включая англосаксов, признаёт значимость и даже превосходства русской культуры и искусства. А известный интеллектуал юриспруденции из Питера, прославившийся самобытными блогами, к тому же отметил, что «цивилизацию можно понимать как определённый способ адаптации человека к окружающей среде. А культуру как информационную матрицу данной цивилизации... Я считаю, что культура (а искусство тем более и в первую очередь – А.Б.) входит в понятие цивилизации, является её духовной составляющей... О развитии той или иной цивилизации судят именно по памятникам культуры... Лидирующие сейчас в технологическом отношении нации кичатся своими успехами, но угроза глобальных катастроф заставляет задуматься: что останется от цивилизации, которая ничего не представляет, кроме технических усовершенствований. Прогресс нации определяется её духовными устремлениями! Стремление же ко всё большему комфорту – самый короткий путь к войне»¹.

Вне сомнения, самый ожидаемый, важный и вкусный фрагмент размышлений по обсуждаемой проблеме вправе титуловаться **«центральным»**, ибо касается того, как инструментарий, идеалы и вообще практика искусства могут влиять на одухотворение

¹ Николай Кофырин – Новая Русская Литература – <https://www.nikolaykofyirin.ru> (дата обращения – 29.04.2023).

и конечную эстетику правовой науки. Естественные, но и запредельные, скажем откровенно, ожидания и настроения, поскольку юристы пока являются потребителями, но не производителями прекрасного (в XIX веке в подобных ситуациях наши предшественники эстетично оправдывались словами «в баталиях не участвовал, никого не покалечил и даже пороха не изобрёл»). Попробуем абрисно или в стиле попури наметить каналы влияния искусства на право:

1. Ориентационные поля и универсальные установки, частные технологии искусства и мотивы стремления к прекрасному, сервировку стола и способы гигиены труда творцов изящного, на наш взгляд, допустимо дифференцировать на **три группы**. Они олицетворяют как открытую сцену, так и закулисы созидательной деятельности мастеров искусства: а) личные, появляющиеся неожиданно, без приглашения и действующие на грани бессознательного позывы к творчеству – *воображение, интуиция, озарение, наваждение, наитие, наслаждение*; б) но для появления раритетов культуры нужны постоянная тяга и внутренняя готовность к высокому искусству, а не только инстинктивные побуждения к творчеству, потребна постоянная жизнь в кругу высших культурно-духовных ориентаций социума, которые на русском языке обозначаются словами «*вкус*», «*гармония*», «*идеал*», «*изящество*», «*индивидуальность*», «*красота*», «*ценность*», «*эстетика*», «*эталон*»; в) наконец, творчеству на уровне искусства способствуют различные рукотворные механизмы самовозбуждения, поддержания либо восстановления работоспособности типа «*ассоциаций*», «*импровизаций*», «*вдохновения*» или «*эвристики*», а равно искусственные погружения в протрацию в форме *катарсиса, сатори, нирваны*.

Не надо лишь путать указанные предельные состояния души, вызываемые представителями искусства для самовозбуждения к творчеству либо используемые ими для восстановления работоспособности, с «кайфом» золотой молодёжи, медитациями обывателей на сеансах Кашпировского и Чумака, сладкими фантазиями с закрытыми глазами Г. Вицина в фильме «Женитьба Бальзаминова» или кустарными наслаждениями русских помещиков эпохи крепостного права, которые любили, чтобы им «после обеда бабы пятки чесали» [13, с. 97].

2. Эстетика пробивается в юриспруденцию или находит отражение в ней посредством: а) инициативного обращения индивидов к универсальным категориям и технологиям искусства; б) именно творческого объяснения нестандартных правовых ситуаций, разрешение которых по закону возможно лишь с помощью неуклюжих типовых норм; в) вынужденного доведения необходимости и смысла правовых требований государства до разгневанных их существованием потребителей в наиболее доходчивой, привлекательной и даже изящной форме.

3. Конечно, искусство или творческие позывы, выходящие за пределы традиционного (как сегодня модно говорить) отраслевого «дискурса» в трудах юристов имеются¹. При подготовке статьи автор искал в библиотечных коллекторах издания с условной котирующей «Уголовно-правовые труды с привкусом искусства» и вот что обнаружил. Максимально точно и строго говоря, считать настоящими художниками мысли и слова (искусства) в уголовно-правовой науке можно считать **Эдуарда Эрастовича Перцова** с его «Искусством брать взятки» [14], **Петра Сергеевича Пороховщикова** – за общеизвестное руководство

¹ Автор считает долгом отметить, что работ по культурологическим основам уголовного права издано множество и принадлежат они А.А. Арямову, О.Н. Бибику, Ю.Д. Блувштейну, Ю.И. Бытку, Г.И. Волкову, Я.И. Гилянскому, Ю.В. Голику, М.С. Гринбергу, А.В. Грошеву, Ю.А. Демидову, А.П. Дьяченко, В.В. Есипову, Ю.А. Зюбанову, О.С. Капинус, И.И. Карпецу, Г.Л. Касторскому, В.Е. Квашису, Л.Р. Клебанову, И.Я. Козаченко, Л.В. Кондратьюку, А.Ф. Кони, Л.Л. Кругликову, В.Н. Кудрявцеву, Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Кулыгину, А.А. Левенстиму, В.В. Лунееву, В.В. Лысенко, Г.В. Мальцеву, Е.В. Медведеву, К.К. Панько, В.В. Похмелкину, С.А. Приданову, О.В. Пычёвой, И.М. Рагимову, А.И. Ситниковой, А.В. Сумачеву, С.В. Тасакову, А.А. Тер-Акопову, А.В. Уссу, Г.С. Фельдштейну, Р.Д. Шарапову, С.В. Шевелёвой, Д.А. Шестакову, Н.В. Шигиной, Б.В. Яцеленко и другим видным учёным, а также членам Российской криминологической ассоциации имени А.И. Долговой.

под названием «Искусство речи на суде» [15], **Александра Григорьевича Звягинцева** – автора множества книг и талантливое популяризатора антикриминальной практики¹, **Анатолия Валентиновича Наумова** – за необычное исследование о судьбе А.С. Пушкина [16], **Валерия Григорьевича Беляева** – автора элитарно-энциклопедических трудов [17–18], **Никиту Георгиевича Иванова** – издавшего целую серию необычных по тематике и изящных по исполнению книг в форме рефлексий и бесед о нашей отрасли [19–21]; столичного художника **Алексея Меринова** – за талантливые и весёлые иллюстрации к Уголовному кодексу РФ [22]. Пусть простит нас читатель за вполне прогнозируемые упущения в списке правоведов, прославившихся заметными порывами к искусству, приняв в разумение пионерский уровень размышлений и узкоотраслевую дислокацию автора.

4. Невозможно удержаться от того, чтобы ни отметить важность и огромное эстетическое воздействие на участников различных симпозиумов юристов исчезающего искусства публичных профессорских пикировок. Лично я испытывал несравненное наслаждение от подобных сценических выступлений неперенных членов президиума множества научных собраний заслуженных деятелей науки РФ, профессоров **М.М. Бабаева** и **В.Е. Квашиса** и даже объявлял им в кулуарах, что ставлю их игровые вкрапления в дискуссии выше, чем написанные ими и самые читаемые поклонниками монографии.

5. Один из кумиров общественной мысли недавнего прошлого отметился запоминающейся фразой «**Подскажите правила хорошего думания**». Это я к тому, что чувствую себя обязанным предложить хотя бы общие стартовые, ориентировочные меры по повышению эстетической привлекательности юридической науки. Рискну: а) пробное введение в качестве минимального требования к диссертациям практики вкрапления в их тексты латинских изречений или аннотаций на латыни; б) условие принятия на работу в вуз профессора юриспруденции – чтение открытой лекции на заседании Учёного совета (практика России XIX века); 3) использование в научных исследованиях т.н. максимума «ориентационных полей» юридических и уголовно-правовых знаний, в том числе из арсенала искусств²; г) изменение структуры и котировки положений на защиту диссертаций (в некоторых зарубежных вузах они дифференцируются на три группы – являющиеся эксклюзивным продуктом мыслительного творчества исключительно автора, вносящие уточнения в уже заявленные позиции предшественников, требующие дальнейшей проработки в доктрине); д) организационное сопровождение и поддержка усилий индивидуалов и эстетов права (интеллектуальный клуб «Искусство науки» и его основные направления либо другие варианты).

Что касается примеров успешного использования в общей и отраслевой юриспруденции ориентаций и технологий искусства, ограничусь сообщением, оговоркой и обещанием. В период подготовки рукописи статьи автор созванивался и списывался со своими коллегами по России и пытался выпросить у них подобные сведения, но безуспешно. Надеемся на результаты предстоящих дискуссий в «Интеллектуальном клубе», предназначенном для поиска и доведения до сведения юристов примеров удачного культивирования в правовой доктрине интуиции, озарения, вкуса, эстетики, энциклопедичности, индивидуальности, изящества и т.д.

Лично автор пытался задействовать технологии создания шедевров прекрасного в таких «бермудских треугольниках», как: 1) определение фактического числа взяточников в стране методом деления ежегодной суммы мзды (экспертная оценка Генпрокуратуры) на среднюю сумму взяток по обвинительным приговорам судов (данные ВС РФ) – за год оно оказалось больше, чем жителей Китая и Индии вместе взятых; 2) загадочная ситуация с причинами возбуждения СК РФ уголовных дел в отношении казённых хищников и олигархических

¹ Все творения привести невозможно. Назовём маленькую, субъективно отобранную часть творческих книг: На веки вечные, романы из цикла «Сармат», Кофе на крови, Казусы истории, Палачи ада, Роковая Фемида, Неизвестная Фемида, Ветер возмездия, серия книг о Нюрнбергском и Токийском судебных процессах, Прокуроры двух эпох, Куда смотрит прокурор и т.д.

² Наше понимание данного средства см., например, в публикациях: [23–27].

мародёров только после того, как последние вывезли украденные авуары за кордон и сами с семьями оказались там – сопоставление объёмов вывезенного и оставшегося в стране капитала со связями указанных персонажей в правоохранительной и судебной системах, количеством иномарок при зданиях РОВД, СК, судов и пр.); 3) произведённые в нашем многотомнике¹ сопоставления медиан санкций УК РСФСР 1960 года и действующего УК РФ по 7 самым распространённым общеуголовным деликтам с коэффициентом преступности по ним за 1959 и 1995 гг. с надеждой, что криминологические данные хотя бы за последние годы перед принятием Кодексов будут учтены парламентами (надежды не оправдались – разрыв между двумя названными коррелянтами оказался очень впечатляющим).

Допустимые выводы: а) искусство науки – то, что противостоит, с одной стороны, задаваемой особенностями юридического промысла казёнщине, а с другой – появившемуся на горизонте «искусственному интеллекту», нацелено на творчество или такой намеренный выход за рамки банальностей и практицизма, который не противен логике науки и её местоположению в общественной системе разделения труда, покоится на индивидуальности мыслящего субъекта, стремится к идеальному, отличается изяществом, представляет особую ценность познавательной активности для учёных и социума;

б) насколько простолюдины и учёные грешны, настолько же они и нуждаются в омоложении прекрасным. Основные технологии и культовые результаты искусств могут и должны служить очистительной (нравственной и духовной) подушкой сциентизма;

в) основной раздражитель и мотив хотя бы временного или парциального ухода юристов из пресного мира штампованных нормативных текстов и типовых правил в царство прекрасного – шаблонность их мысли и публикаций, обусловленная предметом и задачами профессиональной деятельности, а дополнительный – вызывающая нестыковка статичного типового права с динамичной индивидуальной жизнью;

г) очередную эпоху оголтелого модернизма в искусстве и его намеренного противопоставления классике следует считать модным «гримом времени», болезненным поветрием, вызванным кардинальным обновлением страны и общественными психозами, не ставящими под сомнение важность искусства вообще для очеловечивания социальной мысли и практики. Краткосрочная непогода минет и в дело вступят долговременные климатические закономерности по нетленному правилу «до греха она была чертовски хороша, а после искушения её привлекательность враз исчезла»;

д) прежде говорили: «нельзя научиться хотеть», «кому нравится поп, а кому – его аппетитная попадья», «нет лавки, в которой бы продавался ум»... Добавим: нельзя купить (даже если захочется или понравится мысль о подобной инвестиции) способность к самостоятельному художественному творчеству, но расположение к «чужому» прекрасному и трансляция этого впечатления на собственный рутинный промысел точно облагородит профессиональную деятельность любого юриста. Культивируемая (пока и к сожалению) только отдельными юристами инкрустация статей и речей посредством игривого представления порционных частей текстов и выступлений тонкими афоризмами эстетов мысли и слога, а также вкрапления латинизмов и народных присловий – сродни услужливому, с замедленным учтивым поклоном открытию двери дома милому для сердца гостю. Ведь «не красота вызывает любовь, а любовь заставляет нас видеть красоту» (Л. Н. Толстой), ведь «лондонские туманы не существовали, пока их не открыло искусство (О. Уайльд);

е) «что мешает писателю?» – рассуждал *Э. Хемингуэй*, – и отвечал так: «выпивка, женщины, деньги и честолюбие... А также отсутствие выпивки, женщин, денег и честолюбия». По капризу диалектики одни и те же обстоятельства как мешают, так и потворствуют проявлениям порывов к искусству в юриспруденции, и мы это пытались показать в тексте;

¹ Подробности в книге: [28].

ж) пока юридические исследования в Отечестве отличаются мелкотемьем, тяжеловесным академизмом, метанием между оголтелой критикой законодательства и верноподданнической лирой, но никак не приближаются к творениям Ч. Беккариа и А. Ф. Кони, Н. С. Таганцева и В. Г. Беляева..., от прикосновения к которым душа переполняется чувствами восхищения прошлым и зависти от искусности прислужников Фемиды и Немезиды тех времён. Да и приказной, трафаретный стиль постановлений Пленума Верховного Суда РФ далёк от изысканности текстов решений и наставлений кассационных департаментов Правительствующего Сената и тем законно отдаляет перспективу возвращения актам толкования закона высшей судебной инстанции страны статуса «руководящих» или «обязательных» напутствий;

з) Президент США Р. Рейган останется в истории мысли изобретателем неубиваемой сентенции, будто **«все сторонники аборт – люди, успевшие родиться»**. Она пригодна для дискуссии и применения ко многим областям общественной практики и научной деятельности, а для завершения нашей беседы может служить противоядием отказу сциентистов от подпитки своего творчества классическим искусством. Будем критически относиться к издателям привилегированных журналов и аттестационным учреждениям науки, культивирующим преклонение перед строгим соблюдением дисциплинарных границ знания и пиетет перед казуистичностью стиля.

Ординарный профессор Харьковского университета Леонид Евстафьевич Владимиров, основатель первых в России курсов по обучению журналистов в начале XX века, достаточно убедительно и красиво изложил стратегию движения к этому: «идеальное (или «человеческое») наказание не должно превышать «пределов выносимости людей известной эпохи», иметь перед собой «разумную цель» и не обездоливать, «без совершенно неизбежной необходимости, целые группы людей, тесно связанных с наказанным преступником» [29, с. 93]. Вот и уголовное право целиком и постоянно нуждается в «очеловечивании» – сообразно всё новым условиям окружающей его среды и с опорой на эстетику искусств. При положительном исходе настоящего начинания есть смысл заняться анализом конкретных способов, каналов и ориентиров воздействия классического искусства на теорию и практику борьбы с преступностью – ассоциаций, вдохновения, вкусов, воображения, гармонии, идеалов, изящества, импровизаций, индивидуальности, интуиции, катарсиса, красоты, наития, наслаждения, озарения, творчества, ценностей, эвристики, эстетики, эталонов.

Одно «но»: лишь бы «добрые» люди не усмотрели в нашем начинании и анонсированном продолжении мудрствований о каналах созвучия науки с искусством (посредством будущих заседаний Интеллектуального клуба) попытку создания вольнодумной организации типа «Общества предвкушения гармоний будущего» либо «Общества чарующих движения воды», о которых упоминал великий пересмешник России М.Е. Салтыков-Щедрин. Лишь бы наши мысли по сегодняшней, самостоятельно поднятой теме не были облихованы в административном порядке. Кстати, во время предыдущей 2-х часовой открытой лекции автор даже страховался тем, что на демонстрационном экране постоянно пульсировал маячок **18+** – сами знаете, что означает сей маркер для публичных представлений современных «культурных творений»; да и воспринимается любое действие с такой аттестацией интригующе и заманчивее, вызывает страстные ожидания необычности.

Апостол Павел учил, что **«девственность не предписывается, а только рекомендуется»**. Самых привередливых читателей просим считать нашу статью неким «пробным шаром», декольте или той частью платья, ради которой оно и шьётся, лакмусовой бумажкой для исследования проблем качества и социальной терпимости юридического регулирования и, особенно, уголовного преследования, приглашением к совместному анализу завораживающего процесса воздействия эстетических ценностей искусства на правоведение. Ведь согласно меткому наблюдению заслуженно цитируемого всеми М.Е. Салтыкова-Щедрина всяк, «кто считает карьеру свою далеко не оконченную, когда проезжает мимо Сената, то всегда хоть одним глазком да посмотрит на него» [30, с. 318].

«Даже самые красивые и длинные ноги где-то да заканчиваются!» (Е.С. Лец). Пора прекращать разговор с будущим читателем. Автор не был бы собой, если не завершит статью соосным теме подобным умозаключением – одновременно нацеленным на прекрасное, томи-тельным и загадочным, двусмысленным и в чём-то искусным. Хотя фантомный михалковский мичман «Криворучко» из телепередачи «Бесогон» в двери моего кабинета пока не скребётся, а читатели текста, принуждённые к срочному прекращению знакомства с ним в силу различ-ных обстоятельств, всегда могут продолжить занятие попозже, в том числе для подготовки критических отзывов. Sapienti sat¹.

Список источников

1. Герцен А.И. Былое и умы / Предисл. В.А. Путинцева. Примеч. Н.П. Анциферова. Оформление М. Большакова. – М.: «Дет. лит.», 1973. – 576 с.
2. Зощенко М.М. Разнотык: Рассказы и фельетоны (1914-1924) // Собрание сочинений. Состав., вступ. ст. и примеч. И.Н. Сухих. – М.: Время, 2008. – 848 с.
3. Бойко А. И. Культурная оснастка уголовно-правовой доктрины: потребность и основные параметры // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 135–142. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-135-142>
4. Бернал Дж. Наука в истории общества / Пер. с англ. А. М. Вязьминой и др.; Общая ред. Б.М. Кедрова, И.В. Кузнецова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1956. – 735 с.
5. Письмо Успенского Успенской А.В. 10 мая 1872 г. // Успенский Г.И. Полное собрание сочи-нений: в 14 т. [ред. Н.Ф. Бельчиков и др.]. Т. 13. Письма. 1849-1886. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 704 с.
6. Развивайте дар слова: Факультативный курс «Теория и практика сочинений разных жан-ров (VII-VIII кл.)» / [Ю.И. Равенский, П.Ф. Ивченков, С.А. Никольская и др.]; Сост. Т.А. Ладыженская и Т.С. Зепалова. – М.: Просвещение, 1977. – 176 с.
7. Бойко А. И. Проблема ценностей в уголовном праве // Северо-Кавказский юридический вест-ник. 2022. № 1. С. 117–129. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-117-129>
8. Трикоз Е.Н. К вопросу о методах познания права // Современные проблемы правоведения: Сборник научных трудов. – Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1998. С. 60-67.
9. Мечников И.И. Этюды оптимизма / ред. и послесл. [с. 294-333] проф. И. Е. Амлинского; Акад. наук СССР. – М.: Наука, 1964. – 339 с.
10. Александров А.Д. Нравственная роль науки // Проблемы повышения эффективности научно-исследовательской работы: Материалы к науч.-практ. конф.. Часть 3. – Новосибирск [б.и.], 1968. – 226 с.
11. Лихачев Д.С. Раздумья: [Для сред. и ст. шк. возраста] / Дмитрий Сергеевич Лихачев. – М.: Дет. лит., 1991. – 316 с.
12. Сороковые годы XIX века: В мемуарах современников, документах эпохи и худож. произ-ведениях / [Сост., авт. предисл. и пояснит. заметок Я. Эльсберг]; [Подготовка текста и примеч. Ю. Манна]. – М.: Детгиз, 1959. – 430 с. (М.Е. Салтыков-Щедрин).
13. Чехов А.П. Пассажир первого класса, 1886 г. // Собрание сочинений в двенадцати томах. Том 5: Рассказы, юмористическая смесь. 1886-1887. – М.: Издательство «Правда», 1985. С. 97-103.
14. Перцов Э.П. Искусство брать взятки. Рукопись, найденная в бумагах умершего титуляр-ного советника Тяжалкина. – СПб.: В типографии Н. Греча, 1830. – 74 с. (репринт: М.: Центрполи-граф, 2017).
15. Пороховщиков П.С. Искусство речи на суде / П. Сергеич. – М.: Юрид. лит-ра, 1988. – 380 с.
16. Наумов А.В. Посмертно подсудимый: [Об А. С. Пушкине]. – М.: Рос. право: МП «Вердикт», 1992. – 335 с.
17. Беляев В.Г. Применение уголовного закона: Учебное пособие. 2-е изд-е. – М.: Издательский дом «Юпитер», 2006. – 445 с.;
18. Беляев В.Г. Уголовное право. Заметки доцента. – Волгоград: Изд-во ВАГС, 2003. – 395 с.

¹ Умный поймёт (лат.).

19. Иванов Н.Г. Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности: Учеб. пособие для вузов. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998.
20. Иванов Н.Г. Беседы о преступлении и наказании в пределах уголовного права и не только, умножающие скорбь (рефлексии профессора Иванова). – М.: Юрлитинформ, 2018. – 144 с.;
21. Иванов Н.Г. Модельный уголовный кодекс: Общая часть. Опус № 1: Монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – 143 с.
22. Иллюстрированный Уголовный кодекс Российской Федерации: в рисунках Алексея Меринова. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 516 с.
23. Бойко А.И. Реформы, идеология и мировоззренческая культура правоведения // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 3. С. 6-20;
24. Бойко А.И. Ориентационные поля уголовно-правовых знаний // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (29-30 января 2015 г.). – М.: РГ-Пресс, 2015. С. 75-78.
25. Бойко А.И. О нравственно-антропологическом измерении уголовно-правовых знаний // Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма: сб. науч. тр. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; под общ. ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. – Минск: Акад. МВД, 2015. С. 208-216.
26. Бойко А.И. О многогранности юриспруденции и юристов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 2. С. 150-154.
27. Бойко А.И., Сашенко А.А. Прошлое и будущее отечественной уголовно-правовой доктрины // Спутник высшей школы: Межвузовский научный журнал. 2021. № 1. С. 18-39.
28. Бойко А.И. Система и структура уголовного права. В 3 т. Том II: Системная среда уголовного права. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. – 640 с. (С. 11-14).
29. Владимиров Л.Е. Уголовный законодатель как воспитатель народа. – М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1903. – 256 с.
30. Салтыков-Щедрин М.Е. Благонамеренные речи. – М.: Правда, 1984. – 639 с.

References

1. Herzen A.I. *Past and Minds*/ Preface. V.A. Putintseva. Remark. N.P. Antsiferova. Form of M. Bolshakova. Moscow: «Det. Lit.»; 1973. 576 p. (In Russ.)
2. Zoschenko M.M. *Schlostyk: Stories and Felletons (1914-1924)*. Works collection. Composition, come. Art. and Note. I.N. Sukhykh. Moscow: Time; 2008. 848 p. (In Russ.)
3. Boiko A. I. Cultural equipment of the criminal law doctrine: the need and the main parameters. *North-Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(2):135–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-135-142>
4. Bernal J. Science in the history of society. Transl. from English by A. M. Vyazmina et al.; General Ed. B.M. Kedrova, I.V. Kuznetsov. Moscow; 1956. 735 p. (In Russ.)
5. Letter of Uspensky for Uspensky A.V. May 10, 1872 g. In: *Uspensky G.I. Complete collection of works*: 14 vol. (ed. N.F. Belchikov et al.). Vol. 13. Letters. 1849-1886. Moscow: Russian Academy of Sciences; 1951. 704 p. (In Russ.)
6. *Develop the gift of the word: Optional course «Theory and practice of compositions of different genres (VII-VIII cl.)»*. Yu.I. Ravensky, P.F. Ivchenkov, S.A. Nikolskaya, etc.; Host. T.A. Lady-feminine and T.S. Zepalova. Moscow: Enlightenment; 1977. 176 p. (In Russ.)
7. Boiko A.I. The problem of values in criminal law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(1):117–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-117-129>
8. Trikoz E.N. On the question of methods of knowledge of law. In: *Modern problems of law-making: Collection of scientific works*. Krasnodar; June 1998:60–67. (In Russ.)
9. Mechnikov I.I. *Optimism Studies*. Ed. and Postsla. (p. 294-333) Prof. I. E. Amlinsky; Acad. Sciences of the USSR. Moscow: Nauka; 1964. 339 p. (In Russ.)
10. Aleksandrov A.D. Moral role of science. In: *Problems of increasing the efficiency of research work: Materials to science.-practical. conf. Part 3*. Novosibirsk; 1968. 226 p. (In Russ.)
11. Likhachev D.S. *Pondering*. Moscow: Det. Lit; 1991. 316 p. (In Russ.)

12. *Forties of the XIX Century: In the memoirs of contemporaries, documents of the epoch and artists. Works. Essay., Avt. preface. and explain. notes by J. Elsberg; Preparation of text and note by Y. Mann.* Moscow: Detgiz; 1959. 430 pp. (M.E. Saltykov-Shchedrin). (In Russ.)
13. Chekhov A.P. Passenger first class, 1886. In: *Collection of essays in 12 vol. Volume 5: Stories, humorous mixture. 1886-1887.* Moscow: Pravda; 1985:97–103. (In Russ.)
14. Pertsov E.P. *Art of taking bribes. Manuscript found in the papers of the dead titu-liar advisor Tya-zhylin.* Saint Petersburg; 1830. 74 pp. (reprint: Moscow: Center-polygraph, 2017). (In Russ.)
15. Gunmen P.S. *Art of speech at the court / P. Sergeich.* Moscow: Yurid. Lit; 1988. 380 p. (In Russ.)
16. Naumov A.V. *Posthumously Defendant: [About A. S. Pushkin].* Moscow: Ros. Parvo: MP «Verdikt»; 1992. 335 p. (In Russ.)
17. Belyaev V.G. *Application of the Criminal Law: Training Manual.* 2nd edition. Moscow: Jupiter; 2006. 445 p. (In Russ.)
18. Belyaev V.G. *Criminal Law. Notes of the associate professor.* Volgograd; 2003. 395 p. (In Russ.)
19. Ivanov N.G. *Anomalous Subject of Crime: Problems of Criminal Responsibility: Study. Manual for universities.* Moscow: Zakon I pravo, UNITY; 1998. (In Russ.)
20. Ivanov N.G. *Conversations about crime and punishment within the limits of criminal law and not only multiplying sorrow (reflexes of Professor Ivanov).* Moscow: Yurlitinform; 2018. 144 p. (In Russ.)
21. Ivanov N.G. *Model Criminal Code: General Part. Opus 1: Monograph.* Moscow: UNITI-DANA, Zakon I parvo; 2003. 143 p. (In Russ.)
22. *Illustrated Criminal Code of the Russian Federation: in Alexei Merinov's drawings.* Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2013. 516 p. (In Russ.)
23. Boiko A.I. Reforms, ideology and world view culture of law. *Legal policy and life.* 2004;(3):6–20. (In Russ.)
24. Boiko A.I. Orientation fields of criminal law knowledge. In: *Criminal law: strategy of development in the XXI century: materials of the XII International scientific and practical conference (29-30 January 2015).* Moscow: RG-Press; 2015:75–78. (In Russ.)
25. Boiko A.I. On the moral and anthropological dimension of criminal law knowledge. In: *Ethical and anthropological characteristics of modern law in the situation of methodological and dological pluralism: V.I. Pavlov, A.L. Savenka (eds.).* Minsk; 2015:208–216. (In Russ.)
26. Boiko A.I. About multifaceted jurisprudence and lawyers. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2017;(2):150–154. (In Russ.).
27. Boyko A.I., Sashenko A.A. Past and future of the domestic criminal-legal doctrina. *Satellite of high school: Interuniversity scientific journal.* 2021;(1):18–39. (In Russ.)
28. Boyko A.I. *System and Structure of Criminal Law. Vol. II: System Environment of Law.* Rostov-on-Don; 2007. 640 p. (P. 11–14). (In Russ.)
29. Vladimir L.E. *Criminal legislator as an educator of the people.* Moscow; 1903. 256 p. (In Russ.)
30. Saltykov-Shchedrin M.E. *Benevolent speeches.* Moscow: Pravda; 1984. 639 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. И. Бойко – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. I. Boiko – Doctor of Lawyer Sciences, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 03.05.2024; одобрена после рецензирования 28.05.2024; принята к публикации 29.05.2024.

The article was submitted 03.05.2024; approved after reviewing 28.05.2024; accepted for publication 29.05.2024.

Роль современной юридической науки в жизни российского общества

Геннадий Васильевич Назаренко

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, gv@nazaren.co,
<https://orcid.org/0000-0001-7572-5100>

Аннотация. В статье сделана попытка на примере уголовно-правовой мысли показать роль юридической науки в жизни российского общества. С этой целью рассмотрено состояние, в котором находится уголовно-правовая доктрина. Установлено, что юридическую науку представляют на общественной сцене две неравноценные группы лиц: одни реально занимаются научными исследованиями, другие – имитируют научную деятельность. При этом публикации второй группы подвергаются справедливой критике и рассматриваются как проявление кризиса в науке. Несмотря на указанные негативные факторы, научное сообщество прямо либо косвенно оказывает положительное влияние на жизнь российского общества. В частности, уголовно-правовая наука определяет пути развития уголовного законодательства, выполняющего охранительные и регулятивные функции, и тем самым гармонизирует конфликтные отношения. Научное сообщество юридических вузов и академических институтов не только производит и воспроизводит профессиональные знания, но и приобщает к их освоению в различных формах студентов, аспирантов и докторантов. Значительную роль в развитии и внедрении научных знаний в общественную практику играют научно-квалификационные работы по уголовно-правовым дисциплинам. Автор показывает, что труды криминалистов пользуются интересом даже в среде ранее судимых лиц и рецидивистов. В заключении сделан вывод, что организация юридической науки далека от совершенства и требует существенной реорганизации, чтобы отвечать ожиданиям и требованиям общества.

Ключевые слова: вытеснение творческого меньшинства, имитация научной деятельности, обезнаучивание диссертаций, реорганизация научной деятельности, состояние юридической науки

Для цитирования: Назаренко Г. В. Роль современной юридической науки в жизни российского общества // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 39–46. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-39-46>. EDN ZYMEYI

Legal Science Discussion Problems

Original article

The role of modern legal science in the life of Russian society

Gennady V. Nazarenko

Southwest State University, Kursk, Russia, gv@nazaren.co, <https://orcid.org/0000-0001-7572-5100>

Abstract. The article makes an attempt to show the role of legal science in the life of Russian society using the example of criminal law science. For this purpose, the state in which criminal law science finds itself is considered. It has been established that legal science is represented by two unequal groups of people: some actually engage in scientific research, others imitate scientific activity. At the same time, publications that

are imitative in nature are subject to fair criticism and are considered as a manifestation of a crisis in science. Despite the existence of negative factors, the scientific community directly or indirectly has a positive impact on the life of Russian society. In particular, criminal law science determines the ways of development of criminal legislation that performs protective and regulatory functions, thereby harmonizing conflict relations. The scientific community of law universities and faculties, being part of Russian society, not only produces and reproduces scientific knowledge, but also involves students, graduate students and doctoral students in its development in various forms. A significant role in the development and implementation of scientific knowledge into public practice is played by scientific and qualifying works in criminal law disciplines, including those not free from certain shortcomings. This study shows that the works of criminologists are also of interest among previously convicted persons and repeat offenders. In conclusion, it is concluded that the organization of legal science is far from perfect and requires significant reorganization in order to meet the expectations of society.

Keywords: state of legal science, imitation of scientific activity, displacement of the creative minority, pseudoscientific dissertations, reorganization of scientific activity

For citation: Nazarenko G. V. The role of modern legal science in the life of Russian society. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):39–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-39-46>. EDN ZYMEYI

Введение. Современная наука занимает в жизни общества значительное место, поскольку её достижения проникают в повседневный быт, оснащают через посредство материального производства техникой и различными механизмами, меняют наш менталитет и характер речи. Большинство граждан положительно относится к достижениям науки, несмотря на негативные прогнозы развития так называемого «искусственного интеллекта» и апокалиптические сценарии тех, кто высказывает опасения бесконтрольного использования науки и её достижений. При этом одни люди необоснованно ждут от науки намного большего, чем она может дать, в том числе решения проблем значительного продления жизни человека и даже его искусственного бессмертия, всеобщего благоденствия и освоения межпланетного пространства. Другие считают, что использование машин и механизмов делает человека физически дряблым, доступность информации в Интернете ослабляет его интеллект, а дальнейшее развитие научно-технического прогресса угрожает самому существованию людей. При этом упускается из виду, что условия функционирования науки создаются политически организованным обществом, а не Академией наук, как и социальный заказ, адресованный ученым государством от имени социума.

Основная часть. В отличие от наук, достижения которых улучшают качество жизни людей, юридическая наука призвана если не гармонизировать общественные отношения, то во всяком случае определить пути развития законодательства, способного уладить конфликты, возникающие в сфере действия различных отраслей права. Для более детального осмысления роли современных уголовно-правовых знаний в жизни российского общества вначале следует ответить на вопрос, в каком состоянии находится современная юридическая наука?

В настоящее время существуют две точки зрения в отношении состояния юридической науки: позитивная и негативная. Сторонники позитивно-созидательного подхода полагают, что современная юридическая наука развивается и отвечает потребностям российского общества [1, с. 98-99; 2, с. 4]. Представители негативно-критического подхода, напротив, считают, что она находится в кризисном состоянии. В частности, В.В. Лазарев отмечает, что юридическая наука превратилась в служанку власть предержащих и описывает симулякры [3, с. 188], В.Д. Зорькин связывает ее кризисное состояние с тем, что «право рушится. Рушится стремительно» [4], В.М. Розин в свою очередь видит кризис в том, что в данной науке используется устаревшая методология и привычные представления о праве [5, с. 8-9]. Кроме того, в современных публикациях отмечаются такие признаки кризисного состояния юридической науки, как отсутствие действенных механизмов воздействия

на практику и, соответственно, отсутствие реальной направленности науки на совершенствование практики применения юридических норм [6, с. 19].

Сказанное с определенными оговорками можно отнести к уголовно-правовой науке, поскольку ее представители находятся в системе отношений, которые накладывают свой негативный отпечаток на творческую деятельность современных криминалистов. Вместе с тем трудно согласиться, что вся юридическая наука находится в кризисном состоянии: представление о том, что одни ученые являются «сторонниками кризиса юридической науки», а другие – выражают мнение, что наука «не стоит на месте» и «отвечает общественно-политическим потребностям общества» [7, с. 143] является односторонним. На самом деле, уголовно-правовую науку представляют две группы людей: одна группа реально занимается научными исследованиями (творческое меньшинство), другая группа имитирует научную деятельность (имитаторы-балласты). Соответственно, результаты деятельности творческого меньшинства оцениваются положительно, а результаты, имеющие имитационный характер и низкую степень научной достоверности, подвергаются критике и рассматриваются как проявление кризисных явлений в науке.

Уголовно-правовая наука, как и любая отрасль юридической науки явлена в социальном пространстве в виде текстов: письменных либо устных, которые в юридической литературе иногда именуется устной и письменной речью. При этом речь справедливо отождествляется с текстом, поскольку речь как таковая имеет такие текстуальные признаки, как тема, связность и цельность. Вполне доказано, что сам «текст есть функционально завершенное речевое целое» [8, с. 16]. Особенно отчетливо и подробно этот феномен рассмотрен в законодательной текстологии уголовного права [9, с. 259–264]. Остается лишь уточнить, что в качестве письменных текстов в уголовно-правовой науке фигурируют монографии, статьи, тезисы и другие жанры научной литературы, а устными текстами являются выступления ученых по уголовно-правовой тематике на заседаниях Российского конгресса уголовного права и менее значимых форумах, конференциях, Круглых столах и других научных мероприятиях.

Значительную роль в развитии юридической науки играют научно-квалификационные работы, поскольку диссертационные исследования различного уровня позволяют судить о состоянии современной правовой науки, в том числе о ее достижениях и недостатках. Ознакомление с кандидатскими и докторскими диссертациями последнего десятилетия позволяет сделать вывод, что среди указанных диссертаций нередко появляются квалификационные работы, имеющие имитационный характер. Эти подделки, имитирующие научно-квалификационные работы, имеют формальное сходство с диссертационными текстами, поскольку, как правило, содержат необходимые структурные элементы, в том числе такие рубрики Введения, как актуальность темы исследования, степень её научной разработанности, объект, предмет, цель и задачи исследования, методологическая основа, теоретическая, нормативная и эмпирические базы исследования, научная новизна, основные, положения, выносимые на защиту, и так далее. Внешнее сходство имитационных опусов с научно-квалификационными работами, имеющими творческий характер, создает ложное впечатление, что эти подделки обладают теоретической и практической значимостью, а также необходимой степенью достоверности и научной новизны. В действительности, такие работы, прежде всего, отличает завышенная самооценка, отсутствие новизны, криминологической обоснованности и низкая степень достоверности.

Внимательное чтение этой наукообразной «халтуры» показывает, что при обосновании актуальности темы исследования имитаторы перечисляют мелкие, второстепенные и посторонние обстоятельства, так как не способны обосновать политико-правовые, социальные, экономические и культурные составляющие актуальности. В имитационных текстах обычно отсутствуют такие базовые компоненты, как определение проблемы, выдвижение гипотезы (гипотетической теории) и подведение итогов, которые являются показателями

научного творчества и ступенями научного исследования. В диссертационных работах, претендующих на получение докторской степени, постановка научной проблемы нередко имеет дежурный характер и не сопровождается выдвижением гипотетической теории и подведением итогов, которые корреспондируются с целью и задачами исследования.

Обращает на себя внимание, что методы исследования в таких работах обозначаются, но никогда не служат способами проверки гипотезы и не имеют никакого отношения к теории объекта и метаобъекта.

Соискатели научных степеней, которые ссылаются на диалектические методы, имеют весьма отдаленное представление о диалектическом материализме, его законах и парных категориях и не ведают о существовании такой непарной категории, как «состояние», которая имеет два критерия: качественный и количественный, а также временной некатегориальный срез.

Другие методы (лингвистические, математические и так далее), будучи указанными в методологии исследования, не применяются, так как доминирующим способом квалификационных работ последних десятилетий выступает компиляция, которую шутники называют методом *reкле* – режь и клей. Не случайно списки использованной литературы в диссертациях не содержат методологических работ. Зато эти списки «украшают» публикации на трех и более иностранных языках, словно соискатели действительно владеют английским, немецким, французским и другими языками. Вопреки этому в самом тексте отсутствуют цитаты якобы использованных зарубежных публикаций.

Типичной ошибкой при описании степени научной разработанности темы исследования является составление перечней фамилий авторов, которые имеют публикации по сходной тематике. Именно так осуществляется подмена сведений о состоянии теории в области исследуемого объекта тривиальным перечнем фамилий. Причем такого рода подмена стала настолько привычной, что на нее не обращают внимания научные руководители, консультанты и оппоненты. Более того, вопрос о метатеории объекта ставит соискателей в необъяснимый тупик. Реальность такова: зачастую в диссертационных работах нет анализа состояния теории объекта и как следствие отсутствует анализ состояния исследуемой проблемы по существу.

Соискатели научных степеней, кандидаты и доктора наук образуют научное сообщество, которое является частью российского общества, и в качестве такового это сообщество производит и воспроизводит научные знания в сфере правовой науки и юридического образования, а также пытается внедрить результаты научных исследований в законодательную и правоприменительную практику, тем самым прямо либо косвенно оказывает опосредованное влияние на жизнь современного российского общества в качестве проводника научных знаний. Однако степень этого влияния сдерживает целый ряд социальных, экономических и организационных факторов, которые ограничивают возможности научного сообщества. Они хорошо известны каждому ученому и не нуждаются в детальном рассмотрении в рамках настоящей статьи. Это прежде всего низкая оплата научного труда, непродуманные (количественные) наукометрические показатели оценки деятельности ученых, всевозможные стандарты, практикуемые юридическими журналами, подражание западным критериям, предъявляемым к научным публикациям, оценка оригинальности научных статей с помощью коммерческих программ, не способных выявить плагиат, и многое другое, что тормозит развитие юридической науки и трансформирует научное сообщество в бюрократизированный придаток госаппарата, теряющий остатки живого общения с широкими слоями общества. Шутники не случайно повторяют пастиш известного изречения вождя пролетариата о декабристах, говоря: «Узок круг криминалистов и страшно далеки они от народа». Звучит этот пастиш довольно цинично, но, тем не менее, соответствует фактам. За неимением свободного времени ученые забыли дорогу в гимназии, колледжи и на производство, выбыли

из числа просветителей и наставников. По сути дела, мы находимся в кругу профессиональных забот, который на латыни называется «*circulus vitiosus*», то есть замкнутый круг.

Рано или поздно в таких обстоятельствах доминантные имитаторы размножатся до максимально возможного предела и займутся вытеснением ученых, которые создают творческие результаты. В последние десятилетия признаками процесса вытеснения из научной среды творческих лиц являются ангажированные защиты не только кандидатских, но и докторских диссертаций. Обращает на себя внимание, что в научной среде образовались группы «штатных» оппонентов, которые в силу сугубо материальной заинтересованности всячески поддерживают научно-квалификационные работы, не обладающие новизной, теоретической и практической значимостью, не отвечающие требованиям, предъявляемым к научно-квалификационным работам. При этом официальные оппоненты нередко не имеют научных публикаций по теме диссертационных исследований, а диссертационные советы не обращают внимания на такое несоответствие. Указанные факты свидетельствуют о том, что процесс обезнаучивания диссертаций ведет к неизбежному росту имитаторов в научной среде и вытеснению ученых, которые ведут творческие исследования и в отличие от псевдоученых не занимают интригами.

Значительную часть населения любой страны составляют граждане, не занятые в сфере юриспруденции. Эти лица обычно оценивают научную деятельность представителей юридической науки по характеру обучения родственников в юридических вузах, а также по результатам деятельности правоприменителей в судах, правоохранительных органах, общественных и частных структурах, занимающихся юридической практикой. Прямо скажем, рядовые граждане весьма недовольны деятельностью правоприменителей, высказывают многочисленные критические замечания в адрес судей, сотрудников полиции и других лиц, занимающихся юридической практикой, поскольку зачастую сталкиваются с формализмом, волокитой и принятием необоснованных решений.

Разумеется, о роли юридической науки в жизни общества правопослушные граждане глубоко не задумываются, их больше интересуют тарифы нотариусов, пошлины по гражданским искам, стоимость услуг адвокатов и прочие расходы. Интерес к научным трудам правоведов в современном обществе отсутствует. Тем не менее, в вузах более или менее успешно идет приобщение к изучению научных трудов студенческой части общества. В аспирантурах и адъюнктурах это приобщение осуществляется недостаточно активно, что и показывает разница между количеством лиц, принятых в аспирантуру и защитивших диссертации.

Несколько иное, можно сказать, особое отношение к уголовно-правовой науке сложилось в криминальной среде, которая образует довольно значительную часть российского общества. Ранее судимые лица внимательно относятся не только к разъяснениям норм действующего Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, которые даются дознавателями, следователями, адвокатами и прокурорами, в процессе непосредственного общения с участниками уголовных процессов, но и самостоятельно изучают комментарии к УК РФ, а также правоположения, содержащиеся в постановлениях Пленумов Верховного Суда.

Сотрудникам уголовного розыска хорошо известно, что преступные элементы активно интересуются изысканиями уголовно-правовой науки и разбираются в таких тонкостях, которые недоступны законопослушным гражданам. Например, воры-рецидивисты, имевшие многочисленные связи в различных регионах, находясь в СИЗО г. Алатыря в конце 70-х годов XX века, высказывали идеи создания преступных формирований, организованных как государственные структуры. При этом такие лица показали основательное знакомство с криминологическими трудами А.И. Гурова по организованной преступности, в которых в качестве признаков преступных организаций рассматривались: наличие общих финансовых фондов (общаки), официальное прикрытие (крыша), руководящие органы (паханат),

внутренние правила поведения (воровские понятия), наличие агентов влияния в государственных структурах (свои пацаны), иерархия по вертикали (паханы, контролеры, солдаты), профессиональная специализация по горизонтали (подельники, телохранители, разведка, контрразведка), субкультура (воровские обычаи, жаргон, клички, татуировки и т.д.).

Вполне профессионально ранее судимые лица, рассуждают о слабом превентивном воздействии запретов и санкций, содержащихся в ст. 158 УК РФ. Субъекты, неоднократно совершавшие кражи, весьма иронически отзываются об альтернативных санкциях, указанных в ст. 158 УК РФ. Они обращают внимание, что за «простую» кражу (ч.1) и кражи с отягчающими признаками (чч. 2 и 3) закон предусматривает не только лишение свободы, но и такие смехотворные, на их взгляд, наказания как штраф либо принудительные работы. При этом лица, судимые за так называемые «квартирные кражи», отмечают, что за кражу с проникновением в жилище (ч. 3 ст. 158 УК) суды назначают такое же наказание, как за «простую» кражу, в том числе лишение свободы сроком не свыше двух лет, а то и символическое наказание в виде штрафа либо принудительных работ. Воры-профессионалы во время общения с сотрудниками уголовного розыска риторически вопрошают, каким образом государство может взыскать с них штраф в размере до 80 тысяч рублей в случае их осуждения к лишению свободы, если учесть, что настоящий вор не работает ни в тюрьме, ни на воле?

Ранее судимые лица старшего поколения, ставшие конфидентами уголовного розыска, проявляют интерес к уголовно-правовой литературе и вполне обоснованно отмечают доктринальную неосведомленность законодателя в отношении реального воздействия административной преюдиции на состояние того сегмента преступности, на противодействие которому направлены уголовно-правовые нормы с административной преюдицией. Конфиденты отмечают, что подобные нормы в ряде случаев вызывают непредвиденные социальные последствия: с одной стороны, применение таких норм статистически увеличивает количество определенных видов регистрируемых преступлений, которые фактически являются административными проступками, а с другой стороны, сокращает количество работающих лиц мужского пола в конкретной сфере трудовой деятельности.

Невольно обращает на себя внимание обезнаученность ряда законов, внесших существенные поправки в действующий УК РФ, которые приняты представителями общества, избранными в Государственную Думу. В результате политически ангажированного и к тому же обезнаученного подхода к системе уголовно-правовых норм из Уголовного Кодекса изъяты такие эффективные инструменты противодействия преступности, как конфискация имущества в качестве вида наказания, признание преступников-профессионалов особо опасными рецидивистами и санкции в отношении таких лиц, предусматривавшие максимальные сроки лишения свободы и смертную казнь. Изъятие из системы наказаний конфискации имущества привело к тому, что коррупционеры, облеченные властью, чинами и званиями в последние десятилетия совершают хищения миллиардами (Захарченко – 9 млрд, Шестун – 10 млрд, Арашуковы – 29 млрд, Магомедовы – 300 млрд и др.) Ранее действовавший Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. предусматривал смертную казнь с конфискацией всего имущества за хищение свыше 10 тысяч рублей. Невыгодность особо крупных хищений при социализме была настолько очевидна большинству любителей поживиться за чужой счет, что столь крупных, как в настоящее время хищений, расхитители не совершали.

Обращает на себя внимание, что значительная масса населения получает представления об уголовном праве, уголовном процессе и деятельности уголовно-исполнительной системы путем просмотра фильмов о криминальных событиях и отбывании наказания в местах лишения свободы, а вовсе не в результате чтения научной литературы. В этой связи Д.А. Корецкий справедливо отмечает, что кинофильмы зачастую дают существенно искажённые представления о криминальных явлениях, которые они изображают. При этом воздействие кинопродукции оказывается настолько сильным, что ссылки на кинофильмы

о преступниках и преступности в спорных ситуациях используются как вполне достоверные аргументы [10, с. 145].

Довольно характерно, что студенты и преподаватели юридических факультетов, не имеющие практического опыта в правоохранительных органах, подвержены восприятию искаженных кино-представлений о мире криминала в не меньшей степени, чем представители других профессий. Указанные факты свидетельствуют о том, что существует еще одна проблема: каким образом необходимо донести до сознания студентов и неопытных преподавателей расхождение научных представлений о преступности и художественных образов, транслируемых средствами искусства.

Заключение. Указанные в настоящей статье факты свидетельствуют о том, что организация юридической науки далека от совершенства, поскольку деятельность научных кадров осуществляется по западным образцам, причем без должного финансирования и научной организации труда ученых. В университетской среде отсутствует не столько научная, сколько нормальная организация деятельности профессорско-преподавательского труда: учебные нагрузки в сочетании с научными исследованиями зашкаливают, а требования по всем (прежде всего – справочно-отчетным) направлениям преподавательской деятельности растут. Соответственно, снижается качество преподавания и научных исследований, зато количество сотрудников, практикующих имитационную научную деятельность, растёт, а роль юридической науки в жизни современного российского общества снижается, несмотря на все усилия ученых, занимающихся творческими исследованиями и внедрением теоретико-прикладных результатов в юридическое образование, законодательство и правоприменение.

Для устранения обозначенных недостатков и повышения роли современной юридической науки в жизни российского общества требуется существенная реорганизация научной деятельности в Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и вузах, которая затронет также и структурные подразделения Академии наук РФ. Со всей очевидностью, процесс соответствующей реорганизации может начаться, когда профессорско-преподавательские «низы» проявят надлежащую инициативу, а управленческие «верхи» в системе науки и высшего образования осознают, что используемая организация научной деятельности не отвечает потребностям общества.

Список источников

1. Тонков Е. Н. Источники права в «российском правовом реализме» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 11. С. 96–104.
2. Ситникова А. И. Законодательная текстология: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 344 с.
3. Лазарев В.В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы // LexRussia. 2013. № 2. С. 181–191.
4. Зорькин В.Д. Цивилизация права // Российская газета. 2014. 12 марта.
5. Розин В. М. Генезис и современные проблемы права: монография. М.: ЮФУ, 2001. 217 с.
6. Бойко А. И. Юридическая пандемия (о чрезмерной юридизации общежития и забвении других нормативных систем) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 17–31. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-17-31>
7. Маликова А. Х. К вопросу о российской юридической науке сегодня и перспективах ее развития в будущем // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. Вып. 10-3(49). С. 143–145.
8. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
9. Ситникова А. И. Уголовно-правовая текстология: монография. М.: Проспект, 2016. 304 с.
10. Корецкий Д. А. Отражение уголовного права в литературе и искусстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 143–148. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-143-148>.

References

1. Tonkov E. N. Sources of law in "Russian legal realism". *Bulletin of the University named after O.E. Kutafin*. 2020;(11):96–104. (In Russ.)
2. Sitnikova A. I. *Legislative textual criticism*: monograph. Moscow: Yurlitinform; 2016. 344 p. (In Russ.)
3. Lazarev V. V. Legal science: current state, challenges and Prospects. *Lex Russica*. 2013;(2):181–191. (In Russ.)
4. Zorkin V.D. Civilization of law. *Rossiyskaya Gazeta*. 2014. March 12. (In Russ.)
5. Rozin V. M. *Genesis and modern problems of law*: monograph. Moscow: Southern Federal University; 2001. 217 p. (In Russ.)
6. Boiko A. I. Legal pandemic (about excessive legalizing of the hostel and oblivion of other regulatory systems). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(2):17–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-17-31>
7. Malikova A. Kh. On the issue of Russian legal science today and the prospects for its development in the future. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020;10-3(49):143–145. (In Russ.)
8. Leontyev A. A. *Fundamentals of psycholinguistics*: Moscow: Smysl; 1997. 287 p. (In Russ.)
9. Sitnikova A. I. *Criminal law textual criticism*: monograph. Moscow: Prospekt; 2016. 304 p. (In Russ.)
10. Koretsky D. A. Reflection of criminal law in literature and art. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(2):143–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-143-148>

Информация об авторе

Г. В. Назаренко – Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член Российского профессорского собрания, профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета, академик Российской академии юридических наук.

Information about the author

G. V. Nazarenko –Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Russian Professorial Assembly, Professor of the Department of Criminal Law at Southwest State University, Academician of the Russian Academy of Legal Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 03.05.2024; принята к публикации 04.05.2024.

The article was submitted 10.04.2024; approved after reviewing 03.05.2024; accepted for publication 04.05.2024.

Социальная трансформация в России в 1990-е годы: особенности формирования законодательной базы

Рахимьян Галимьянович Юсупов¹, Айнур Рауфович Хайбуллин²,
Евгений Николаевич Григорьев³

^{1, 2, 3}Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

¹yusupovr.g@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3731-3065>

²arnauka@bk.ru

³gevgeniyn@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается проблема становления социальной политики в России в 1990-е годы, особенности формирования законодательной базы. Перед Россией в период 1990-х годов встала двойная задача – сформировать на рыночных принципах экономическую политику и, опять же по опыту западных стран, новую социальную политику. В социальных вопросах западные государства не единодушны, но социальную политику формируют и проводят все. Известны три базовые ее модели, в которых по-разному очерчено участие государства в реализации социальных задач. Перед Россией обозначилась проблема адаптации социальных обязательств государства к последствиям рыночных преобразований. Российский сценарий оказался болезненным для экономики и социальной сферы. В России в 1990-е годы социальная трансформация заложила некоторые основы социальной политики. Но она не привела к формированию самой социальной политики, которую неверно трактовать как некоторую сумму социальных мер, ибо любую политику, и социальную в том числе, принято понимать как разработанный государством механизм регулирования общественных отношений, нацеленный на их гармонизацию. Авторами предпринята попытка установления социально-экономических изменений в обществе с выделением отдельных периодов, которые повлияли на особенности формирования законодательной базы 1990-х годов.

Ключевые слова: модель социальной политики, рыночная экономика, социальная политика, социальная трансформация

Для цитирования: Юсупов Р. Г., Хайбуллин А. Р., Григорьев Е. Н. Социальная трансформация в России в 1990-е годы: особенности формирования законодательной базы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 47–53. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-47-53>. EDN ZZKKVB

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Social transformation in Russia in 1990: features of the legislative framework

Rakhimyan G. Yusupov¹, Ainur R. Khaybullin², Evgenii N. Grigoriev³

^{1, 2, 3}Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

¹yusupovr.g@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3731-3065>

²arnauka@bk.ru

³gevgeniyn@mail.ru

Abstract. The article reveals the problem of the formation of social policy in Russia in the 1990s, the features of the formation of the legislative framework.. In the 1990s, Russia faced a dual task – to formulate an economic policy based on market principles and, again based on the experience of Western countries, a new social policy. Western states are not unanimous on social issues, but social policies are formed and implemented by all. There are three basic models of it, in which the participation of the state in the implementation of social tasks is outlined in different ways. Russia faces the problem of adapting the state's social obligations to the consequences of market transformations. The Russian scenario turned out to be painful for the economy and social sphere. In Russia in the 1990s, social transformation laid some of the foundations for social policy. But it did not lead to the formation of social policy itself, which is incorrect to interpret as a certain sum of social measures, because any policy, including social policy, is usually understood as a mechanism developed by the state for regulating social relations, aimed at their harmonization. The authors made an attempt to establish socio-economic changes in society, highlighting individual periods that influenced the features of the formation of the legislative framework of the 1990s.

Keywords: social policy, model of social policy, social transformation, market economy

For citation: Yusupov R. G., Khaybullin A. R., Grigoriev E. N. Social transformation in Russia in 1990: features of the legislative framework. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):47–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-47-53>. EDN ZZKKVB

В научных трудах, посвященных российской социальной политике, изложены разные взгляды на ее периодизацию [8]. Есть мнение, что 1990-е годы – это отдельный период ее становления. Так считает, например, Е.Н. Данилова, выделяя признаки, которые характеризовали российскую социальную политику на протяжении всего десятилетия: «введение рыночных основ (приватизация сферы социальных услуг, введение платных услуг и монетизация доступа), децентрализация управления социальной сферой и индивидуализация рисков (предоставление свободы выбора, перераспределение ответственности и рисков на индивидов)» [2, с. 29].

Чтобы сделать собственные выводы, уместно рассмотреть, какие законы социальной направленности принимались в исследуемый период.

Начнем с периода до принятия Конституции РФ (1991–1993 гг.). В литературе встречается мнение, выразителем которого является, в частности, А. М. Шахбанов, что в этот период «в государственной политике практически отсутствовали факторы социального развития», а принятые социальные законы «базируются на соответствующих советских законах, лишь с поправкой на современные "капиталистические" условия» [3, с. 185].

Опора на советское законодательство нами тоже зафиксирована, но не настолько масштабно, как представляет А. М. Шахбанов.

Например, в исследуемый период (а в этот период проводились радикальные экономические преобразования) весьма своеобразно осуществлялось регулирование трудовых отношений. По идее, в социальных проектах реформаторов они должны были занять особое место, ведь на них опирается любая экономическая система. Однако на практике прослеживались лишь попытки регулирования, именно попытки, поскольку усилия законодателя сконцентрировались на положениях советского КЗоТа, в текст которого только в 1992 г. трижды вносились поправки (12 марта, 25 сентября и 22 декабря 1992 г.). По этому поводу Н. В. Демидов заметил: «Реформа законодательства о труде, проведенная в 1992 г., по сути, стала отказом от реформы ... Законодатель воздержался от радикальных перемен, диктуемых общественной атмосферой начала девяностых. Вместо этого была избрана модель консервации советского трудового права и его реализации в новых условиях рыночного хозяйства» [4, с. 121]. Иными словами, на данном этапе регулирование социальных прав трудового

населения в условиях рынка было подменено соединением советского (нерыночного) трудового права с рыночной экономикой и нессоветским политическим строем.

Но такой подход применялся не так уж и широко, что подтверждают другие примеры [5–7].

Так, вскоре после развала СССР и образования Российской Федерации началось реформирование системы здравоохранения [8]. Что интересно, со специальным законом о здравоохранении тоже торопиться не стали. Зато в систему хорошо налаженного общедоступного советского здравоохранения не замедлили ввести рыночные механизмы.

В июне 1991 г. вступил в силу Закон РФ «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации», в котором подчеркивалась социальная значимость ранее отсутствовавшего в отечественной медицине страхового принципа: «Медицинское страхование является формой социальной защиты интересов населения в охране здоровья». Закон закреплял два вида медицинского страхования: обязательное и добровольное (ст. 1)¹. Отметим, что первый вариант преобладает в консервативной модели Германии, второй – в либеральной модели США. Очень скоро стало понятно, что легко и быстро организовать страховую систему не получится. Обозначился ряд проблем, например, по созданию системы фондов ОМС, сети страховых компаний, по их взаимодействию с гражданами и учреждениями и пр. Проблемы решались. В апреле 1993 г. в законе появились дополнения, регулирующие, в частности, порядок создания Федерального и территориальных фондов ОМС и некоторые аспекты их финансирования (ст. 12)².

Открытым оставался вопрос организации всей системы здравоохранения и распределения полномочий в данной сфере. В июле 1993 г. был принят документ под названием Основы законодательства Российской Федерации «Об охране здоровья граждан». Этот законодательный акт в общих чертах задекларировал гарантии и принципы охраны здоровья граждан, включая гарантии бесплатного медицинского обслуживания населения и льгот для уязвимых категорий граждан, установил организационно-управленческие функции органов государственной власти и местного самоуправления, а также подчеркнул, что в системе здравоохранения предусмотрен частный (платный) медицинский сектор, включающий «лечебно-профилактические и аптечные учреждения, имущество которых находится в частной собственности, а также лиц, занимающихся частной медицинской практикой и частной фармацевтической деятельностью» (ст. 14)³.

До принятия Конституции РФ, в июле 1992 г., вступил также в силу Закон РФ «Об образовании». Отметим, что социальные гарантии государства, которые позднее закрепила Конституция, он отразил. Речь идет о гарантии бесплатного дошкольного, среднего и среднего профессионального образования, а также высшего образования на конкурсной основе. При этом закон запустил рыночный механизм организации образования. В новой России право стать учредителем образовательной организации получили практически все – государственные или муниципальные органы, предприятия или учреждения всех форм собственности, общественные или религиозные организации, общественные или частные фонды, граждане. Отдельно заметим, что данным правом наделялись не только российские, но и зарубежные предприятия, фонды или граждане (ст. 11). Понятно, что негосударственные образовательные организации могли, согласно логике рынка, создаваться только в платном

¹ Закон РФ от 28 июня 1991 г. № 1499-1 «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 27. Ст. 920.

² Там же.

³ Основы законодательства РФ Об охране здоровья граждан (утратили силу) // Российская газета. 1993. 9 сентября.

формате. Поэтому закон предусмотрел для граждан, поступивших в эти организации, компенсацию затрат на обучение по программам среднего и среднего профессионального образования (ст. 5)¹. О высшем образовании в данном контексте ничего не сказано. Это значит, что обеспечение права на бесплатное высшее образование на конкурсной основе делегировалось только государственным образовательным организациям, действующим в соответствии с государственными образовательными стандартами. Законодательное регламентирование высшего профессионального образования появляется только в 1996 году с принятием Федерального закона от 22.08.1996 № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»², где и будет установлено в ст. 4 данного закона, что гражданам Российской Федерации гарантируется получение на конкурсной основе бесплатного высшего и послевузовского профессионального образования в государственных, муниципальных высших учебных заведениях в пределах государственных образовательных стандартов, если образование данного уровня гражданин получает впервые. В части реформы системы образования в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 17.02.1998 отмечается, что «пока нет положительных результатов реформ, происходит стихийное замещение бесплатных услуг платными. Система образования все жестче делится на образование для богатых и для всех остальных. Это грозит снижением общего уровня как средней, так и высшей школы, что может пагубно отразиться на интеллектуальном потенциале страны»³.

В исследуемый период закладывались основы регулирования в условиях рынка права собственности, в т.ч. права собственности на объекты жилой недвижимости. В конце 1992 г. был принят Закон РФ «Об основах федеральной жилищной политики», который закрепил варианты обеспечения права граждан на жилище: либо предоставление жилых помещений в домах государственного и муниципального жилищных фондов на условиях договора найма (в этом случае с учетом нормы жилой площади на одно лицо), либо приобретение / строительство жилья за собственные средства (в этом случае без ограничений площади) (ст. 2)⁴. То есть законодатель учел потребности в жилье у граждан, не имеющих достаточных средств на его приобретение или строительство. Это не единственная социальная мера в жилищной политике государства. Еще раньше, 4 июля 1991 г., был принят Закон РФ «О приватизации жилищного фонда в РФ», регулирующий бесплатную передачу в собственность граждан РФ занимаемого ими жилья, состоявшего в государственном или муниципальном жилищном фонде. Эта процедура в законе была названа приватизацией жилых помещений (ст. 1) и охарактеризована как добровольный процесс⁵. Вместе с тем оба упомянутых закона открыли правовые возможности для формирования и развития рынка недвижимости, поскольку в них вошли не только и не столько нормы социального характера, но также нормы, касающиеся накопления жилой недвижимости за счет собственных средств и распоряжения ею, в т.ч. в форме выступления «с ней на рынке недвижимости» (преамбула)⁶.

¹ Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-I «Об образовании» (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 30. Ст. 1797.

² Федеральный закон от 22.08.1996 N 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // Собрание законодательства РФ, 26.08.1996, N 35, ст. 4135, «Российская газета», N 164, 29.08.1996.

³ Послание Президента Российской Федерации от 17 февраля 1998 г. Федеральному Собранию «Общими силами – к подъему России (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)».

⁴ Закон РФ «Об основах федеральной жилищной политики» // Российская газета. 1993. 23 января.

⁵ Закон РФ от 4 июля 1991 г. № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в РФ» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 28. Ст. 959.

⁶ Там же.

После принятия Основного закона, закрепившего весь спектр социальных гарантий, наступил очередной этап становления российской социальной политики. На этом этапе все взятые на себя обязательства государство также выполнить не смогло. Но некоторые сдвиги произошли.

Согласимся с мнением Д.А. Кормщикова, который в качестве отличительной особенности данного этапа назвал закрепление в специальных законах ответственности государства в отношении большинства категорий наиболее уязвимых слоев населения [9]. Нельзя сказать, что ранее эта проблема полностью игнорировалась. Напомним, что отдельные меры социальной защиты некоторых уязвимых категорий граждан были урегулированы в предыдущий период, например, в законодательстве о здравоохранении. Но только после принятия Конституции РФ законодатель занялся проблемой выделения по разным основаниям категорий граждан, нуждающихся в социальной защите, и регулированием отношений между ними и государством. В этот период были разработаны и вступили в силу (в основном в 1995 г.) Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» (действует в ред. от 25 февраля 2023 г. № 639-ФЗ); Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (действует в ред. от 25 февраля 2023 г. № 635-ФЗ); Федеральный закон от 02 августа 1995 г. № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» (утратил силу); Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» (утратил силу) (два последних закона утратили силу в связи с принятием Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»); Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (действует в ред. от 25 февраля 2023 г. № 651-ФЗ); Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (действует в ред. от 4 августа 2023 г. № 461-ФЗ).

Заметим, что содержание второго этапа формирования социальной политики России не размылось со временем. Выведенная на поверхность проблема формирования нормативно-правовых основ в сфере защиты отдельных категорий граждан, системы здравоохранения, материнства, отцовства и детства актуальна и поныне [10]. И даже утратившие силу законы середины 1990-х годов о социальном обслуживании не свидетельствуют об обратном – нормирование социального обслуживания позднее было обобщено и дополнено в новом законе.

Изложенное позволяет согласиться с мнением авторов, выделивших самостоятельный этап формирования российской социальной политики во второй половине 1990-х годов, но с некоторыми дополнениями. Этот этап отметился не только осознанием недостаточно тщательной разработки преобразований в социальной сфере, но и попытками концептуально представить, как должны выстраиваться отдельные направления социальной политики. В конце 1997 г. были утверждены концепция реформы здравоохранения и программа пенсионной реформы, а в начале 1998 г. – концепция реформирования российской науки. Для подготовки и утверждения каждого документа потребовался год, на этот счет в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 17.02.1998 отмечено: «но потратить целый год только на разработку и утверждение концепций – слишком расточительно»¹. А это признак того, что власть решила ускорить нормализацию социальных процессов, которые ранее, как установлено выше, в основном встраивались в рыночные реалии без строгих установок к точному и всеобъемлющему исполнению.

¹ Послание Президента Российской Федерации от 17 февраля 1998 г. Федеральному Собранию «Общими силами – к подъему России (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)».

О причинах пересмотра отношения к социальной сфере можно судить по косвенным признакам. Российский опыт первой половины 1990-х годов показал, что сами по себе рыночные законы и механизмы не являются гарантом экономического развития государства. И дело не только в угрозах социальной напряженности. Государство не может ожидать технологических успехов и повышения производительности труда, если оно экономит на образовании и науке, провоцируя, среди прочего, утечку мозгов и неконтролируемое разрастание сети негосударственных учебных заведений, выдающих дипломы даже о высшем образовании, не утруждая себя заботой о нормальной организации самого образования. Государство не может наращивать процент экономически активного населения, если оно экономит на здравоохранении, допуская перекос в сторону узкосоциальной платной медицины и фактически блокируя массовый доступ к новейшим методикам и технологиям лечения и профилактики заболеваний. Государство не может без негативных последствий для экономики игнорировать проблемы трудовых отношений, материнства и детства и иные направления своей деятельности, составляющие объем социальной политики.

Даже краткий обзор нерешенных социальных проблем в трудовых, образовательных, жилищных правоотношениях, говорит о том, что на протяжении периода 1991–1998 гг. либерально-рыночных реформ правовой аспект преобразований нуждался в комплексном подходе. Необходимые законодательные акты или нормы либо не принимались (не был принят Трудовой кодекс, не были урегулированы ценовые механизмы в деятельности монополистов на рынке коммунальных услуг и пр.), либо принимались, но нуждались в соответствующих подзаконных актах для действенного правоприменения. Например, с 1992 г. действовал Закон РФ «Об основах федеральной жилищной политики», который, напомним, предусматривал предоставление нуждающимся жилых помещений в домах государственного и муниципального жилищных фондов на условиях договора найма. Однако на фоне развернувшегося коммерческого строительства создание таких фондов распространенным явлением не стало, и гарантированное законом право осталось лишь словами на бумаге.

Таким образом, вызовы, связанные с проблемами адаптации социальных обязательств государства к последствиям рыночных преобразований, которые встали перед нашим Отечеством в 1990-х годах, непосредственно повлияли на особенности формирования правовой системы.

Список источников

1. Хабриева Т. Я. Основные векторы и проблемы развития социального законодательства // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 5–15.
2. Данилова Е. Н. Периоды изменений в социальной политике и представлениях о социальной справедливости // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2(10). С. 18–50.
3. Шахбанов А. М. Особенности государственной социальной политики в 90-е гг. XX в. // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 184–187.
4. Демидов Н. В. Обсуждение института увольнения работника по инициативе работодателя в науке трудового права 1990-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Право. 2018. № 27. С. 121–131.
5. Андриченко Л. В., Акопян О. А., Васильев В. И. и др. Концепции развития российского законодательства / Отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2014. 128 с.
6. Михеева Л. Ю. Развитие кодификации российского семейного права // Кодификация российского частного права / Под ред. Д. А. Медведева. М.: Статут, 2008. С. 196–233.
7. Усманов Р. Х. Региональный партогенез в политическом процессе современной России (Южный федеральный округ в 1990-е годы). М., 2002. 302 с.
8. Чернышев В. М., Стрельченко О. В., Мингазов И. Ф. Последствия реформирования здравоохранения в РФ (1990 – 2020 гг.). Проблемы и предложения // Оргздрав: новости, мнения, обучения. Вестник ВШОУЗ. 2021. Т. 7. № 2. С. 86–102.

9. Кормищиков Д. А. К какой модели социальной политики стремится Россия? // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1. С. 439–444.
10. Киселев И. Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование: Учебное пособие. М.: Изд-во "НОРМА", 2001. 372 с.

References

1. Khabrieva T. Y. Main vectors and problems of development of social legislation. *Journal of Russian law*. 2014;(8):5-15. (In Russ.)
2. Danilova E. N. Periods of changes in social policy and social justice perceptions. *Sociological science and social practice*. 2015;2(10):18–50. (In Russ.)
3. Shahbanov A. M. Features of state social policy in the 90s of the XX century. *Theory and practice of social development*. 2012;(11):184–187. (In Russ.)
4. Demidov N. V. Discussion of the institution of dismissal of an employee on the initiative of the worker in the science of labour law in the 1990 s. *Bulletin of Tomsk State University. Ser.: Law*. 2018;(27):121–131. (In Russ.)
5. Andrichenko L. V., Akopyan O. O., Vasilyev V. I. and others. *Concept of development of the Russian legislation*. T. Y. Khabrieva, Y. Tikhomirov (eds.). Moscow; 2014. 128 pp. (In Russ.)
6. Mikheeva L. Y. *Development of codification of Russian family law. Codification of Russian private law*. D. A. Medvedev (ed.). Moscow: Statute; 2008:196–233. (In Russ.)
7. Usmanov R. H. *Regional party in the political process of modern Russia (Southern Federal District in the 1990s)*. Moscow; 2002. 302 p. (In Russ.)
8. Chernyshev V. M., Strelchenko O. V., Mingaz I. F. Consequences of health care reform in the Russian Federation (1990 – 2020). Problems and suggestions. *ORGZDRAV: news, opinions, training. Bulletin of the Higher School of Health Organization and Management*. 2021;7(2):86–102. (In Russ.)
9. Feeders D. A. To what model of social policy is Russia seeking? *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2014;(1):439–444. (In Russ.)
10. Kiselev I. Y. *Labor Law of Russia. Historical and legal research*. Moscow: "NORMA"; 2001. 372 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Р. Г. Юсупов – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Института права, Уфимский университет науки и технологий.
А. Р. Хайбуллин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Института права, Уфимский университет науки и технологий.
Е. Н. Григорьев – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики, Уфимский университет науки и технологий.

Information about the authors

R. G. Yusupov – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of State Theory and Law, Law Institute, Ufa University of Science and Technology.
A. R. Khaybullin – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of State Theory and Law, Law Institute, Ufa University of Science and Technology.
E. N. Grigoriev – Cand. Sci. (Pedagog.), Associate Professor of the Department of Pedagogy, Ufa University of Science and Technology.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.05.2024; одобрена после рецензирования 30.05.2024; принята к публикации 31.05.2024.

The article was submitted 07.05.2024; approved after reviewing 30.05.2024; accepted for publication 31.05.2024.

К вопросу о правовом регулировании экспериментальных правовых режимов в сфере искусственного интеллекта в ЕАЭС и ЕС

Евгений Олегович Соломатин

Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города Москвы «Школа № 2123 имени Мигеля Эрнандеса», Москва, Россия, eo.solomatin@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются нормативно-правовые и теоретические подходы к регулированию экспериментальных правовых режимов в сфере искусственного интеллекта по праву Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Европейского союза (ЕС). Автор констатирует, что стремительное развитие технологий искусственного интеллекта создает новые вызовы не только практического, но и юридического характера. Отмечается необходимость формирования качественно новой правовой среды для апробирования принципиально новых технологий. Автор видит возможности для их успешной реализации в механизме экспериментальных правовых режимов. Сделан вывод о том, что ЕАЭС необходимо развитие интеграционного правового поля для эффективного функционирования механизма «регулятивных песочниц» в сфере искусственного интеллекта в целях реализации цифровой повестки. Обращается внимание на то, что в рамках ЕС завершается формирование регулирования экспериментальных правовых режимов в сфере искусственного интеллекта, в связи с чем подобный правовой опыт может быть полезен при формировании права ЕАЭС. Широкий круг методов сравнительно-правового, функционального и системного анализа нормативно-правовых актов позволил изучить правовое регулирование ЕАЭС и ЕС, теоретические подходы и сформулировать предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: интеграционное право, искусственный интеллект, право ЕАЭС, право ЕС, регулятивная песочница, робототехника, специальный регулятивный режим, экспериментальный правовой режим

Для цитирования: Соломатин Е. О. К вопросу о правовом регулировании экспериментальных правовых режимов в сфере искусственного интеллекта в ЕАЭС и ЕС // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 54–62. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-54-62>. EDN YSDAXH

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

On the issue of legal regulation of experimental artificial intelligence legal regimes in the EAEU and the EU

Evgenii O. Solomatin

State budgetary educational institution of the city of Moscow «School No. 2123 named after Miguel Hernandez», Moscow, Russia, eo.solomatin@gmail.com

Abstract. This article covers regulatory and theoretical approaches to the governance of experimental legal regimes concerning artificial intelligence within the Eurasian Economic Union (EAEU) and the European Union (EU). The author observes that the rapid advancement of artificial intelligence technologies poses novel challenges not only of practical concern but also of legal significance.

The necessity of establishing a qualitatively new legal framework for testing groundbreaking technologies is emphasized. The author identifies opportunities for their successful implementation through the mechanism of experimental legal regimes. It is concluded that the EAEU should develop an integrated legal framework to facilitate the effective operation of «regulatory sandboxes» in the realm of artificial intelligence, thereby advancing its digital agenda. Furthermore, attention is drawn to the ongoing completion of the regulatory framework for experimental legal regimes concerning artificial intelligence within the EU, suggesting that such legal insights may prove beneficial in shaping the legislation of the EAEU. A comprehensive array of methods including comparative legal analysis, functional examination, and systemic scrutiny of normative legal acts have enabled the examination of legal regulations within the EAEU and the EU, leading to the formulation of proposals for their enhancement.

Keywords: integration law, artificial intelligence, EAEU law, EU law, regulatory sandbox, robotics, special regulatory regime, experimental legal regime

For citation: Solomatin E. O. On the issue of legal regulation of experimental artificial intelligence legal regimes in the EAEU and the EU. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):54–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-54-62>. EDN YSDAXH

Введение. В современной экономике сформировалась тенденция к цифровизации различных сфер предпринимательства и промышленности, которая обуславливает необходимость определения места в правовой системе новых технических достижений – роботов, «думающих машин» [1, с. 23], «цифровых существ» [2, с. 243], цифровых личностей, функционирующих на базе технологий искусственного интеллекта [3, с. 67]. Вопросы обеспечения технологического суверенитета России, повышения эффективности различных сфер производства, повсеместное внедрение процессов цифровизации с использованием технологий искусственного интеллекта стали одними из ключевых в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 г.¹

К ведущим направлениям политики России в сфере научно-технологического развития относится обеспечение ускоренного развития научно-технического сотрудничества с дружественными иностранными государствами и интеграционными объединениями, в том числе в рамках Евразийского экономического союза (далее – «ЕАЭС»)².

Сегодня одним из основных механизмов реализации цифровой повестки многих современных межгосударственных объединений постепенно становится разработка и применение экспериментальных правовых режимов (особых (специальных) режимов, «регулятивных (регуляторных) песочниц», «правовых краш-тестов»). В самом общем виде под ними понимаются специальные правовые режимы для апробации инновационных технологий, в рамках которых на установленный период времени и в отношении определенной группы лиц или на определенной территории предусматриваются регуляторные послабления или иные модели пилотирования решений³. Экспериментальные правовые режимы стимулируют развитие рыночной экономики и конкуренции путем формирования благоприятной регуляторной среды для внедрения новых технологий. Среди основных преимуществ таких специальных (особых) правовых режимов выделяют их гибкость и оперативность, направленность на практический результат, проектный подход, стимулируемую добровольность, междисциплинарную включенность [4, с. 43]. В настоящее время в России действует ряд подобных

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 // Российская газета. 01.03.2024. № 46.

² Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.03.2024, № 10, ст. 1373.

³ См.: ст. 13 Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ (ред. от 24.09.2022) «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5006; п. 1 ст. 2 Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5017.

режимов, преимущественно в сфере беспилотного транспорта и здравоохранения¹. Наряду с ними, продолжает функционировать «регулятивная песочница» Банка России, которая позволяет успешно пилотировать высокотехнологичные финансовые проекты, выявлять уязвимые стороны, определять способы их устранения и принимать решение о наиболее оптимальном пути формирования соответствующего правового регулирования².

Следующей ступенью в развитии института экспериментальных правовых режимов могла бы стать их разработка и внедрение на уровне межгосударственных объединений в целях гармонизации и согласованного развития цифровой экономики стран-участниц, а также достижения синергетического эффекта от применения новых технологий³. Дополнительным важным шагом могло бы стать формирование интеграционного права в части регулирования экспериментальных правовых режимов в сфере технологий искусственного интеллекта, поскольку данная область характеризуется неповторимой спецификой, которая к тому же далеко не изучена и слабо предсказуема. Представляется актуальным проанализировать текущее состояние правового регулирования ЕАЭС в этой сфере, а также обратить внимание на правовой опыт Европейского союза (далее – «ЕС»), где финализируются правила работы интеграционных «регулятивных песочниц» в сфере искусственного интеллекта.

Право ЕАЭС. В рамках ЕАЭС под «регулятивной песочницей» понимается «специально согласованный режим проработки и пилотирования решений, в том числе регуляторных, для определения эффективной модели взаимодействия и построения бизнес-процессов в какой-либо новой сфере»⁴. Она рассматривается как действенный механизм использования и проработки правил регулирования процессов в рамках цифровых инициатив. К основным задачам применения «регулятивной песочницы» относятся проработка на пилотных проектах подходов к регулированию и выявление наиболее оптимальных из них, а также интеграционное сближение и ускоренное достижение практических результатов реализации проектов цифровой повестки ЕАЭС⁵.

В настоящий момент в праве ЕАЭС не выделяются «регулятивные песочницы» в сфере искусственного интеллекта как самостоятельный подвид экспериментальных правовых режимов, однако неоднократно отмечается необходимость создания безопасной среды для использования и пилотирования продуктов, связанных с применением искусственного

¹ См., например, Постановление Правительства РФ от 09.03.2022 № 309 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации» // Собрание законодательства РФ, 21.03.2022, № 12, ст. 1817, Постановление Правительства Российской Федерации от 18.07.2023 № 1164 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан» // Собрание законодательства РФ, 24.07.2023, № 30, ст. 5693.

² Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов // Вестник Банка России, 23.01.2024, № 5.

³ Распоряжение Правительства РФ от 17.01.2019 № 20-р (ред. от 20.01.2024) «Об утверждении плана "Трансформация делового климата" и признании утратившими силу актов Правительства РФ» // Собрание законодательства РФ, 21.01.2019, № 3, ст. 266.

⁴ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года». Режим доступа – URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 20.03.2024).

⁵ Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 27.11.2018 № 17 «О разработке концепции применения специальных режимов («регулятивных песочниц») в рамках реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза». Режим доступа – URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 20.03.2024).

интеллекта. Кроме того, обращают внимание на потребность в «модельном законе об искусственном интеллекте»¹. В этой связи механизм «регулятивных песочниц», приспособленных к апробации технологий искусственного интеллекта в рамках ЕАЭС, оказывается весьма актуальным.

Изучение возможностей «регулятивных песочниц» в рамках формирования цифрового пространства признается одним из стратегических направлений ЕАЭС². В качестве правовой базы для разработки такого инструмента возможно использовать текущие стратегические и программные документы ЕАЭС. Так, в Распоряжении Евразийского межправительственного совета от 27.11.2018 № 17 «О разработке концепции применения специальных режимов («регулятивных песочниц») в рамках реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза» установлены ориентиры проекта концепции применения «регулятивных песочниц», которые задают направления будущего более масштабного регулирования.

Содержание экспериментального правового режима, по мнению Евразийского межправительственного совета, должно включать темпоральные регуляторные границы, а также формы и способы отношений между участниками. Важное значение имеет процесс отслеживания и анализа результатов пилотного проекта на каждом из этапов. Еще одним из элементов концепции экспериментальных правовых режимов должны стать условия их продления и завершения, в зависимости от последствий применения. Предполагается, что интеграционный экспериментальный режим будет иметь место при подготовке к реализации на территории не менее двух государств-членов ЕАЭС, и его эффективность и целесообразность будут определяться Евразийским межправительственным советом или Высшим Евразийским экономическим советом³.

Применение экспериментальных правовых режимов в отдельных странах-членах ЕАЭС зарекомендовало себя преимущественно с позитивной стороны (например, «регулятивная песочница» Банка России⁴, Международный финансовый центр Астаны⁵, специальный регулятивный режим Национального банка Кыргызской Республики⁶). Они позволяют не только запустить процессы цифровизации и внедрения инновационных технологий, но и преодолеть множество непредвиденных вызовов. Однако, в ходе пилотирования проектов были выявлены некоторые риски, которые необходимо *ex ante* нивелировать при формировании права ЕАЭС в сфере экспериментальных правовых режимов: отсутствие универсальных

¹ Этика и регулирование искусственного интеллекта на пространстве ЕАЭС. Режим доступа – URL: <https://forum.eaeunion.org/news/etika-i-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-na-prostranstve-eaes/> (дата обращения: 20.03.2024).

² См.: п. 5.4.3 Решения Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». Режим доступа – URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 20.03.2024).

³ Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 27.11.2018 № 17 «О разработке концепции применения специальных режимов («регулятивных песочниц») в рамках реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза». Режим доступа – URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 20.03.2024).

⁴ Основные направления развития финансовых технологий на период 2018 – 2020 годов, утв. Банком России. Режим доступа – URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/85540/on_fintex_2017.pdf (дата обращения: 20.03.2024).

⁵ Конституционный закон Республики Казахстан от 7 декабря 2015 года «О Международном финансовом центре "Астана"». Режим доступа – URL: <https://aifc.kz/ru/legal-framework> (дата обращения: 20.03.2024).

⁶ Положение «О специальном регулятивном режиме» (Приложение к постановлению Правления Национального банка Кыргызской Республики от 12 августа 2020 года № 2020-П-12\45-3-(НПА). Режим доступа – URL: <https://www.nbk.kg/contout.jsp?item=103&lang=RUS&material=109416> (дата обращения: 20.03.2024).

критериев анализа работы «регулятивных песочниц», а также единой методики оценки их результативности [5, с. 35], возможность обхода закона о защите прав потребителей и анти-монопольного регулирования путем злоупотребления более выгодными условиями «входа» на рынок [6, с. 49].

Таким образом, при формировании права ЕАЭС в сфере экспериментальных правовых режимов будет чрезвычайно полезен накопившийся опыт правового регулирования в отдельных государствах-членах. Кроме того, Россия, являясь активным участником процесса реализации цифровой повестки ЕАЭС [7, с. 266], могла бы возглавить работу по формированию интеграционного права в области «регулятивных песочниц», специально предназначенных для тестирования технологий искусственного интеллекта.

Право ЕС. В рамках ЕС завершается работа над Предложением по Регламенту Европейского Парламента и Совета, закрепляющим Гармонизированные Правила об Искусственном Интеллекте (Закон ЕС об Искусственном Интеллекте) и внесении изменений в соответствующие законодательные акты союза (далее – «Закон ЕС»)¹. Как известно, для осуществления компетенции ЕС институты принимают регламенты, директивы, решения, рекомендации и заключения². Выбор регламента в качестве формы Закона ЕС обусловлен его обязательностью для всех субъектов права ЕС, поскольку он является актом прямого действия [8, с. 101]. К настоящему моменту уже достигнуто принципиальное соглашение по финальной редакции Закона ЕС между Европейской комиссией, Советом ЕС и Европейским парламентом, и какие-либо существенные дополнительные изменения не ожидаются³.

В ЕС «регулятивная песочница» равно, как и в ЕАЭС рассматривается в качестве меры поддержки развития инноваций (гл. V Закона ЕС). Закон ЕС под «системой искусственного интеллекта» предусматривает программное обеспечение, разработанное с использованием информационно-коммуникационных технологий, и способное для заданного набора целей, определенных человеком, генерировать выходные данные, такие как контент, прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на сферу, с которой они взаимодействуют (ст. 3(1) Закона ЕС).

Под «регулятивной песочницей» в сфере искусственного интеллекта понимается конкретная и контролируемая среда, созданная уполномоченным органом, которая предоставляет поставщикам (в том числе потенциальным) возможность разрабатывать, обучать, проверять на соответствие требованиям и тестировать, если это целесообразно в реальных условиях, инновационную систему искусственного интеллекта в соответствии с планом «песочницы» в течение определенного периода времени под надзором регулирующих органов. «План песочницы» – это документ, согласованный между поставщиком и уполномоченным органом, закрепляющий цели, условия, временные рамки, методологию и требования к мероприятиям, осуществляемым в рамках «песочницы» (п. 44 ст. 3 Закона ЕС).

¹ Предложение по Регламенту Европейского Парламента и Совета, закрепляющему Гармонизированные Правила об Искусственном Интеллекте (Закон ЕС об Искусственном Интеллекте) и внесении изменений в соответствующие законодательные акты союза. Режим доступа – URL: <https://artificialintelligenceact.eu/ai-act-explorer/> (дата обращения: 20.03.2024).

² Ст. 288 Договора о функционировании Европейского союза // официальный сайт законодательства Европейского союза <http://eur-lex.europa.eu/> по состоянию на 20.08.2023 URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT> (дата обращения: 20.03.2024).

³ Artificial Intelligence Act: MEPs adopt landmark law. Режим доступа – URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20240308IPR19015/artificial-intelligence-act-meps-adopt-landmark-law> (дата обращения: 20.03.2024); Artificial Intelligence Act: deal on comprehensive rules for trustworthy AI. Режим доступа – URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20231206IPR15699/artificial-intelligence-act-deal-on-comprehensive-rules-for-trustworthy-ai> (дата обращения: 20.03.2024).

Концептуально определение «регулятивной песочницы» аналогично тому, что было предложено Евразийским межправительственным советом, за исключением того, что в Законе ЕС подчеркивается сфера ее применения – технологии искусственного интеллекта. Само же понятие «системы искусственного интеллекта», содержащееся в Законе ЕС, может показаться весьма широким по своему значению и коснуться деятельности компаний, которые используют в своей работе системы общего назначения¹.

Провозглашаются следующие основные цели «регулятивных песочниц» в сфере искусственного интеллекта:

- обеспечение правовой определенности и соответствие требованиям законодательства ЕС;
- обмен передовым опытом посредством сотрудничества с органами власти, участвующими в «регулятивной песочнице»;
- стимулирование инноваций и конкурентоспособности экосистемы искусственного интеллекта;
- изучение регуляторных требований на основе практического опыта;
- упрощенный и ускоренный доступ к рынку систем искусственного интеллекта, в особенности, малых и средних предприятий, включая стартапы (п. 1g ст. 53 Закона ЕС).

Очевидно, что вышеуказанные цели актуальны и для пространства ЕАЭС, в связи с чем, вполне понятной представляется возможная адаптация формирующегося режима «регулятивных песочниц» под пилотирование продуктов, функционирующих на базе технологий искусственного интеллекта.

Во исполнение будущего Закона ЕС государства-члены ЕС должны будут обеспечить создание, как минимум, одной «регулятивной песочницы» в сфере искусственного интеллекта на национальном уровне (допускается создание «песочницы» группой государств) (п. 1 ст. 53 Закона ЕС). Возможна также разработка «регулятивных песочниц» с вовлечением институтов, органов и агентств ЕС (п. 1b ст. 53 Закона ЕС). При этом Закон ЕС не будет затрагивать иные «регулятивные песочницы», созданные в соответствии с национальным законодательством или законодательством ЕС (п. 1с ст. 53 Закона ЕС). Здесь важно отметить наличие в ЕС четкого разграничения различных видов экспериментальных правовых режимов в зависимости от объекта применения (например, в ЕС уже функционирует «регуляторная блокчейн-песочница», созданная по инициативе Европейской комиссии²), что может показаться весьма рациональным с точки зрения юридической техники и практики.

По Закону ЕС государства-члены обязаны будут сотрудничать с органами, осуществляющими надзор за «регулятивными песочницами», и национальными уполномоченными органами (п. 1с ст. 53 Закона ЕС). Так, например, должна быть обеспечена незамедлительная возможность национальных уполномоченных органов приостановить процесс пилотирования проекта или участия в «регулятивной песочнице» в случае появления неконтролируемых рисков.

Интересно обратить внимание на то, что акцент в тексте Закона ЕС сделан в пользу необходимого разъяснения участникам «песочниц» регуляторных требований и их сопровождение в ходе реализации проектов. Это также проявляется в положении об ответственности поставщиков-участников «регулятивной песочницы». Так, они несут ответственность

¹ The EU AI Act: concerns and criticism. Режим доступа – URL: <https://www.cliffordchance.com/insights/resources/blogs/talking-tech/en/articles/2023/04/the-eu-ai-act--concerns-and-criticism.html> (дата обращения: 20.03.2024).

² European blockchain regulatory sandbox for Distributed Ledger Technologies. Режим доступа – URL: https://ec.europa.eu/digital-building-blocks/sites/display/EBSI/Sandbox+Project?utm_source=coin-spaidmedia&utm_medium=referral&utm_campaign=eu-launches-regulatory-sandbox-blockchain-projects (дата обращения: 20.03.2024).

в соответствии с применимым законодательством ЕС и государств-членов за любой вред, причиненный третьим лицам в результате своих экспериментов, однако, при этом освобождаются от административных штрафов за нарушение Закона ЕС при условии добросовестного соблюдения «плана песочницы» и указаний национального компетентного органа при реализации проекта (п. 4 ст. 53 Закона ЕС).

Весьма разумным представляется также положение Закона ЕС, касающееся обязанности национальных уполномоченных органов координировать свою деятельность (п. 5 ст. 53 Закона ЕС), поскольку только в рамках кооперации возможно справиться с вызовами, которые несет искусственный интеллект. Закон ЕС устанавливает обязанность национальных уполномоченных органов публиковать ежегодные отчеты с информацией о ходе и результатах внедрения этих «регулятивных песочниц», включая передовую практику, инциденты и риски, с которыми столкнулись их участники (пп. 5a и 5b ст. 53 Закона ЕС).

Закон ЕС предусматривает также возможность тестирования систем искусственного интеллекта с высоким уровнем риска в реальных условиях вне «регулятивных песочниц» при условии соблюдения ряда гарантий, которые включают, в частности, обязательную регистрацию поставщика в ЕС (или учреждение представительства в ЕС), необходимость одобрения плана реализации проекта уполномоченными органами, а также их право запрашивать любую информацию, проводить мониторинг и проверки, информированное согласие участвующих в эксперименте пользователей, право участвующих лиц требовать удаления своих данных после пилотирования проекта, обеспечение безусловной защиты уязвимых групп населения, строго ограниченный шестимесячный срок эксперимента (с возможностью продления в исключительных случаях с предварительным мотивированным обоснованием и согласованием с уполномоченными органами) (ст.ст. 54a, 54b Закона ЕС). Это положение позволяет в значительной степени сгладить недостатки экспериментальных правовых режимов, связанные с тем, что они порой не предоставляют возможность в полной мере исследовать деятельность компании в реальных условиях, создавая лишь искусственную среду [9, с. 66].

Международная некоммерческая ассоциация *Digital Europe*, представляющая интересы более 45 000 европейских компаний¹, опубликовала отчет, основанный на собеседованиях с организациями, создающими и развивающими технологии искусственного интеллекта с целью изучить потенциальное соответствие участников требованиям их рыночных стратегий будущему Закону ЕС, включая его влияние на их бизнес и стимулирование инноваций. Так, по данным *Digital Europe*, в целом компании относятся к Закону ЕС с осторожным оптимизмом, ожидая дополнительное финансирование и поддержку со стороны государств. Большинство опасений в настоящий момент вызывают вопросы, связанные с определением категории риска в отношении производимых продуктов, а также степенью ответственности поставщиков и объемом финансовых затрат на соблюдение установленных требований². На основании интервью со многими компаниями, работающими в сфере искусственного интеллекта, *Digital Europe* сформулировала некоторые рекомендации в целях обеспечения необходимого уровня соответствия его требованиям:

- необходимо разработать план инвестирования;
- важна конкретизация сферы применения Закона ЕС, поскольку многие компании используют в своей деятельности системы общего назначения;
- необходимы гармонизированные стандарты применения Закона ЕС;

¹ Digital Europe. Governance and team. Режим доступа – URL: <https://www.digitaleurope.org/structure-governance/>

² Sandboxing the AI Act. Testing the AI Act proposal with Europe's future unicorns. Режим доступа – URL: https://cdn.digitaleurope.org/uploads/2023/06/DIGITAL-EUROPE-SANDBOXING-THE-AI-ACT_FI-NAL_WEB_SPREADS-1.pdf (дата обращения: 20.03.2024).

- велика роль международного сотрудничества в связи с отсутствием территориальных барьеров применения искусственного интеллекта;
- важное значение будут иметь поэтапное внедрение новых норм и постоянная поддержка регулятора¹.

Очевидно, составители Закона ЕС в части регулирования экспериментальных правовых режимов стараются найти нужный баланс между принятием мер предосторожности в отношении потенциальных поставщиков технологий искусственного интеллекта и оставлением достаточного пространства для инноваций и экспериментов. Сама идея обособления «регулятивных песочниц» в сфере искусственного интеллекта представляется целесообразной, поскольку потенциально способствует формированию принципиально нового подхода к регулированию технологий будущего. Вместе с тем, Закону ЕС может потребоваться доработка в части принятия универсальной методики оценки результатов пилотируемых проектов, внедрения стандартов его применения, уточнения некоторых понятий (например, искусственный интеллект, категория риска).

Заключение. Сегодня экспериментальные правовые режимы набирают все большую популярность и зарекомендовали себя как оптимальный способ снизить амплитуду чрезмерного регуляторного воздействия на предпринимателей, желающих опробовать инновационные технологии. Активно продолжается процесс формирования нормативно-правовой базы интеграционных объединений в части регулирования института экспериментальных правовых режимов. Безусловно, механизм «регулятивных песочниц» представляется одним из наиболее эффективных методов стимулирования развития новых отраслей экономики, которые могут сформироваться благодаря технологиям искусственного интеллекта. В настоящий момент представляется оправданной разработка соответствующей правовой базы ЕАЭС и последующая реализация проектов на основе интеграционных «регулятивных песочниц». Будет целесообразно обратить внимание на единые (универсальные) методики оценки эффективности проектов, согласовывать позицию с уполномоченными органами, в том числе антимонопольными, разрабатывать стандарты международного сотрудничества при формировании права «регулятивных песочниц» в сфере искусственного интеллекта, а также учитывать преимущества и недостатки проектируемого регулирования в рамках ЕС.

Список источников

1. Сушина Т. Е., Собенин А. А. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2020. № 6. С. 21–25.
2. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. д-р. юрид. наук: 12.00.03. М. 2018. 420 с.
3. Минбалеев А. В. Цифровые правоотношения: понятие, виды, структура, объекты // Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. Проспект. 2020. 640 с.
4. Куклина Е. А. К вопросу об особых правовых режимах в условия цифровой экономики («регуляторных песочницах») // Управленческое консультирование. 2019. № 7. С. 39–48.
5. Демченко М. В., Дахненко С. С. Правовое регулирование экспериментальных правовых режимов в условиях цифровой экономики и перспективы их использования в финансовой сфере // Финансовое право. 2022. № 12. С. 33–37.
6. Громова Е.А. Экспериментальные режимы создания цифровых инноваций и проблемы обеспечения добросовестной конкуренции // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 41–51.

¹ Sandboxing the AI Act. Testing the AI Act proposal with Europe's future unicorns. Режим доступа – URL: https://cdn.digitaleurope.org/uploads/2023/06/DIGITAL-EUROPE-SANDBOXING-THE-AI-ACT_FINAL_WEB_SPREADS-1.pdf (дата обращения: 20.03.2024).

7. Куклина Е.А. «Регулятивные песочницы» как эффективный механизм реализации цифровой повестки // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник. Вып. 2. Ч. 1. М. 2019. С. 265–268.

8. Энтин Л.М., Энтин М.Л. Европейское право. Основы интеграционного права Европейского союза и Евразийского экономического союза. М.: Юридическое издательство Норма. 2023. 528 с.

9. Баракина Е.Ю. К вопросу об установлении экспериментального правового режима в области применения искусственного интеллекта // Российская юстиция. 2021. № 2. С. 64–67.

References

1. Sushina T. E., Sobenin A. A. Prospects and risks of using artificial intelligence in criminal proceedings. *Russian investigator*. 2020;(6):21–25. (In Russ.)

2. Morkhat P. M. *The legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems*: dis. Dr. jurid. sciences': 12.00.03. Moscow; 2018. 420 p. (In Russ.)

3. Minbaleev A. V. Digital legal relations: concept, types, structure, objects. In: *Digital law: textbook* V. V. Blazheev, M. A. Egorova (eds.). Moscow: Prospect; 2020. 640 p. (In Russ.)

4. Kuklina E. A. On the issue of special legal regimes in the conditions of the digital economy («regulatory sandboxes»). *Managerial consulting*. 2019;(7):39–48. (In Russ.)

5. Demchenko M. V., Dakhnenko S. S. Legal regulation of experimental legal regimes in the digital economy and prospects for their use in the financial sphere. *Financial law*. 2022;(12):33–37. (In Russ.)

6. Gromova E.A. Experimental modes of creating digital innovations and problems of ensuring fair competition. *Journal of Russian Law*. 2022;(10):41–51. (In Russ.)

7. Kuklina E. A. «Regulatory sandboxes» as an effective mechanism for implementing the digital agenda. *Greater Eurasia: Development, security, cooperation: The yearbook*. Issue 2. Part 1. Moscow; 2019:265–268. (In Russ.)

8. Entin L. M., Entin M. L. *European law. Fundamentals of the integration law of the European Union and the Eurasian Economic Union*. Moscow; 2023. 528 p. (In Russ.)

9. Barakina E. Yu. On the issue of establishing an experimental legal regime in the field of artificial intelligence. *The Russian justice system*. 2021;(2):64–67. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. О. Соломатин – преподаватель права, ГБОУ Школа № 2123 им. М. Эрнандеса (г. Москва).

Information about the author

Evgenii O. Solomatin – lecturer in law at School 2123 named after M. Hernandez (Moscow).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 21.03.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 13.04.2024.

The article was submitted 21.03.2024; approved after reviewing 12.04.2024; accepted for publication 13.04.2024.

Законодательство о религии в Республике Кипр: принцип «омотаксии»

Даниил Тимофеевич Фетисов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
daniilfetisov235@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены Конституция и законодательство о религии в Республике Кипр, проанализированы истоки и современное состояние правовой системы регулирования государственно-конфессиональных отношений, отличительной особенностью которой является принцип «омотаксии», определяющий взаимную автономию церкви и государства, а также устанавливающий юридическое равенство традиционных для данного государства религий в кипрском обществе, подавляющее большинство граждан которого исповедуют Православие.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, законодательство, Конституция, Православная Церковь, принцип омотаксии, республика Кипр

Для цитирования: Фетисов Д. Т. Законодательство о религии в Республике Кипр: принцип «омотаксии» // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 63–72. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-63-72>. EDN YVWUAT

Legislation on religion in the Republic of Cyprus: the principle of «homotaxy»

Daniil T. Fetisov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
daniilfetisov235@gmail.com.

Abstract. The article examines the Constitution and legislation on religion in the Republic of Cyprus, analyzes the origins and current state of the legal system for regulating state-confessional relations, the distinctive feature of which is the principle of omotaxy, which determines the mutual autonomy of the church and the state, as well as establishing the legal equality of religions traditional for a given state in Cypriot society, the vast majority of whose citizens profess Orthodoxy.

Keywords: Constitution, Republic of Cyprus, Orthodox Church, state-confessional relations, principle of omotaxy, legislation

For citation: Fetisov D. T. Legislation on religion in the Republic of Cyprus: the principle of «homotaxy». North Caucasus Legal Vestnik. 2024;(2):63–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-63-72>. EDN YVWUAT

В ряду современных моделей государственно-церковных отношений, Кипрская республика представляет собой особый интерес в качестве уникального примера конституционной системы, в которой гармонично сочетаются глубокое уважение к Православию, как вероисповеданию большинства населения и принцип *омотаксии* («*ομότημα ομοταξίας*»), который определяется как система церковно-государственных отношений, в которой ни государство не осуществляет власть или контроль над церковью, ни церковь не обязана подчиняться государству¹. Данный принцип, закрепленный в Основном законе Кипра, является правовым интегралом всей сферы законодательного регулирования деятельности религиозных организаций и конституционной основой свободы личных религиозных прав граждан страны.

Уникальность кипрского законодательства оттеняется и тем фактом, что в родственной этнически и вероисповедно Греции принцип омотаксии в установленной системе конституционно урегулированных отношений не реализуется. Элладская Православная Церковь, во-многом является наследницей законодательства, сложившегося в период немецкой баварократии, согласно которому в 1833 году для ЭПЦ был установлен статус государственной Церкви (*Staatskirche*), управляемой Синодом под контролем государства по протестантской модели, а священнослужители приравниваются к государственным служащим. Согласно действующей в Греции Конституции 1975 года и соответствующему законодательству, «Церковь в Греции подчинена государству: способ управления Элладской Православной Церковью определяется Конституцией, ее устав утверждается на голосовании как государственный закон, служители Церкви находятся в ведении государственного надзора. Кроме того, государство влияет на Церковь путем предоставления тех или иных прерогатив как Церкви в целом, так и отдельным ее частям и представителям. Таким образом, можно говорить о том, что государство постоянно вмешивается в дела церковного самоуправления, нарушая гарантированную и конституционно, и юридически (посредством международных соглашений) автономию Церкви. Конституция 1975 года хотя и ослабила зависимость Церкви от Государства, все же при этом отвела государству роль третейского судьи при урегулировании спорных церковных вопросов»².

Рассматривая причины возникновения на Кипре современной конституционной модели, следует отметить, что она сложилась под влиянием нескольких исторических обстоятельств. Как известно, вследствие османского завоевания, с 1453 года Православная Церковь на территории бывшей Византии, включая Кипр, стала не только религиозным, но и практически единственным социально-политическим институтом, получившим от турецкой власти широкие административные полномочия, и даже властные обязанности по сохранению гражданского спокойствия, лояльности и порядка среди православного населения в государстве османов. С этого времени предстоятель Кипрской Церкви становится политическим главой нации, этнархом, влияние которого простиралось даже на турецких жителей острова. Как отмечает м. Ювеналий (Поярков), турецкое правительство возложило на кипрского Архиепископа даже обязанность взимания налогов, в связи с чем «Архиепископ посещал Константинополь и там ходатайствовал за население острова» [1, с. 41]. Власть его не была декоративной, свидетельством чего является то, что иногда владыке удавалось уменьшить налоги или ходатайствовать об удалении с Кипра чрезмерно жестоких турецких чиновников [1, с. 41].

Дальнейшая роль Церкви в деле антитурецкого восстания 1821 года и обретения независимости, еще более закрепила за Православием статус фундамента греческой идентичности и усилила ее положение как основного национально-религиозного актора кипрского политикума, влияющего на политические процессы и местное законодательство.

¹ https://greek_greek.en-academic.com/116222/%CE%BF%CE%BC%CE%BF%CF%84%CE%B1%CE%BE%CE%AF%CE%B1

² Мукас А. К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В ГРЕЦИИ. <http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/41385.htm>

Резкая перемена в сфере отношения государства к религии произошла в наступивший в конце 19 века период англократии, – политическом протекторате и властном контроле Великобритании над Кипром, установившимся после русско-турецкой войны по договору с Турцией на достаточно долгий период (1878–1960). С самого начала своего правления на острове, англичане установили режим, при котором все привилегии, дарованные Церкви османским правом были упразднены. На имущество и деятельность Церкви были наложены законодательные ограничения, целью которых ослабление ее влияния на народ, финансовое ослабление и вытеснение на периферию общественно-политического пространства, прежняя власть религиозно-национального этнарха постепенно редуцировалась [2, с. 73]. Фактическое уравнивание Церкви с прочими религиозными группами было направлено на усиление присутствия Англиканской церкви, и других протестантских деноминаций, которые активно действовали на острове через миссионеров при поддержке государственных органов. После смерти Архиепископа Софрония III (1865—1900), сохранявшего де-факто статус главы греческой общины Кипра, в попытке лишить киприотов национального главы, английское правительство инспирировало в 1900 году, внутренние нестроения в Кипрской Церкви, которые привели к многолетней борьбе двух партий местной иерархии за архиепископский престол, остававшийся по этой причине вдовым с 1900 по 1909 год [3, с. 8].

Повсеместное недовольство населения греческой общины британским правлением и желание объединения с Грецией привело к национальному восстанию 1931 года, которое было жестоко подавлено колонизаторами. Среди жертв противостояния оказались сотни выдающихся церковных иерархов. Наиболее влиятельные из них, – Киринейский и Киттийский митрополиты были признаны зачинщиками восстания и изгнаны с острова. Политика колонизаторских властей приобрела выраженный антицерковный характер, препятствуя избранию архиереев на освобождающиеся кафедры, в результате чего с 1933 по 1947 годы на Кипре остался единственный православный архиерей, местоблюститель Архиепископского трона – митрополит Пафский Леонтий [4, с. 264]. Не удовлетворяясь этим, «английское правительство издает закон, который дает право вмешиваться властям во внутренние дела Церкви» [1, с. 42]. Наряду с этим получает особую поддержку турецкая часть населения, которая видела в англичанах гаранта своего благополучия и безопасности в стране с православным большинством. Из числа мусульман британцами формируются отряды полиции, предназначенные для усмирения антиправительственных выступлений¹. Как полагает греческий историк Сиа Анагностопулу, «двумя наиболее важными изменениями этого периода являются отмена привилегированной роли церкви и политическое разделение населения на мусульман и немусульман» [5].

Все эти меры, однако, не смогли воспрепятствовать национальным устремлениям киприотов к независимости, борьбу за которую фактически возглавили последующие Архиепископы Кипра, используя при этом политические рычаги и выступая на различных международных площадках, включая ООН [6, с. 45]. Поэтому избрание религиозного деятеля, архиепископа Макариоса III (1960 – 1977) первым Президентом получившего независимость в 1960 г. Кипра выглядело естественной данью этнархической роли, которая Церковь играла в политической истории кипрского народа.

Достоинно внимания, что несмотря на высокий президентский статус Предстоятеля Кипрской церкви, в течение его семнадцатилетнего правления, принцип автономии и относительного равенства пяти основных религиозных конфессий республики, установленный Конституцией нового государства в 1960 г., не претерпел особых изменений. По оценкам Статистической службы Республики Кипр, население Кипра (за исключением захваченного турками Северного Кипра) составляет 892 400 человек, из которых 672 800 (75,4%) принадлежат

¹ <https://www.pravenc.ru/text/1684690.html>.

к греческой общине, а 89 200 (10%) – к турецкой. Сообщество. В среднем, 82% всего населения Кипра составляют православные христиане, 13% – мусульмане, 2% – католики, 1% – англиканцы, 0,7% – марониты и 0,4% – армяне, в то время как остальное население придерживается других религий или обрядов, включая евреев, буддистов, протестантов, Свидетелей Иеговы или атеистов [7, с. 98–99].

Законодательство республики Кипр о религиях базируется на Конституции 1960 года, которая несет в себе отпечаток влияния модели религиозного этноцентризма, уделяя большое внимание конфессиональным вопросам. Согласно Основному закону, Кипрская Республика состоит из двух общин, членство в которых определяется, в том числе, через вероисповедание: греческой православной (ст. 2, п. 1) и турецкой мусульманской (ст. 2, п. 2). При этом президентом может быть избран только представитель греческой общины, подразумеваемый как член православной церкви (ст. 1).

Наряду с вероисповеданием перечисляются и два других признака принадлежности к той или иной из двух общин: родной греческий либо турецкий язык и следование греческой или турецкой культурной традиции. Конституция Кипра устанавливает систему омактагии для пяти крупнейших религиозных групп острова: православной, мусульманской, маронитской, армянской и римско-католической, однако все перечисленные неисламские группы отнесены законодательством к греческой общине. В 1960 г. упомянутым группам был предоставлен выбор присоединиться к одной из двух общин, чтобы они могли пользоваться политическими правами в рамках концепции механизма распределения полномочий между двумя общинами. Все они выбрали принадлежность к греческой общине. Согласно законодательству, каждая религиозная группа наделена дополнительным правом избирать для представления своих интересов одного депутата в Палату представителей, осуществляющего консультативные функции по вопросам законодательства, касающегося соответствующей группы.

Между тем, необходимо отметить, что именно религиозный признак является ключевым для отнесения к определенной общине, например, грек по национальности, но являющийся при этом мусульманином, будет отнесен к турецкой общине, если не заявит об обратном самостоятельно. Важным дополнением статьи второй является пункт 5, согласно которому гражданин имеет право перехода в другую общину, и пункт 6, предоставляющий такую же возможность для религиозных групп. Используемое в настоящем параграфе понятие «религиозная группа» означает группу граждан Кипра, исповедующих либо одну и ту же религию и принадлежащих к одному и тому же вероисповеданию, либо подчиняющихся одной и той же ее юрисдикции, число которых превосходит на день вступления в силу Конституции тысячу человек при условии, что не менее пятисот из них являлись гражданами Республики на указанный выше день¹.

Согласно пункту 7 второй статьи, жены автоматически причисляются к общине своих мужей, а несовершеннолетние дети – к общине отцов. Характерно, что категория атеистов или лиц, не исповедующих ту или иную религию в данной Конституции отдельно не оговаривается, подтверждается лишь само право на отказ от религии (ст. 18, п. 4).

Статья 86 устанавливает, что каждая из двух общин избирает из числа своих членов, так называемые общинные собрания, а в статье 87 говорится, что общинное собрание наделено правом осуществлять законодательную власть в рамках Конституции в том числе по религиозным вопросам, и «вопросам состава и юрисдикции судов, решающих гражданские споры, относящиеся к правам личности и религиозным темам»². Ст. 90, п. 3 оговаривает, что «общинные собрания не могут принимать принудительные меры для обеспечения соблюдения соответствующих общинных законов или постановлений судов, разбирающих

¹ <https://legalns.com/download/books/cons/cyprus.pdf>.

² Там же.

гражданские споры, относящиеся к находящемуся в их распоряжении личному имуществу или к религиозным вопросам»¹.

В целом, несмотря на достаточную проработанность конституционных положений касающихся религиозной сферы, законодательство республики Кипр о религиях базируется на статье 18 Конституции. В виду ее фундаментального правового значения считаем необходимым привести текст полностью:

«1. Каждый имеет право пользоваться свободой мысли, сознания и совести.

2. Все религии, вероисповедания и обряды которых не осуществляются тайно, являются свободными.

3. Все религии равны перед законом. В случае, если это не затрагивает установленных Конституцией полномочий общинных собраний, ни один законодательный, исполнительный или административный акт Республики не может предусматривать ущемление прав религиозного учреждения или религии.

4. Каждый свободен исповедовать любую веру, религию или религиозные убеждения, проявляя их путем выполнения обрядов, проповедования, осуществляя или соблюдая обрядовые формы единолично или коллективно, либо в отдельности публично, а также изменять свои религиозные убеждения или отказываться от них.

5. Запрещается использовать телесное или моральное насилие с целью принуждения какого-либо лица изменить свою религию либо воспрепятствовать изменению им своей религии.

6. Свобода выражения религиозных убеждений и совести подлежит лишь ограничениям, устанавливаемым законом и являющимися необходимыми для безопасности Республики, конституционного порядка, государственной безопасности, общественного здоровья и общественной нравственности или защиты прав и свобод личности, гарантированных Конституцией.

7. До исполнения шестнадцатилетнего возраста решение об исповедуемой религии принимается лицом, несущим законную ответственность за несовершеннолетнего.

8. Никто не подлежит принуждению к уплате налога или пошлины, доходы от которых полностью или частично направляются на достижение целей, относящихся к религии, чуждой данному лицу»².

Таким образом, данная статья, в целом соответствует статье 9 Европейской конвенции по правам человека. Прямо не называя государство светским, она, тем не менее, гарантирует право на свободу вероисповедания, включая свободу совести и вероисповедания, устанавливает режим религиозной нейтральности, равенства религиозных групп и их привилегий. При назначении на свои должности государственные служащие не приносят религиозной присяги, как, например, в Греции или других странах, а клянутся лишь в верности и уважении Конституции и законов, а также в сохранении независимости и территориальной целостности Кипра.

16 сентября 2009 г. в Совете по правам человека в рамках Генеральной ассамблеи ООН был представлен доклад кипрской делегации, в котором от имени государства было подтверждено, что в республике Кипр «в соответствии со статьей 18 Конституции все религии равны перед законом. Ни один законодательный, исполнительный или административный акт Республики не может предусматривать ущемление прав религиозного учреждения или религии. Каждый свободен и имеет право исповедовать любую веру, религию или религиозные убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, при отправлении культа, учении, выполнении религиозных и ритуальных обрядов, а также

¹ <https://legalns.com/download/books/cons/cyprus.pdf>.

² Там же.

менять свою религию или убеждения. Правительство всецело чтит места отправления правосудия. Мусульманские религиозные памятники в контролируемых правительством районах реставрируются, ремонтируются и регулярно инспектируются. В 2000 г. в сотрудничестве со Службой управления и защиты имущества турок-киприотов Министерства внутренних дел был разработан десятилетний стратегический план, касающийся реставрации и охраны мусульманских религиозных памятников. Право на удовлетворение своих религиозных, духовных и нравственных потребностей имеют заключенные. Религиозное воспитание является добровольным и включает в себя право заключенных отправлять свои религиозные обязанности, участвовать в массовых или других религиозных собраниях, общаться с признанным представителем своей религии или религиозной догмы и иметь в своем распоряжении религиозные книги или документы»¹. Данный доклад опирается не только на 18-ю, но и на 28-ю статью Конституции, пункт 2, в котором дополнительно гарантируется, что «каждый пользуется всеми правами и свободами, предусмотренными Конституцией, без какого-либо ущемления в правах, косвенного или прямого, в связи с его ... религией»².

Некоторым противоречием этому положению видится пункт 2 статьи 59, согласно которому «Функции министра несовместимы с функциями депутата, члена Общинного собрания или муниципального Совета, включая и функцию мэра, а также с функцией лица, служащего в Вооруженных Силах или силах безопасности Республики, с любым другим государственным или муниципальным званием или должностью, а в случае назначения турка министром – с функцией религиозного деятеля»³. Однако, вероятно, это связано с тем, что современная каноническая практика Кипрской православной церкви, в отличие от мусульманских священнослужителей, исключает для клириков возможность совмещать священный сан с занятием правительственных государственных должностей. Понятие «государственный пост или должность» в настоящей статье подразумевает любой оплачиваемый пост и любую оплачиваемую должность на службе Республики или Общинного собрания, оплата которых находится под контролем либо Республики, либо Общинного собрания, включая и любой пост или должность при любом юридическом лице гражданского права или общественной организации. Такое же ограничение в статье 70 установлено для занятия турком-мусульманином, если он является религиозным деятелем, должности депутата.

Важнейшей нормой, устанавливающей невмешательство государства в дела религиозных конфессий, их юридическую автономию, является статья 110:

«1. Автокефальная Греческая Православная Церковь Кипра сохраняет за собой исключительное право распоряжаться и вестись своими внутренними делами и имуществом согласно священным законам и ее действительному уставу. Греческая Община не имеет права действовать вопреки упомянутому праву Греческой Православной Церкви Кипра.

2. Институт вакуфа⁴, принципы и законы о вакуфах, а также касающиеся вакуфов признаются Конституцией. Любой вопрос, в любом виде влияющий на институт вакуфа, на любую собственность вакуфов, включая и собственность мечетей и любого другого мусульманского религиозного учреждения, или имеющий какое-либо отношение к ним, решается только согласно законам и принципам вакуфов, законам или регламентам, утвержденным турецким Общинным собранием. Любой законодательный, исполнительный или какой-либо другой акт не имеет права нарушать упомянутые законы или принципы вакуфов, связанных

¹ Доклад делегации республики Кипр в Совете по правам человека в рамках Генеральной ассамблеи ООН от 16 сентября 2009 года. https://www.ohchr.org/sites/default/files/lib-docs/HRBodies/UPR/Documents/Session6/CY/A_HRC_WG6_6_CYP_1_R.pdf.

² <https://legalns.com/download/books/cons/cyprus.pdf>.

³ Там же.

⁴ Прим.: вакуф (араб.) – термин исламского права, означающий имущество, переданное на религиозные или благотворительные цели.

с ними законов, регламентов турецкого Общинного собрания, иметь верховенство над ними или вмешиваться в них.

3. Любая церковь религиозной группы, в отношении которой действуют положения параграфа 3 статьи 2, будет продолжать со дня вступления в силу Конституции сохранять за собой все права, относящиеся к религиозным вопросам, которыми она пользовалась согласно закону колонии Кипра, действовавшего до вступления в силу Конституции»¹.

Эти законоположения четко свидетельствуют о том, что в пределах Кипра религиозные группы являются самоуправляемыми и самодостаточными юридическими лицами, существующими независимо от государства.

Семейное право Кипра уходит глубокими корнями в народные обычаи и традиции и испытало на себе сильное влияние церковного права. Согласно Конституции 1960 г. вопросы брака и развода регулировались изначально именно церковным правом, относясь к юрисдикции церковных судов.

В 1989 г. в целях приведения отечественного права в соответствие с европейскими нормами, по инициативе Палаты представителей Кипру пришлось пойти на внесение поправок в статью 111, имеющую отношение к вопросам равноправия между женщинами и мужчинами. В соответствии с законом № 95/89 о данной поправке были созданы специальные суды, в ведение которых были переданы соответствующие вопросы семейных отношений, а также, допущены гражданские браки в качестве альтернативы бракам церковным, в тех случаях, когда обе стороны принадлежат к общине киприотов-греков. Другим следствием указанной поправки стало то, что вопросы семейного права были исключены из-под юрисдикции Церкви. Таким образом, для действительности брака требуется его гражданская регистрация. Что касается развода, то светского оформления этой процедуры достаточно для его признания государством даже если церковный брак не расторгнут. И напротив, церковный развод при отсутствии государственного акта не юридически недействителен². Иными словами с момента принятия данных поправок, прекратила свое действие статья 111, которая в частности определяла, что любой вопрос «относящийся к обручению, браку, разводу, действительности брака, раздельному или совместному проживанию супругов, к семейным отношениям, за исключением легализации или усыновления, решается со дня вступления в силу Конституции церковными законами Греческой Православной Церкви или церковными законами каждой религиозной группы, в зависимости от конкретных случаев, и устанавливается церковным судом каждой церкви, а оба Общинных собрания лишаются компетенции решать данные вопросы вопреки постановлениям церковного закона»³.

С принятием Кипром Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, в 1991 году был издан закон о семье № 232/9, согласно которому все решения суда в данной сфере должны уважать равенство родителей, не проводя никаких различий по признаку религии⁴.

Переходя к сфере имущественных отношений, следует указать, что их законодательная основа находится в статье 23, пункт 9 которой устанавливает: «Не производится никакого отчуждения, ограничения или приостановления прав, предусмотренного параграфом 1 настоящей статьи, на любую движимую или недвижимую собственность, принадлежащую любому епископству, монастырю, храму или любой другой церковной организации, за исключением лишь того случая, если это происходит с письменно выраженного согласия

¹ <https://legalns.com/download/books/cons/cyprus.pdf>

² https://cypruslaw.narod.ru/legal_system_Cyprus.htm

³ <https://legalns.com/download/books/cons/cyprus.pdf>

⁴ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Бюллетень ООН, CEDAW/C/CYP/1-2, 4 May 1995. С. 119-120.

компетентной церковной власти, осуществляющей контроль над такой собственностью. Причем настоящее постановление применяется также в случаях, которые предусматриваются положениями параграфа 3, за исключением оговорок, ограничений или приостановления права собственности в интересах благоустройства города, а также постановлений параграфов 4, 7 и 8 настоящей статьи». Практически дублируется это установление для исламской общины в пункте 10: «Не производится никакого отчуждения, ограничения или приостановления прав, предусмотренных параграфом 1 настоящей статьи, на любую движимую или недвижимую вакуфную собственность, включающую объекты и субъекты вакуфов и владений, принадлежащих мечетям и любым другим мусульманским религиозным учреждениям, прав и доходов, связанных с ними, за исключением лишь случая, когда это осуществляется с согласия турецкого Общинного собрания в соответствии с законами и принципами вакуфа. При этом настоящее положение применяется также в случаях, которые предусматриваются положениями параграфа 3, за исключением оговорок, ограничений или приостановления права собственности в интересах благоустройства города, а также постановлений параграфов 4, 7 и 8 настоящей статьи»¹.

Несколько более сложными для правоприменения являются имущественные вопросы, связанные с нетрадиционными для Кипра религиозными меньшинствами. Эти вопросы приобрели проблемный характер в связи с правовой неопределенностью в пространственном планировании и распределении территориально-религиозных границ между конфессиями.

Как отмечает своей статье «Allocation of Religious Space in Cyprus» глава отделения права Кипрского государственного университета в г. Никосии, проф. Ахиллес Эмилианидес, «в настоящее время на Кипре нет руководящих принципов, определяющих, как государственные чиновники должны учитывать религиозные интересы в отношении распределения религиозного пространства. Это потенциально может привести к случаям институционализированного неравенства. Тот факт, что существует множество православных церквей, может значительно затруднить строительство других храмов для других религиозных организаций в том же районе из-за ограничений зонирования и планирования. Таким образом, религиозная дискриминация может иметь место косвенно из-за того, что законодательство о планировании применяется таким образом, который дает преимущества религии большинства» [7]. В качестве примера он приводит дело *Ktimatiki Eteria Neas Taxeos*, касающееся разрешения на строительство. Членами компании-заявителя были Свидетели Иеговы, которые 26 февраля 1987 года обратились в Муниципальную корпорацию Лимассола за разрешением на строительство двухэтажного здания, который должен был быть использован в религиозных целях, на принадлежащем им участке земли. Местный Муниципальный совет отказал им, принимая во внимание его цели использования предлагаемого здания, характер местности, дорожную сеть и другое. Заявители оспорили решение об отказе в выдаче разрешения. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что настоящей причиной был общественный порядок или безопасность, которые, по мнению Муниципального совета Лимассола, оказались бы под угрозой, если бы разрешение было выдано. Муниципальный совет Лимассола сослался на решительное возражение церковных и местных властей Православной церкви и жителей района против возведения на их территории здания, принадлежащего указанной религии.

Свидетели Иеговы подали иск в Верховный суд Кипра, которые отменил решение совета и постановил, что причины отказа в праве лица или группы лиц по соображениям общественной безопасности или общественного порядка исповедовать свою религию или убеждения могут быть ограничены только Конституцией. Таким образом, было подтверждено, что право исповедовать свою религию относится не только к отдельным лицам, но и к церквям и другим религиозным общинам и Любое вмешательство будет неконституционным, если оно не будет

¹ <https://legalns.com/download/books/cons/cyprus.pdf>.

пропорционально насущным социальным потребностям, которым оно удовлетворяет. Следовательно, ограничения права религиозных меньшинств на строительство мест отправления культа вследствие противодействия со стороны религии большинства считаются противоречащими конституционной защите свободы вероисповедания и категорически запрещены. В итоге члены организации «Свидетели Иеговы» не столкнулись с какими-либо существенными проблемами при получении разрешений на возведение культовых сооружений.

При этом следует отметить, что статья 18 Конституции защищает деятельность религиозной организации, связанную исключительно с реализацией ее религиозной свободы, любая же другая деятельность нерелигиозного характера не охраняется. Такой пример мы находим в деле компании *Church of Nazarene International Ltd.*, принадлежащей одной из протестантских групп, когда ее представители утверждали, что государство не должно отказывать им в разрешении на покупку офисов на Кипре, поскольку это противоречит свободе вероисповедания. Верховный суд признал, что административные органы не могут препятствовать прямо или косвенно осуществлению свободы вероисповедания. Однако он же постановил, что в обстоятельствах конкретного дела не было нарушения статьи 18, поскольку заявители запросили разрешение на покупку офисов с целью *проживания и отдыха* членов данной компании, а не для каких-либо целей, прямо или косвенно связанных с осуществлением свободы вероисповедания.

Итак, целью данной статьи являлось – показать своеобразие кипрской правовой системы регулирования государственно-конфессиональных отношений, заключающееся в гармоничном сочетании признания важной роли Православия, носителями которого являются до 90 % жителей острова [7], с демократическим принципом омотаксии, заложенном в Конституцию Кипра, и устанавливающим взаимную автономию церкви и государства, а также предполагающего юридическое равенство традиционных для данного государства религий. На наш взгляд, представленная система и практический опыт ее функционирования представляют собою юридическую ценность для Российской Федерации, как и любой страны, учитывающей в своем государственно-правовом строительстве сосуществование нескольких крупных традиционных конфессий, что является залогом их мирного сосуществования и внутренней политической стабильности.

Список источников

1. Ювеналий (Поярков), митрополит. Роль Кипрской Православной Церкви в национально-освободительном движении киприотов до провозглашения Республики // Журнал Московской Патриархии. 1969. № 3.
2. Rolandos Katsiaounēs. Labour, society, and politics in Cyprus during the second half of the nineteenth century (Texts and studies of the history of Cyprus). Nicosia: Cyprus Research Centre, 1996. 274 p.
3. Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей: Учебное пособие. В 2 т. М.: Русские огни, 1994. Т. 2.
4. Κοκκινόφτας Κ. Αρχιεπίσκοπος Κύπρου Λεόντιος / Κ. Κοκκινόφτας. – Λευκωσία, 2015. 264 σ.
5. Σία Αναγνωστοπούλου, «Η Εκκλησία της Κύπρου και ο εθναρχικός της ρόλος, 1878-1960», ΣΘ, 68-70 (1999) σ. 201.
6. Νέαρχος Γ. Νέαρχου «Μακάριος, Δραματική πορεία», ερά Μητρόπολις Πάφου, Τ. Α', Λευκωσία, 2021.
7. Emilianides, A., Adamides, C. and Eftychiou E. (2011). Allocation of Religious Space in Cyprus. Cyprus Review. Vol. 23(1): 97-121. <https://cyprusreview.org/index.php/cr/article/view/169/134>

References

1. Juvenal (Poyarkov), Metropolitan. Role of the Cypriot Orthodox Church in the national liberation movement of Cypriots before the proclamation of the Republic. *Journal of the Moscow Patriarchate*. 1969;(3). (In Russ.)
2. Rolandos Katsiaounēs. *Labour, Society, and Politics in Cyprus during the second half of the nineteenth century (Texts and studies of the history of Cyprus)*. Nicosia: Cyprus Research Centre; 1996. 274 p.
3. Skurat K. E. *History of Local Orthodox Churches*. In 2 vol. Moscow; 1994. Vol. 2. (In Russ.)
4. Κοκκινόφτας Κ. Αρχιεπίσκοπος Κύπρου Λεόντιος / Κ. Κοκκινόφτας. – Λευκωσία, 2015. 264 σ. (In Greek)
5. Σία Αναγνωστοπούλου, «Η Εκκλησία της Κύπρου και ο εθναρχικός της ρόλος, 1878-1960», ΣΘ, 68-70 (1999). (In Greek)
6. Νέαρχος Γ. Νέαρχου «Μακάριος, Δραματική πορεία», ερά Μητρόπολις Πάφου, Τ. Α', Λευκωσία, 2021. (In Greek)
7. Emilianides, A., Adamides, C. and Eftychiou E. Allocation of Religious Space in Cyprus. *Cyprus Review*. 2011;23(1):97–121. <https://cyprusreview.org/index.php/cr/article/view/169/134>

Информация об авторе

Д. Т. Фетисов – магистрант 1 курса программы «Государственно-конфессиональные отношения. Правовое регулирование деятельности религиозных объединений», НИУ ВШЭ.

Information about the author

D. T. Fetisov – 1st year master's student of the program “State-confessional relations. Legal regulation of the activities of religious associations”, National Research University Higher School of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.04.2024; одобрена после рецензирования 03.05.2024; принята к публикации 06.05.2024.

The article was submitted 08.04.2024; approved after reviewing 03.05.2024; accepted for publication 06.05.2024.

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 73–81
North Caucasus Legal Vestnik. 2024;(2):73–81

Проблемы конституционного, административного и международного права

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-73-81>

EDN ZARRGK

Государство-цивилизация как основа конституционного строя Российской Федерации

Павел Петрович Баранов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
pravosoznanie@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется проблема сохранения цивилизационной идентичности России в контексте реализации идеи «государства-цивилизации». Автор предлагает рассматривать положения о России как государстве-цивилизации в качестве одной из основ конституционного строя Российской Федерации, пусть и не получившей своего формального закрепления на уровне текста Конституции. Также в статье анализируется проблема обозначения России как государства-цивилизации в программных документах стратегического планирования. Аналогичный блок проблем рассматривается и применительно к вопросу о традиционных ценностях, защита которых одно из базовых условий обеспечения цивилизационной идентичности в сложных современных геополитических реалиях.

Ключевые слова: государство-цивилизация, конституционная реформа 2020 года, Конституционный Суд РФ, Конституция РФ, основы конституционного строя, Президент РФ, Русский мир, традиционные ценности, цивилизационная идентичность

Для цитирования: Баранов П. П. Государство-цивилизация как основа конституционного строя Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 73–81. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-73-81>. EDN ZARRGK

Problems of Constitutional, Administrative and International Law

Original article

State-civilization as the basis of the constitutional system of the Russian Federation

Pavel P. Baranov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, pravosoznanie@gmail.com

Abstract. The article analyzes the problem of preserving Russia's civilizational identity in the context of implementing the idea of a “civilization state.” The author proposes to consider the provisions on Russia as a state-civilization as one of the foundations of the constitutional system of the Russian Federation, even if it has not received its formal enshrinement at the level of the text of the Constitution. The article also analyzes the problem of designating Russia as a state-civilization in strategic

planning documents. A similar block of problems is considered in relation to the issue of traditional values, the protection of which is one of the basic conditions for ensuring civilizational identity in complex modern geopolitical realities.

Keywords: civilizational identity, Constitution of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional reform of 2020, foundations of the constitutional system, President of the Russian Federation, Russian World, traditional values, state-civilization

For citation: Baranov P. P. State-civilization as the basis of the constitutional system of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):73–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-73-81>. EDN ZARRGK

Основы конституционного строя – это не только глава, открывающая первый раздел Конституции Российской Федерации, обладающая высшей юридической силой по отношению к другим главам, но и важнейшая категория современного отечественного конституционализма, олицетворяющая базовые основополагающие характеристики российского государства, а также цели и задачи дальнейшего конституционно-правового строительства. Напомним, что действующая отечественная Конституция принималась в особых политических и геополитических условиях. С одной стороны, речь идет о тяжелейшем внутривнутриполитическом конституционном кризисе, который только по удачному стечению обстоятельств не привел к серьезному внутригражданскому противостоянию, что сказалось и на резко сократившихся сроках подготовки конституционного текста и на его содержательной части. С другой стороны, время принятия первой российской Конституции сейчас принято обозначить, как время либерально-политических иллюзий. Речь идет об излишней идеализации идеи универсальных ценностей современной цивилизации (в общепланетарном масштабе), которая на деле была сведена к абсолютизации именно прозападных ценностей и отрицанию особого национального пути конституционно-правового развития. Неслучайно в последнее время мы все чаще слышим предложения внести изменения в базовые положения конституционного текста: ст. 2 Конституции – права и свободы как высшая ценность, ст. 13 Конституции – запрет государственной идеологии, ст. 9 Конституции – частная собственность на природные ресурсы, в том числе, недра (в настоящее время ограничивается на уровне отраслевого законодательства), ст. 12 Конституции – выведение органов местного самоуправления из системы государственной власти (в настоящее время государственная и местная власть входят в единую систему публичной власти), ст. 15 Конституции – приоритет норм международных договоров над нормами федеральных законов и др.

Как мы уже отметили, сегодня от представителей высшей политической элиты все чаще можно услышать предложения о внесении изменений в главу вторую Конституции РФ. Однако, как мы помним, произошедшая в 2020-м году конституционная реформа, имевшая ярко выраженный консервативный характер, и имевшая значительный положительный эффект, для обоснования цивилизационной идентичности российского государства, защиты конституционного суверенитета и возвращения к цивилизационным истокам отечественной государственности, была ограничена внесением конституционных поправок в главы с третьей по восьмую и не затронула первые две главы конституции. Именно по этой причине достаточное количество исследователей отмечают незаконченный и частичный характер консервативной реформы, который в том числе сказался и на ясности и последовательности конституционного текста. Причины, по которым конституционный законодатель решил ограничиться процедурой внесения конституционных поправок все еще не ясны.

Возможно, речь идет об отсутствии в современном законодательстве четкого конституционно-правового механизма пересмотра и принятия новой Конституции. Напомним, что необходимый для проведения данной процедуры Федеральный конституционный закон

«О Конституционном Собрании Российской Федерации» все еще не принят, хотя его проект подготовлен достаточно давно и последние изменения вносились в октябре 2020 г. Отметим также, что и для представителей научного сообщества вопросы формирования данного органа всегда были важной темой для обсуждения [1]. С другой стороны у инициаторов конституционной реформы было достаточно времени, чтобы разработать новый порядок конституционной реформы, введя две новые дополнительные стадии (предварительный контроль со стороны Конституционного Суда РФ и общероссийское голосование). Возможно также, что авторы конституционной реформы не хотели ломать сложившуюся структуру конституционного текста, что могло бы создать сложности для исполнения всего блока правовых решений Конституционного Суда РФ. В любом случае соответствующее решение было принято и у авторов реформы не было технической возможности изменить главы первую и вторую. В итоге глава, включающая основы конституционного строя, осталась без изменений, что не дало возможности пересмотреть отдельные и на сегодняшний день спорные положения, как и уделить большее внимание особенностям цивилизационной идентичности российского государства на сегодняшнем этапе его развития.

Отметим, что вопрос о государственной цивилизационной идентичности не является принципиально новым для отечественной правовой науки. Однако в последние годы понимание России как государства-цивилизации начинает все активнее осваивать современное правовое пространство, не только на уровне общетеоретических исследований, но и, что особенно важно – на уровне правовых актов.

Одно из самых ранних упоминаний России как государства-цивилизации можно увидеть в Послании Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г. В частности, Президент РФ отметил, что «Россия веками развивалась как многонациональное государство... государство-цивилизация, скрепленное русским народом, русским языком и русской культурой»¹. Напомним, что Послание Президента РФ следует относить к документам стратегического планирования, разрабатываемым на федеральном уровне². Однако это был один из первых случаев, когда понимание России как государства-цивилизации официально прозвучало от одного из представителей высшей публичной власти. Именно с этого момента Россия как государство-цивилизация стало упоминаться на уровне подзаконных правовых актов, правда, только в документах, формально относящихся к документам «стратегического планирования». Что же касается современного федерального законодательства, то оно соответствующую проблематику, по сути, обходит.

Отметим также, что «Государство-цивилизация» в тексте однотипных по характеру документах то присутствует, то отсутствует. Например, в тексте утратившей силу государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013 – 2020 годы³ присутствовали такие цели ее реализации, как «укрепление единого культурного пространства России как исторического государства-цивилизации». Как отмечали в той связи исследователи, «анализ основных целей данной Программы говорит о понимании и декларировании единства, взаимообусловленности развития культуры и российской

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 «Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» // Российская газета. № 287. 13.12.2012.

² Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.06.2014. № 26 (часть I). Ст. 3378; Указ Президента РФ от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 15.11.2021. № 46. Ст. 7676.

³ Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2012 № 2567-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие культуры и туризма" на 2013 – 2020 годы"» (утратило силу) // Собрание законодательства РФ. 14.01.2013. № 2. Ст. 105.

государственности» [2]. В пришедшей ей на смену государственной программе Российской Федерации «Развитие культуры»¹ подобных целей не обозначено. Правда, заявлены такие цели как «передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения». На первый взгляд, можно было бы сказать, что речь идет, примерно, об одном и том же. И с этим нельзя не согласиться. Однако соглашаясь с тем, что общий смысл не изменился, отметим, что «государство-цивилизация» и «российская-цивилизация» – это разнопорядковые категории.

Таким образом на уровне соответствующих документов на сегодняшний день утвердились, как минимум, две категории:

1) «государство-цивилизация» – например, утратившая силу государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013 – 2020 годы, оперирует категорией «историческое государство-цивилизация»;

2) «российская цивилизация» – как это сделано в действующей государственной программе Российской Федерации «Развитие культуры». Надо сказать, что соответствующий проект, касающийся дополнения действующей программы формулировкой «укрепление единого культурного пространства России как исторического государства-цивилизации» был подготовлен Минкультуры России еще в феврале 2021 г., однако так и не был реализован.

Обращаясь к проблеме слабой теоретической и научной разработанности категорий «цивилизация», «государство-цивилизация», «цивилизационная идентичность» применительно к специфике именно юридического знания, упомянем и такую категорию как традиционные духовно-нравственные ценности.

Не так давно обсуждение проблемы российских духовно-нравственных ценностей вышло на новый виток. Связано это было с опубликованием Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»². Ни коим образом не принижая значение этого документа и его значимости для дальнейшей работы по выработке правовых механизмов защиты национального суверенитета, отметим, что он вызвал значительное количество споров у представителей различных отраслей гуманитарной науки. Наибольшие замечания вызвала именно теоретическая проработка вопроса. Речь идет как о понятии традиционных духовно-нравственных ценностей, так и их конкретном перечне. Даже в рамках самого представленного перечня возникают вопросы целесообразности представленной иерархии. В частности, сначала идут такие ценности как - жизнь, достоинство, права и свободы человека, и только потом – патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу и др. И это в условиях, когда все большую популярность приобретает, в том числе у политической элиты, мнение о необходимости исключения статьи второй из текста Конституции РФ (права и свободы как высшая ценность) или ее значительному изменению.

Кроме того, сам набор традиционных ценностей в тех или иных вариантах был сформирован достаточно давно, уже не раз упоминался в документах стратегического планирования и просто автоматически переходит из одного документа в другой. Другой пример, такие ценности как, например, патриотизм и гражданственность в ст. 3 Федерального закона

¹ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 317 (ред. от 26.12.2023) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие культуры"» // Собрание законодательства РФ. 05.05.2014. № 18 (часть II). Ст. 2163.

² Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 14.11.2022. № 46. Ст. 7977.

«Об образовании в Российской Федерации» вообще вынесены за рамки категории «русские духовно-нравственные ценности» и представлены относительно обособленно¹. Данные примеры наглядно демонстрируют, что формально-юридически идеи государства-цивилизации, цивилизационных ценностей, российских духовно-нравственных ценностей в отечественном правовом пространстве проработаны еще слабо, пусть и упоминаются достаточно часто. То же можно сказать и об обозначении роли ведущих конфессий в системе цивилизационной и национальной идентичности, которая традиционно обозначается весьма формально.

Принципиальным моментом стало обозначение России как государства-цивилизации в Указе Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»² (в данном документе традиционные духовно-нравственные ценности упоминаются десять раз). Речь идет, в том числе, о выходе идеи государства-цивилизации за формальные рамки государственных границ, предполагающее возможность интеграции по цивилизационному признаку на всем евразийском пространстве и пространстве бывшего СССР, в том числе. В частности, в Концепции внешней политики было обозначено «особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира». Другими словами, на уровне документов стратегического планирования, не отменяется идея «государства-цивилизации», однако допускается наличие и межгосударственной цивилизационной идентичности, которая может быть представлена в такой формулировке как «Русский мир». Сама формулировка «Русский мир» появилась еще раньше, как и идея его выделения. Например, в Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом 2022 года отмечалось «увеличение количества попыток принизить значимость российской культуры... дискредитировать Русский мир, его традиции и идеалы, подменяя их псевдоценностями»³.

Надо сказать, что категория «Русский мир» также постепенно входит и в обиход отечественных правоведов. В частности, часть авторов считает, что «оформившаяся за века единая полиэтническая русская государственность является ядром Русского мира, который существует на уровне веры, интеллекта, духовности и культуры» [3], а сам русский мир представляет из себя исторически сложившуюся культурную общность [4]. На наш взгляд, Русский мир развивается как гипотетическое международное трансконтинентальное сообщество, объединенное причастностью к России и лояльностью к русскому языку и русской культуре. Эта категория обозначает культурно-цивилизационную, геополитическую и религиозную концепцию, которая подразумевает объединение русскоязычного и сочувствующего ему населения по всему миру. Получив особую популярность в последнее десятилетие прошлого века, с начала 2000-х гг. «Русский мир» занял свое место в научном и политическом дискурсе. Начиная с 2008 г., данный термин стал использоваться и на уровне программных документов стратегического планирования. Одновременно отметим, что вопрос о том, что же на сегодняшний момент является более приоритетным – акцент на государственную цивилизационную идентичность или же на межгосударственную остается открытым, в том числе и на уровне правовой системы России.

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

² Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.04.2023. № 14. Ст. 2406.

³ Указ Президента РФ от 05.09.2022 № 611 (ред. от 17.10.2022) «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // Собрание законодательства РФ. 12.09.2022. № 37. Ст. 6315.

В целом утверждение в ряде документов России как государства-цивилизации символизирует смену геополитического и внешнеполитического курса нашего государства. В настоящее время мы наблюдаем отход от идеи полноценной интеграции в мировое сообщество на основе базовых универсальных ценностей и переход к модели относительно самостоятельного и самодостаточного функционирования на основе базовых национальных цивилизационных ценностей. В этой связи возникновение и оформление идеи нации-государства в России отдельными исследователями справедливо связывается и процессами правовой глобализации, которые в последние десятилетия приобрели характер откровенной угрозы конституционной безопасности Российской Федерации и ее государственному суверенитету. Речь идет о том, что враждебные России государства, управляющие процессами глобализации, являются государствами западного цивилизационного типа и стремятся навязать ей чуждые ценности цивилизационного характера. Делается это неслучайно. Россию стремятся выкинуть из общемировых международно-политических процессов и навязать однополярный мир во главе с США.

Тактика, так называемого, мирового гегемона в общих чертах сводится к следующим действиям:

- создание универсальных международных организаций, которые занимаются продвижением исключительно прозападных цивилизационных ценностей;
- инициирование заключения особых международных договоров, основанных на принципах западной цивилизации;
- принижение роли и значения традиционных международных объединений, типа ООН и принятие решений одностороннего характера, или же жесткое давление на членов традиционных международных объединений с использованием средств как политического, так и идеологического шантажа;
- избирательная апелляция к принципам международного права в их оригинальной прозападной интерпретации выгодной исключительно цивилизациям прозападного типа;
- использование средств и орудий экономической глобализации в процессе навязывания так называемых универсальных ценностей всем членам мирового сообщества;
- мощное идеологическое воздействие на всех членов мирового сообщества, пропаганда прозападного образа жизни, непризнание права иных цивилизаций на собственный курс развития и обоснование исключительности и универсальности цивилизационных ценностей прозападного типа.

При этом, не вызывает никаких сомнений утверждение, что Россия не относится к западному цивилизационному типу, не являясь частью западной и европейской цивилизации. «Россия – евразийское государство-цивилизация со своей иерархией ценностей, не совпадающей с иерархией ценностей западных государств». Противоположные утверждения, которые все еще можно услышать от отдельных представителей «российской правящей, предпринимательской, культурной и научной элиты... компрадорской, англоманской, прозападной» характеризуют ее оторванность от национальных корней и русской истории» [5].

На наш взгляд, российская цивилизация выступает как уникальное социокультурное образование и представляет собой совокупность исторически сложившихся традиций, ценностей, обычаев, языка, культуры, которые отличают Россию от других цивилизационных общностей. Основные черты российской цивилизации включают в себя: синтез восточных и западных культурных элементов, сильное влияние традиционных конфессий и, в частности, русской православной церкви, коллективизм и важность ценностей общественного характера, приоритет духовного над материальным, уникальный язык и литература, разнообразие этнических групп и культурных традиций, долгая история развития и особое географическое положение. В политической сфере можно выделить тягу к единоличной и сильной власти и ее жесткую централизацию.

И пусть идея нации-государства не получила своего буквального формально-юридического оформления на уровне конституционного текста в современной России ее без сомнения следует признать одной из основ конституционного строя Российской Федерации.

Обращаясь к общетеоретическим аспектам цивилизационной идентичности, отметим следующее:

1) цивилизационные ценности – это набор моральных, нравственных, этических, политических, идеологических и социокультурных установок;

2) цивилизационные ценности призваны объединить различные социальные, этнические, религиозные и географические группы, на основе общего знаменателя, так называемого, цивилизационного кода;

3) в ситуации многонационального и многоконфессионального государства именно цивилизационные ценности позволяют создать единый и относительно однородный нравственно-культурный ландшафт, выступающий основой для построения и существования единого государства;

4) единая цивилизационная идентичность может не ограничиваться рамками одного государства и выступать основанием для межгосударственной консолидации, что особенно актуально в ситуации затяжного и глобального геополитического кризиса последних лет. Неслучайно в последнее время все чаще можно услышать выражение «Русский мир», в качестве обозначения особой формы цивилизационной идентичности.

Вопросам цивилизационной идентичности России были посвящены труды многих известных ученых и исследователей. Наиболее важные черты российской цивилизации получили развитие в концепции «Москва – третий Рим», идеях славянофилов, теории культурно-исторических типов человечества, теории исторического развития Тойнби, теории культуры Освальда Шпенглера и других.

Николай Яковлевич Данилевский – русский социолог, культуролог, публицист, является автором одной из наиболее известных теорий, посвященных сравнению России и Европы. По мнению автора, Россия и Европа являются двумя разными культурными и цивилизационными формациями, которые существуют и развиваются по-разному. Цивилизационные отличия затрагивают не только особенности социального и политического уклада, но и основы функционирования общества и государства, в частности, особенности политического режима. При этом Европа уже достигла максимального уровня своего развития, а Россия все еще находится в стадии своего становления. В работах Данилевского, цивилизация – это в первую очередь понятие наднациональное. Научному обоснованию геополитической стратегии России Данилевский посвятил книгу «Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций» (1869 г.). Славянскую цивилизацию Данилевский выделял в самостоятельный культурно-исторический тип, у которого свои истоки, своя история свое будущее. Автор сформулировал вывод о том, что Россия не принадлежит к римско-германской (европейской цивилизации), которая чужда ей по своему внутреннему складу. Сами размеры России для Европы уже аномалия, а одним своим существованием Россия нарушает систему европейского равновесия, потому что слишком могущественна и не может рассматриваться исключительно как одно из европейских государств.

Освальд Шпенглер – немецкий историк, философ и публицист рассматривал Россию как особый культурно-исторический мир, который нельзя смешивать с Европой. Особость российской цивилизации автор видел в смешении национальностей и культур, благодаря которому на свет появилась цивилизация принципиально нового типа. По мнению автора, реформы западноевропейского типа всегда происходили от представителей российской политической элиты, как правило, не находя поддержки у населения. Освальд Шпенглер в своей знаковой работе «Закат Европы» (1918 г.) сквозь призму культурологии одним из первых на Западе заявил, что Россию ожидает большое и великое будущее. По мнению Шпенглера

следующее тысячелетие будет принадлежать культуре России, основная задача которой – рождение новой «религии».

Арнольд Джозеф Тойнби – английский историк, социолог, культуролог и философ характеризовал Россию как отдельную цивилизацию, которая является уникальной и отличается от других. Особой чертой российской цивилизации, отмеченных Тойнби, является русская душа и ее особые психологические особенности. По мнению автора, российская цивилизация, одна из немногих добровольно согласившихся на отдельные элементы вестернизации и европеизации, тем не менее не отказалась от своей национальной идентичности. Тойнби в своем научном цикле «Постижение истории» показывает, что русская и западная цивилизация имеют русский корень, так как происходит из эллинской цивилизации. Однако они изначально противоположны, потому что принадлежат к двум различным ветвям христианства, католицизму и православию. Особый путь развития России автор связывает, в том числе, с противостоянием с западной цивилизацией, от которой постоянно исходят угрозы. Русскую цивилизацию автор рассматривал как завершенную и состоявшуюся социальную общность. В соответствии с его предсказаниями в XXI веке именно Россия, Китай и исламский мир будут определять основные векторы развития человечества.

В заключение отметим следующее. Цивилизационная идентичность традиционно выходит за рамки географических, этнических и религиозных характеристик народов, населяющих Россию. В определенном смысле «государство-цивилизация» конкурирует с идеей политической (гражданской) нации. Однако, в отличие от политической нации, в основу которой ставится в большей степени рациональный аспект интеграции, цивилизационная идентичность предполагает историческую и социокультурную обусловленность соответствующего объединения.

Цивилизационная идентичность современной России, проблема, которую вполне закономерно можно рассматривать на примере актуальных конституционно-правовых процессов. Выделим наиболее важные:

1. Возвращение к идее традиционных консервативных ценностей, характеризующих общий цивилизационный код народов России

Последнее десятилетие прошлого века было ознаменовано резкой сменой политических и идеологических парадигм. Новую российскую Конституцию отличала радикальная либерализация конституционно-правового пространства. Как показало время, новый конституционно-правовой режим так и не получил одобрения у большей части населения России. Конституционная реформа 2020 года отчасти исправила положение, предложив целый набор конституционных новелл консервативного цивилизационного характера. Однако частичный и неполный характер реформы, когда первая и вторая главы остались без изменений, сказался и на результате. Две первые главы российской Конституции все еще олицетворяют излишне либерализованную модель организации власти и общества, плохо соответствующую традиционным цивилизационным ценностям современных россиян. При этом нельзя не признать, что на уровне отраслевого законодательства работа по утверждению и правовому оформлению консервативных цивилизационных ценностей ведется активно и вполне успешно.

2. Укрепление конституционно-правового суверенитета

Защита цивилизационной идентичности не может ограничиваться исключительно внутригосударственной политикой и объективно дополняется соответствующими механизмами на международной арене. В ходе конституционной реформы 2020 года были существенно расширены и уточнены полномочия Конституционного Суда РФ в сфере охраны конституционного суверенитета. Речь идет о проверке на возможность исполнения в России решений надгосударственных органов власти и решений надгосударственных судебных органов. Правда, последнее полномочие ранее уже было представлено на уровне федерального конституционного закона. В этом же контексте следует рассматривать и выход России

из Совета Европы, решения которого в последние годы отличались явной ангажированностью, не соответствовали идее конституционного суверенитета и, зачастую, противоречили набору традиционных консервативных ценностей россиян.

В современной России идея государства-цивилизации активно развивается на уровне документов стратегического планирования. Что же касается ее оформления на уровне федерального законодательства, то на сегодняшний момент таких попыток даже не предпринимается. Это, на наш взгляд, является серьезным упущением. Кроме того, не имея возможности и желания прибегать к пересмотру Конституции и принятия новой, понимание России как государства-цивилизации законодатель вполне мог бы оформить на уровне главы третьей – Федеративное устройство. Тем самым можно было бы ограничиться «упрощенной» процедурой внесения поправок. Одновременно заметим, что цивилизационная идентичность может не ограничиваться границами одного государства. Не случайно на уровне соответствующих правовых документов уже прозвучала формулировка – «Русский мир». Это дает повод серьезно задуматься о возможностях цивилизационной интеграции, как минимум на уровне дружественных стран бывшего СССР.

Список источников

1. Малофеев К. В. К вопросу о порядке формирования, составе и структуре Конституционного Собрания Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 4. С. 23–31.
2. Шамшутдинова А. Р. Система источников административно-правового регулирования культуры // Административное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 363–373.
3. Бабурин С. Н. Конституционные принципы культуры России в современных условиях // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 15–21.
4. Белоусова М. А. Этническая самоидентификация: конституционное право выбора национальности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 56–60.
5. Шумилов В. М. Концепция глобального права и глобальной нормативной системы // Современный юрист. 2015. № 3. С. 70–87.

References

1. Malofeev K. V. On the order of formation, composition and structure of the Constitutional Assembly of the Russian Federation. *State power and local self-government*. 2022;(4):23–31. (In Russ.)
2. Shamshutdinova A. R. System of sources of administrative and legal regulation of culture. *Administrative and municipal law*. 2016;(4):363–373. (In Russ.)
3. Baburin S. N. Constitutional principles of Russian culture in modern conditions. *Constitutional and municipal law*. 2023;(2):15–21. (In Russ.)
4. Belousova M. A. Ethnic self-identification: constitutional right to choose a nation. *Constitutional and municipal law*. 2019;(9):56–60. (In Russ.)
5. Shumilov V. M. Concept of Global Law and Global Normative System. *The Modern Lawyer*. 2015;(3):70–87. (In Russ.)

Информация об авторе

П. П. Баранов – Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

P. P. Baranov – Honored Scientist of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Department of Constitutional and Municipal Law, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 03.05.2024; одобрена после рецензирования 23.05.2024; принята к публикации 24.05.2024.

The article was submitted 03.05.2024; approved after reviewing 23.05.2024; accepted for publication 24.05.2024.

К вопросу о полномочиях и ответственности органов местного самоуправления как элемента единой публичной власти России

Сергей Александрович Балаев

Астраханский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Астрахань, Россия, balaev30@gmail.com

Аннотация. Гармоничное развитие местных сообществ является неотъемлемым атрибутом укрепления законности в правовом государстве, выстраивает баланс между общественными интересами как в масштабах страны, так и на уровне отдельных муниципальных образований с учетом соответствующей территориальной, социальной, этноконфессиональной и культурной специфики. Органы местного самоуправления являются ближайшей к населению формой власти, где от качества выстроенного взаимодействия с населением зависит характер восприятия гражданами государственного управленческого воздействия в целом. Поэтому крайне важно выстроить оптимальную модель функционирования органов местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти федерального и регионального уровня, а также с населением, обеспечив эффективное правовое регулирование соответствующих сфер общественных отношений. В статье выявлены общие закономерности специфики правового регулирования деятельности муниципальных образований, сформулированы предложения по повышению эффективности работы в указанной сфере общественных отношений.

Ключевые слова: власть, государство, гражданское общество, местное самоуправление, полномочия, юридическая ответственность

Для цитирования: Балаев С. А. К вопросу о полномочиях и ответственности органов местного самоуправления как элемента единой публичной власти России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 82–89. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-82-89>. EDN ZMSJDK

Problems of Constitutional, Administrative and International Law

Original article

On the issue of authority and responsibility of local self-government bodies as part of the unified public authority of Russia

Sergey A. Balaev

Astrakhan Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Astrakhan, Russia, balaev30@gmail.com

Abstract. The harmonious development of local communities is an integral attribute of strengthening the rule of law in a State governed by the rule of law, builds a balance between public interests both nationwide and at the level of individual municipalities, taking into account the relevant territorial, social, ethno-confessional and cultural specifics. Local self-government bodies are the form of government closest to the population, where the nature of citizens' perception of state administrative influence

as a whole depends on the quality of the built-up interaction with the population of municipalities. Therefore, it is extremely important to build an optimal model of the functioning of local self-government bodies in cooperation with state authorities at the federal and regional levels, as well as with the population, ensuring effective legal regulation of the relevant spheres of public relations. The article identifies general patterns of the specifics of the legal regulation of the activities of municipalities, and formulates proposals to improve the efficiency of work in this area of public relations.

Keywords: state, government, local self-government, civil society, powers, legal responsibility

For citation: Balaev S. A. On the issue of authority and responsibility of local self-government bodies as part of the unified public authority of Russia. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):82–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-82-89>. EDN ZMSJDK

Конституцией РФ задекларировано, что единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.

Являясь самым близким к населению уровнем власти, органы местного самоуправления служат защите прав граждан, обеспечивая их комфортное и эффективное проживание, реализуя тёплые добрососедские отношения. По этим причинам местное самоуправление безусловно является одной из форм проявления демократии в стране.

Вместе с тем в указанной сфере имеется ещё ряд проблем, связанных с недостаточной эффективностью законодательной базы, регламентирующей работу органов местного самоуправления, не в полной мере реализованы ресурсы по максимальному вовлечению граждан в решение вопросов муниципальной проблематики.

Как пишет А. Г. Балыхин, «... Население пока не признало местное самоуправление действенным, «своим»...» [1, с. 212].

В данной связи государством разработан и в настоящее время реализуется ряд мероприятий по повышению эффективности деятельности органов местного самоуправления, по повышению уровня ответственности их должностных лиц.

Местное самоуправление поддерживается и обеспечивается государством в качестве формы реализации гражданами собственной воли по решению вопросов местного значения, решения текущих бытовых проблем каждого из индивидов и всего муниципального сообщества.

Непременной предпосылкой продуктивной работы федеративного государства, обязательным условием его системного, поступательного развития является гармоничное соответствие управленческих воздействий на федеральном, региональном и местном уровнях, наличие системы распределения ответственности за эффективное разрешение государственных вопросов соответствующего уровня. Таким образом, полномочия указанных субъектов власти в соответствии с принципом федерализма будут реализованы системно, в структурной органичной взаимосвязи, а права и законные интересы граждан, проживающих в различных видах муниципальных образований, надёжно защищены.

В пределах собственных полномочий конституционно закреплено самостоятельное решение муниципалами вопросов местного значения. При этом установлено, что органы местного самоуправления не являются частью системы государственных органов.

Предусмотренные в Конституции России права граждан по направлению коллективных и индивидуальных форм обращений в органы местного самоуправления, судебному обжалованию деяний должностных лиц и органов местного самоуправления, формированию их структуры и системы, избирательные права, а также права по решению иных вопросов местного значения являются гарантией населению на местное самоуправление, предоставляемой основным законом страны. Вместе с тем, реализуя собственные права на местное самоуправление, граждане становятся субъектами юридической ответственности в соответствии с нормами комплекса отраслей законодательства, регулирующего соответствующие общественные отношения.

Одно из важнейших полномочий органов местного самоуправления – право и обязанность на разрешение вопросов местного значения, основной круг которых имеет конституционное закрепление – вопросы формирования и распоряжения имуществом, входящим в муниципальную казну; определение элементов состава местных налогов; местная бюджетная политика; охрана общественного порядка; проведение эффективной межнациональной политики.

Следует отметить, что указанные полномочия исполняются органами местного самоуправления в тесном взаимодействии, путём обмена положительными примерами правоприменительной практики.

Андрей Турчак – первый заместитель Председателя СФ ФС РФ, выступая на Всероссийском муниципальном Форуме 28 апреля 2022 года, отметил качественно новый уровень сотрудничества между местными сообществами на современном этапе развития российской государственности. Это направление реализуется, в том числе, в процессе многочисленных конкурсных, образовательных и координационных мероприятий.

Динамичностью общественных отношений, связанных с организацией государственной и муниципальной власти, определена гибкость правовых конструкций по наделению полномочиями указанных субъектов управленческой деятельности. В частности, федеральное и региональное законодательство предполагает отнесение к вопросам местного значения иных вопросов прямого обеспечения функционирования жителей соответствующих территорий. Также органы местного самоуправления могут рассматривать жизненные ситуации, напрямую не относящиеся к ведению органов государственной власти регионального и федерального уровня, но и не исключенные из круга полномочий органов местного самоуправления.

Следует отметить, что обязательным условием законодательного наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями является одновременная передача им финансовых и иных ресурсов, необходимых для исполнения соответствующих обязанностей, реализации соответствующих полномочий.

С. Е. Чаннов объясняет специфику развития регионов страны различиями в экономике и культуре субъектов Федерации. В трудах ученого рассматриваются проблемы низких конкурентных преимуществ у регионов, отдельными из которых являются наличие полезных ископаемых (нефти и производных, алмазов) [2, с. 49–50]. В целях стабилизации производственных процессов на территории страны, а также для профилактики оттока населения из регионов в федеральный центр, в целях повышения уровня жизни населения органами местного самоуправления реализуется организационно-юридический комплекс мероприятий по повышению инвестиционной привлекательности муниципальных территорий.

С точки зрения А. В. Петраева, для обеспечения роста уровня жизни на территориях местных сообществ, властям последних необходимо обеспечить надлежащие условия труда и отдыха в соответствующих муниципальных образованиях, а также сформировать комфортную среду для проживания граждан [3, с. 44]. Формирование комфортной среды предполагает, как пишет Г. Л. Рубеко, строгое соблюдение экологического законодательства в целях сохранения природы и недопущения причинения вреда флоре и фауне [4, с. 330]. Современная правоприменительная практика, а также анализ деятельности механизма государства показывают, что указанные задачи комплексно решаются посредством разработки и реализации национальных проектов при непосредственном организационном и финансовом участии власти регионального и муниципального уровня.

О. В. Стульникова видит проблему перераспределения на органы местного самоуправления отдельных государственных полномочий в том, что при передаче полномочий в рамках регионального законодательства недостаточно детально определяется ресурсная база [5, с. 47]. С данным утверждением можно согласиться лишь отчасти, поскольку основная

часть полномочий передаётся органам местного самоуправления от иных уровней власти параллельно с финансированием в соответствии с нормами Бюджетного кодекса РФ, хотя периодически органы прокуратуры выявляют нарушения законодательства в соответствующей сфере.

Важно отметить, что основными методологическими предпосылками конституционного закрепления правового статуса органов местного самоуправления в современной России, устанавливающего базовые принципы функционирования местного самоуправления, является большая научная работа по систематизации, обобщению и актуализации отечественной практики осуществления местного самоуправления. Сложно переоценить в данной связи значение единых для демократических государств принципов законности, децентрализации управления, самоорганизации граждан, сформулированных в Европейской хартии местного самоуправления.

Большая роль принадлежит органам местного самоуправления в деле укрепления и развития гражданского общества как полноценного субъекта правовых отношений, активного инициатора и участника эффективных социальных связей. Здесь местные сообщества выполняют двойственную функцию, образуя одновременно и механизм формирования институтов гражданского общества, а также являясь его структурной составляющей.

С точки зрения О. Б. Алексеева, решение задач местного значения осуществляется органами местного самоуправления конкретных территорий без вмешательства органов государственной власти с учетом местной специфики совместно с институтами гражданского общества, в чем и проявляется органическая взаимосвязь указанных социальных образований [6].

Ярким проявлением демократии, а также индикатором реальности участия населения в управлении государством является предусмотренная законом процедура включения представителей органов местного самоуправления в процесс принятия значимых политических решений.

В соответствии с ч. 3 ст. 132 Конституции РФ органы государственной власти и органы местного самоуправления образуют единую систему публичной власти, в интересах населения конкретных территорий находятся в постоянном взаимодействии.

Согласно точке зрения С. А. Балаева, «...Современное государство представляет собой сложную динамично развивающуюся организацию публичной власти, механизм которой представлен комплексом организационных и правовых средств, способствующих выражению сущности и социального назначения этого государства. В структуре современной государственной деятельности возрастает роль муниципальных образований как драйверов социально-экономического, политического и культурного развития территорий, поскольку органы местного самоуправления аккумулируют в составе своих территорий существенные ресурсы и резервы для повышения темпов экономического роста, сокращения разрыва между уровнем доходов населения, формирования и реализации эффективных управленческих стратегий...» [7, с. 86].

Органы местного самоуправления в совокупности с иными формами публичной власти входят в механизм современного российского государства – совокупность элементов, содержащих материально-финансовые, организационные, правовые предпосылки для реализации функций государства.

Классификация разновидностей органов местного самоуправления приведена законодателем в ст. 2 ФЗ № 131 – сельские поселения, муниципальные районы, муниципальные округа, городские округа, городские округа с внутригородским делением, внутригородские районы, внутригородские территории городов федерального значения. Нормами федерального, регионального и местного законодательства предусмотрены полномочия (обязанности по решению вопросов различного масштаба) каждого вида органов местного самоуправления, а также различные виды сотрудничества муниципальных образований.

Ст. 14 ФЗ № 131 к числу местных задач сельских и городских органов местного самоуправления отнесен ряд направлений деятельности, носящих сугубо экономический, хозяйственный характер.

Это следующие полномочия.

I. Бюджетная политика в соответствии с п. 1 ч. 1, ч. 3 и 4 ст. 14 Закона. В экономическом смысле бюджет представляет собой финансовый план работы органов местного самоуправления на очередной финансовый год и на текущий плановый период. В данной связи финансовая обеспеченность и эффективность работы местных органов власти в соответствующем периоде напрямую зависят от качества проводимой органами местного самоуправления бюджетной политики.

II. Налоговая политика в порядке п. 2 ч. 1, ч. 3 и 4 ст. 14 Закона. Сегодня мобилизация налоговых доходов местных бюджетов является одной из государственных стратегий, поскольку успех всестороннего развития территорий напрямую связан с наличием финансовых средств в местном бюджете. В современных непростых условиях дотационных бюджетов повышение уровня собственной бюджетной обеспеченности является одной из приоритетных задач муниципальной власти.

Мобилизацией налоговых доходов называется комплекс мер, предпринимаемых руководством соответствующей территории по обеспечению полноты и своевременности оплаты налоговых платежей в бюджет.

В общей структуре консолидированного бюджета 79% составляют налоговые доходы. В соответствии с Бюджетным кодексом РФ налогами бюджета поселения, городского округа, зачисляемыми по нормативу 100%, являются земельный налог и налог на имущество физических лиц.

Следует отметить, что на фоне существующего дефицита местных бюджетов, нехватки денежных средств для решения вопросов местного значения, на сегодняшний день имеет место дисбаланс экономических интересов налогоплательщиков и фискальных интересов органов местного самоуправления уровня городского округа и сельского поселения, связанный с неэффективностью механизма установления оптимальной для сторон кадастровой стоимости земли, что приводит, с одной стороны, к необоснованно высоким суммам земельного налога, уплата которого вменяется в обязанность соответствующим собственникам земельных участков. С другой стороны, нередки случаи экономически необоснованного снижения кадастровой стоимости путем приравнивания ее к рыночной на дату оценки, в результате чего бюджеты сел и городов необоснованно теряют налоговые доходы.

Проблема усугубляется низкой фактической активностью в работе по мобилизации налогов правоприменителей-представителей государственных и муниципальных структур, не являющихся непосредственными получателями земельного налога. На финансовой мотивации к работе указанных лиц не отражается выполнение дополнительных объемов работы, связанных с дополнительным поступлением сумм налогов в местные бюджеты. Соответственно, активность и инициативность указанного персонала в процессе выполнения соответствующих должностных обязанностей остаётся посредственной.

По нашему мнению, целью процедуры налоговой мобилизации является практическое увеличение сумм земельного налога, поступающих в местные бюджеты (существенным преимуществом метода является то, что мероприятия не связаны с увеличением налоговых ставок и иными изменениями элементов состава налога, отягчающими налоговое бремя, а основаны на технике эффективного комплексного использования информации, имеющейся в государственных регистрах).

Мобилизация осуществляется органами местного самоуправления поселенческого и городского уровня как непосредственными получателями земельного налога и налога на имущество физических лиц, интеграторами соответствующей информации налоговых

органов, а также органов Росреестра. Она предполагает выявление и создание дополнительных объектов налогообложения при инвентаризации муниципальных территорий, выявление несоответствий в размерах кадастровой стоимости земельных участков, установленной нормативно-правовыми актами, размерам фактической кадастровой стоимости земельных участков, за счет чего необоснованно снижается размер налоговой базы и сумма земельного налога, устранение данных несоответствий.

Кроме того, технология мобилизации предполагает совершенствование существующего механизма снижения кадастровой стоимости земельных участков и иных объектов недвижимости в комиссионном порядке в органах Росреестра, а также в судебном порядке. Суть подхода состоит в обеспечении обязательного участия заинтересованных лиц при комиссионном рассмотрении соответствующих заявлений налогоплательщиков в органах Росреестра, а также в суде, с целью детального анализа представленных доказательств к снижению кадастровой стоимости (отчетов оценщиков и заключений судебных оценочных экспертиз) для принятия объективных решений с соблюдением и прав налогоплательщиков, и фискальных интересов органов местного самоуправления.

III. Работа с муниципальным имуществом во исполнение п. 3 ч. 1, ч. 3 и 4 ст. 14 Закона. Наличие имущества в собственности является важнейшей составляющей успешной работы органов местного самоуправления.

Ст. 50 ФЗ 131 определен перечень видов имущественных прав и объектов недвижимости, которые могут входить в муниципальную казну, а также указаны их качественно-целевые характеристики.

Факты наличия в муниципальной казне имущества вразрез с требованиями закона являются основаниями для смены целевого назначения или отчуждения имущества.

При возникновении у муниципальных образований права на имущество, не соответствующее указанным требованиям, данное имущество подлежит отчуждению либо происходит смена его целевого назначения.

В целях обеспечения эффективности управления муниципальным имуществом, системности пополнения местного бюджета за счёт реализации имущества, недопущения нахождения в составе муниципальной казны непрофильного имущества, соответствующая работа на территориях должна носить постоянный, системный характер. Общий алгоритм работы по эффективному управлению муниципальным имуществом, по нашему мнению, подлежит исполнению в следующем виде:

1) определение состава муниципального имущества по данным бухгалтерского учёта, а также на основании информации регистрирующих органов – Росреестра, налоговых органов, органов нотариата, органов внутренних дел, МЧС;

2) определение перечня имущества по ст. 50 ФЗ № 131. Имущество, отвечающее соответствующим требованиям, в обязательном порядке надлежит отражать в структуре Программ социально-экономического развития муниципального образования, Алгоритмов мобилизации налоговой базы и иных документах стратегического развития территории;

3) определение перечня имущества, находящегося в составе муниципальной казны, которое не является ресурсной базой для решения вопросов местного значения, предусмотренных законом;

4) проведение инвентаризации территории муниципального образования на предмет обнаружения бесхозных, заброшенных объектов движимого и недвижимого имущества.

По нашему мнению, помимо целей управления имуществом, инвентаризация территории является универсальным средством сбора информации о процессах, происходящих в границах муниципальной территории. Её системное проведение способствует комплексному решению целого ряда задач, стоящих перед органами местного самоуправления

на современном этапе – управление проектами и процессами в сфере благоустройства, архитектуры, земельных отношений, жилищно-коммунальной сферы.

При обнаружении на территории муниципального образования движимых и недвижимых вещей, бесхозных по внешним характеристикам, необходимо провести комплекс организационно-юридических мероприятий по установлению собственника соответствующих вещей, а в случае его отсутствия – по обращению указанных вещей в муниципальную собственность. После оформления права муниципальной собственности на вещь, она либо используется в деятельности органов местного самоуправления, либо отчуждается.

5) в отношении имущества, которое не является ресурсной базой для решения вопросов местного значения, необходимо выполнить действия по его отчуждению в соответствии с требованиями законодательства.

Эффективность управления муниципальным имуществом находится в прямой связи с планомерностью и системностью реализации данного алгоритма на территории каждого муниципального образования.

По нашему мнению, для повышения эффективности управленческого воздействия, а также для единства правоприменительной практики в соответствующей сфере, является целесообразным закрепление указанного алгоритма действий органов местного самоуправления по управлению муниципальным имуществом в виде муниципальных нормативных правовых актов с их последующим исполнением в установленные сроки. Инициатором окончательной разработки и принятия указанных документов могли бы стать как сами представительные органы местного самоуправления, так и органы прокуратуры в рамках общего надзора в порядке ст. 9 ФЗ «О прокуратуре РФ».

IV. Создание условий для развития сельхозтоваропроизводства, развития предпринимательства, в порядке п. 28 ч. 1, ч. 3 и 4 ст. 14 Закона.

V. Инвентаризация объектов недвижимости, расположенных на территории муниципального образования, с целью выявления их собственников с последующим направлением информации в органы Росреестра для внесения в ЕГРН и последующего начисления имущественных налогов в соответствии с п. 40 ч. 1, ч. 3 и 4 ст. 14 Закона.

Таким образом, правовая регламентация деятельности современного муниципального сообщества в России предполагает наличие нескольких видов органов местного самоуправления с широким кругом полномочий в сфере экономической деятельности, а также с большим спектром направлений юридической ответственности. Для повышения эффективности управленческого воздействия, а также для единства правоприменительной практики при исполнении ряда полномочий, например, по управлению муниципальным имуществом, на наш взгляд, необходимо закрепление в муниципальных правовых актах единых алгоритмов решения соответствующих вопросов местного значения.

От эффективности и системности проведения этой работы напрямую зависит степень финансовой самодостаточности и успешность муниципальной управленческой деятельности в целом.

Список источников

1. Балыхин А. Г. Эффективность деятельности органов местного самоуправления как институтов власти в оценке гражданского населения // Вестник науки Сибири. 2012. № 3(4). С. 210–215.
2. Чаннов С. Е., Липатов Э. Г. Разграничение предметов ведения и полномочий в Российской Федерации как конституционная форма выбора федеральным центром экономического поведения: проблемы реформирования. Саратов: Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС, 2021. 144 с.
3. Петраев А. В., Клышникова К. Е. Формирование комфортной городской среды как фактор развития социума // Власть и общество : Сборник статей и материалов XXI Региональной научно-практической конференции с международным участием, Астрахань, 01–31 октября 2022 года / Отв. редактор П.А. Бабошкина. Астрахань: ИП Забродина Н.В., 2022. С. 42–45.

4. Рубеко Г. Л., Бадма-Горяев О. Ю., Чонаев А. С., Эрендженев М. Б. Стадия возбуждения уголовного дела: характеристика новелл законодательства // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4(167). С. 329–331.

5. Стульникова О. В. Проблема наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 1(33). С. 44–51.

6. Алексеев О. Б., Генисаретский О. И., Щедровицкий П. Г. Муниципальная повестка дня: местное самоуправление в структуре российской государственности // Полития. 1998. № 4 (10).

7. Балаев С. А., Мамонов Т. А. Роль органов местного самоуправления в повышении эффективности механизма современного государства (на примере Астраханской области) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 6 (133). С. 86–88.

References

1. Balykhin A. G. The effectiveness of the activities of local self-government bodies as institutions of power in assessing the civilian population. *Bulletin of Science of Siberia*. 2012;3(4):210–215. (In Russ.)

2. Channov S. E., Lipatov E. G. *Differentiation of subjects of competence and powers in the Russian Federation as a constitutional form of choice by the federal Center for economic behavior: problems of reform*. Saratov; 2021. 144 p. (In Russ.)

3. Petraev A. V., Klyshnikova K. E. Formation of a comfortable urban environment as a factor in the development of society. In: *Power and society : Collection of articles and materials of the XXI Regional scientific and practical conference with international participation*, Astrakhan, October 01-31, 2022. P.A. Baboshkina (ed.). Astrakhan; 2022:42–45. (In Russ.)

4. Rubeko G. L., Badma-Goryaev O. Yu., Chonaev A. S., Erendzhenov M. B. The stage of initiation of a criminal case: characteristics of legislative novelties. *Eurasian Law Journal*. 2022;4(167):329–331. (In Russ.)

5. Stulnikova O. V. The problem of granting local self-government bodies with separate state powers. *News of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences*. 2015;1(33):44–51. (In Russ.)

6. Alekseev O. B., Genisaretsky O. I., Shchedrovitsky P. G. Municipal agenda: local self-government in the structure of Russian statehood. *Politiya*. 1998;4(10). (In Russ.)

7. Balaev S. A., Mamonov T. A. The role of local governments in improving the effectiveness of the mechanism of the modern state (on the example of the Astrakhan region). *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2021;6(133):86–88. (In Russ.)

Информация об авторе

С. А. Балаев – кандидат юридических наук, эксперт научно-экспертного центра Астраханского филиала РАНХиГС.

Information about the author

S. A. Balaev – Cand. Sci. (Law), expert of the Scientific and Expert Center of Astrakhan branch of RANEPa.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 24.04.2024.

The article was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 23.04.2024; accepted for publication 24.04.2024.

Трансформация традиционных ценностей в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации

Эльвира Владимировна Малиненко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
malinenko-ev@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6467-4010>

Аннотация. В статье определена специфика традиционных ценностей, способствующих эффективности правового регулирования конституций и уставов субъектов Российской Федерации. Анализируя указанные акты, автор не только обозначает традиционные ценности, но и отмечает их значимость. Такой комплексный анализ позволяет прийти к выводу о том, что в исследуемых актах недостаточно четко отражены традиционные ценности, которые являются неотъемлемым постулатом современного общества. В работе отмечается необходимость разработки оптимальной модели конституции (устава) субъекта Российской Федерации, включающей правовые нормы, регулирующие традиционные ценности. Создание такой модели позволяет обозначить традиционные ценности в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации, а в государственно-правовой практике – повысить эффективность правового регулирования.

Ключевые слова: гарантии, государство, конституция республики, Конституция Российской Федерации, механизм защиты, нравственность, патриотизм, права и свободы человека и гражданина, субъект Российской Федерации, традиционные ценности, труд, устав

Для цитирования: Малиненко Э. В. Трансформация традиционных ценностей в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 90–95. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-90-95>. EDN ZRFPCB

Problems of Constitutional, Administrative and International Law

Original article

Transformation of traditional values in Constitutions and charters of the subjects of the Russian Federation

Elvira V. Malinenko

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia,
malinenko-ev@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6467-4010>

Abstract. The article identifies the specificity of traditional values contributing to the effectiveness of legal regulation of constitutions and charters of subjects of the Russian Federation. Analyzing these acts, the author not only denotes traditional values, but also notes their significance. That comprehensive analysis had led to the conclusion that the instruments studied did not sufficiently reflect traditional values, which were an integral part of modern society. The paper notes the need to develop an optimal

model of the constitution (statute) of the subject of the Russian Federation, including legal norms governing traditional values. The creation of such a model makes it possible to identify traditional values in the constitutions and charters of the constituent entities of the Russian Federation, and in State legal practice to increase the effectiveness of legal regulation.

Keywords: the state, the Constitution of the Russian Federation, the subject of the Russian Federation, the Constitution of the republic, the charter, traditional values, human and civil rights and freedoms, guarantees, protection mechanism, labor, morality, patriotism

For citation: Malinenko E. V. Transformation of traditional values in Constitutions and charters of the subjects of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):90–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-90-95>. EDN ZRFPCB

В различные исторические периоды в России были сформированы национальное наследие многовековой культуры, традиции, обычаи, ценности. Они выполняют важную роль в укреплении национальной безопасности, формируют основу морали, этики, образа жизни населения, культуры, нравственности, духовности. Ценности стали неотъемлемым постулатом Российского государства. Понятие «традиционные ценности» в правовом пространстве появилось в двадцатом веке. Его законодательное закрепление приобрело актуальный характер и особую значимость в ряде нормативно-правовых актов¹ в российской правовой системе. На законодательном уровне понятие «традиционные ценности» отождествлено с нравственными ориентирами, связанными с моралью, милосердием, коллективизмом, историческим наследием, культурным развитием и иными составляющими².

Правовой основой для реализации 17 традиционных ценностей является Российская Конституция. Традиционные ценности – это не только неотъемлемый постулат современного общества. Для каждого человека в России свойственны высокие нравственные идеалы, любовь к Родине, служение Отчизне, патриотизм, семейные ценности, уважение к старшему поколению. Человек, являясь высшей ценностью государства, стремится достичь и сформировать свое собственное мировоззрение, передать высокие нравственные идеалы следующему поколению и жить, и работать на благо Родины. Преемственность поколений способствует развитию самобытности многонационального народа в нескольких направлениях: историческом, духовном и культурном.

Пройдя исторический путь развития, Россия, в составе которой 89 субъектов Федерации, выработала стремление к единству многонационального народа, взаимопомощи и уважению.

В научной литературе имеются различные точки зрения по данному предмету.

Н. С. Конева дает подробную характеристику конституционализации традиционных ценностей как основы взаимодействия государства и общества. Однако нельзя согласиться с ее мнением: «включение в Конституцию таких категорий, с одной стороны, усиливает идеологические, воспитательные качества конституционного акта, с другой – может

¹ Конституция Российской Федерации; Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 53; Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»// Собрание законодательства РФ. 14.11.2022. № 46. Ст. 7977; Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации»//Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

² П. 4 Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»// Собрание законодательства РФ. 14.11.2022. № 46. Ст. 7977.

наносить ущерб его юридическим свойствам как нормативного акта» [1, с. 17–19]. Неукоснительное соблюдение на федеральном уровне конституционных норм в сочетании с конституционными (уставными) нормами на региональном уровне позволит усилить юридические свойства национальной конституции. Как итог – формирование человека и гражданина высокого нравственного и идейного уровня. В помощь решению проблемы – конституции и уставы субъектов РФ, закрепляющие полный спектр традиционных ценностей либо отдельные. Г. Д. Садовникова, проводя анализ приоритетов традиционных ценностей, отмечает, что только те цели, принципы и приоритеты, которые основываются на традиционных ценностях, будут обеспечиваться народной поддержкой и смогут стать реальными перспективами конституционного развития [2, с. 45–53]. Проблемы укрепления традиционных ценностей возникают именно в связи с отсутствием данных норм в исследуемых актах.

Семья как ячейка государства и общества по праву отмечена как традиционная ценность. Это мнение разделяют Т. Ю. Астапова [3, с. 2–4], С. В. Масленникова и М. В. Матвеева [4, с. 23–29], М. С. Пермиловский [5, с. 20–24]. По мнению Т. Ю. Астаповой, в целях сохранения традиционных семейных ценностей на современном этапе государство усиливает их присутствие в законодательных нормах [3, с. 2–4].

М. С. Пермиловский предлагает официально включить конституционный контроль в систему защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей для адаптации законодательства и правоприменения к возникающим гибридным угрозам [5, с. 20–24]. Принимая во внимание его мнение, нам представляется данный подход проблематичным. Как полагаем, конституционный контроль не сможет, в полной мере, повлиять на собственное правовое регулирование в субъектах РФ. Это обозначено прежде всего отсутствием полномочий к принуждению принятия тех или иных актов органами государственной власти субъектов РФ.

В настоящее время актуально внесение поправок, регулирующих традиционные ценности не только в национальную Конституцию, но и исследуемые акты. Уважение труда граждан и обеспечение защиты их прав, гарантия минимального размера оплаты труда провозглашены в ч. 3 и ч.4 ст. 40 Конституции Республики Башкортостан. В республике Саха (Якутия) под защитой государства находится институт детства, но не отмечены социально незащищенные группы, такие как пенсионеры и инвалиды.

Институт семьи и брака является важнейшим институтом гражданского общества. В Башкортостане республиканский законодатель признает добровольное согласие и равноправие супругов¹. В ч. 1 ст. 42 Конституции Республики Башкортостан определено, что семья, институт брака как союз мужчины и женщины, материнство, детство, отцовство, инвалиды, пожилые граждане находятся под защитой Республики².

Иной подход предлагается в ч. 1. ст. 11 Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия). В данном акте определены важные постулаты: добровольность брака между женщиной и мужчиной, гарантии защиты и охраны здоровья членов семьи³.

Понятие «семья» не только рассматривается относительно определенной группы людей, но и всего народа, не зря звучит призыв «Мы вместе». Не один человек не остается без внимания и помощи государства. Человеческий потенциал ориентирован на достижение высоких результатов в укреплении российской государственности. В национальной Конституции закреплён институт прав и свобод человека и гражданина с обеспечением механизма

¹ Конституция Республики Башкортостан от 24.12.1993 № ВС-22/15 «Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан». 2003. N 1(157), ст. 3.

² Там же.

³ Ч. 1 ст. 11 Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия) // Сборник законов Республики Саха (Якутия) за 1992 год. Ст. 90.

защиты и гарантий. Каждому гарантированы права, свободы и обязанности. В конституциях и уставах субъектов Российской Федерации предоставлены дополнительные гарантии населению. Как правило, социальные выплаты различны в зависимости от места регистрации.

Важнейшие приоритеты государственной политики отмечены в ч. 3 ст. 2 Конституции Республики Бурятия. В республике созданы условия для всестороннего комплексного развития детей. Особое внимание уделено культурно-духовным ценностям, интеллектуальному и физическому развитию детей¹.

В современный период идея патриотизма проходит сквозь призму конституций и уставов субъектов Российской Федерации. Концепция патриотизма берет свое начало в государственной конституции, ассоциируясь в преамбуле [6, с. 85–86]. Обращаясь к конституционным нормам ч. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации, мы разделяем государственную политику в области создания условий, способствующих воспитанию детей в духе патриотизма. Высокие идеалы отождествляются в конституциях и уставах субъектов России. В Брянской области в сферах воспитания, образования, науки и культуры политика строится на основе :а) единства образовательной системы, образовательного пространства Брянской области; б) патриотизма, гуманизма и социальной справедливости; в) создания условий для сохранения и развития культуры различных социальных групп, проживающих на территории Брянской области, самобытной народной культуры².

Воспитание патриотизма в семье, образовательных учреждениях является неотъемлемым условием гражданского общества. В соответствии с ч. 2 ст. 90 Устава (Основного Закона) Амурской области труд по воспитанию детей приравнивается ко всякому другому труду³. В некоторых субъектах интерес к отдельным традиционным ценностям определен через внесение обязанности заботиться о сохранении исторического и культурного наследия⁴.

Анализируя конституции и уставы субъектов Российской Федерации, среди многочисленных аспектов следует выделить такие традиционные ценности, как патриотизм, нравственность, воспитание. Правовые нормы, содержащиеся в исследуемых актах по данной проблематике, можно классифицировать по следующим направлениям: 1) уважение к отечеству; 2) гражданственность; 3) патриотизм; 4) права и свободы; 5) духовность; 6) исторические традиции субъекта Российской Федерации; 7) справедливость. С этой целью представляется важным внесение поправок в исследуемые акты по различным направлениям данной проблематики.

В субъектах РФ созданы условия для полноценного воспитания современного поколения молодежи. Выполняя свои полномочия, связанные с интеллектуальным, культурным и профессиональным развитием населения, как отмечено в ч. 1 ст. 93 Устава Амурской области, органы государственной власти и местного самоуправления создают и поддерживают организации образования, науки и культуры⁵. В соответствии с ч. 2 ст. 43 Конституции Республики Дагестан гражданам предоставлен доступ к культурным ценностям⁶. Аналогичная

¹ Конституция Республики Бурятия (принята Верховным Советом РБ 22.02.1994) (ред. от 29.04.2022) Бурятия. № 43. 09.03.1994.

² Устав Брянской области от 20.12.2012 №91-3 (ред. от 26.09.2022) // Информационный бюллетень «Официальная Брянщина». № 20. 21.12.2012.

³ Закон Амурской области от 13.12.1995 №40-03 (ред. от 14.12.2023) «Устав (Основной Закон) Амурской области» // Амурская правда. № 295-296, 20.12.1995.

⁴ Ч.3 ст. 43 Конституции Республики Ингушетия (принята всенародным голосованием 27.02.1994) (ред. от 28.12.2022). Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 23.12.2021.

⁵ Закон Амурской области от 13.12.1995 №40-03 (ред. от 14.12.2023) «Устав (Основной Закон) Амурской области» Амурская правда. № 295-296, 20.12.1995.

⁶ Конституция Республики Дагестан (принята Конституционным Собранием 10.07.2003) (ред. от 29.05.2023) // Собрание законодательства Республики Дагестан. 31.07.2003. № 7. Ст. 503.

норма имеет место в ч. 2 ст. 43 Конституции Республики Ингушетия¹. В Республике Бурятия органы государственной власти и местного самоуправления способствуют воспитанию патриотизма, гражданственности и уважения к старшим².

Актуальность конституций и уставов субъектов Федерации как актов, реализующих традиционные ценности, позволяет внедрить новые аспекты демократии, повышения благосостояния населения, нравственных ценностей, искусственного интеллекта, цифровизации государственного управления и власти. Все это, безусловно, положительно влияет на развитие субъектов РФ, федеральных территорий, агломераций, стабилизацию демографической политики, улучшение правового положения человека и гражданина. В современный период проблематика исследуемых актов не снижается, а наоборот, становится более значимой и ощутимой. Правовые нормы, содержащиеся в них, порождают многообразие условий для усиления патриотизма населения в Российской Федерации. Это происходит прежде всего в целях политического, социально-экономического, культурно-духовного и хозяйственного развития субъекта Российской Федерации в отдельности, государства и общества в целом. Получение положительных результатов в конституционно-правовой науке послужит формированию духовно-нравственных основ, идей гражданственности, преемственности традиций и практики применения конституций и уставов субъектов в патриотическом направлении.

Внесение поправок в указанные акты позволяет отметить эффективность правового регулирования, с одной стороны, а с другой стороны, – повысить мировоззренческий уровень населения, обогатить институты гражданского общества, увеличить уровень обеспечения безопасности личности и национальной безопасности в целом.

В науке конституционного права основной проблемой выступает отсутствие оптимальной модели конституции (устава) субъекта РФ. Создание такой модели позволило бы обозначить традиционные ценности в конституциях и уставах субъектов РФ, а в государственно-правовой практике – повысить эффективность правового регулирования.

Список источников

1. Конева Н.С. Конституционализация традиционных ценностей: диалог общества и государства // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 17–19.
2. Садовникова Г. Д. 30 лет Конституции Российской Федерации: традиционные ценности и новые приоритеты // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 10. С. 45–53.
3. Астапова Т. Ю. Традиционные семейные ценности как направление совершенствования семейного законодательства // Семейное и жилищное право. 2023. № 3. С. 2–4.
4. Масленникова С. В., Матвеева М. В. Традиционные семейные ценности: конституционно-правовая категория // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 12. С. 23–29.
5. Пермиловский М. С. Традиционные российские духовно-нравственные ценности и российские конституционные ценности: догматическое соотношение // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 11. С. 20–24.
6. Малиненко Э. В. К вопросу о конституциях и уставах субъектов Российской Федерации как актах патриотизма и нравственности // Материалы научно-практической конференции с международным участием «Патриотизм в современной России в условиях роста угроз национальной безопасности». Ростов-на-Дону, 17-20 февраля 2023 г. С. 185-186.

¹ Конституция Республики Ингушетия (принята всенародным голосованием 27.02.1994) (ред. от 28.12.2022)

² Конституция Республики Бурятия (принята Верховным Советом РБ 22.02.1994) (ред. от 29.04.2022) Бурятия. № 43. 09.03.1994.

References

1. Koneva N. S. Constitutionalization of traditional values: a dialogue between society and the state. *Constitutional and municipal law*. 2023;(12):17–19. (In Russ.)
2. Sadovnikova G. D. 30 years of the Constitution of the Russian Federation: traditional values and new priorities. *Current problems of Russian law*. 2023;(10):45–53. (In Russ.)
3. Astapova T. Y. Traditional family values as a direction for improving family legislation. *Family and Housing law*. 2023;(3):2–4. (In Russ.)
4. Maslennikova S. V., Matveeva M. V. Traditional family values: constitutional and legal category. *Constitutional and municipal law*. 2020;(12):23–29. (In Russ.)
5. Permilovsky M. S. Traditional Russian spiritual and moral values and Russian constitutional values: a dogmatic relationship. *State power and local self-government*. 2023;(11):20–24. (In Russ.)
6. Malinenko E.V. On the issue of constitutions and charters of the subjects of the Russian Federation as acts of patriotism and morality. In: *Materials of the scientific and practical conference with international participation "Patriotism in modern Russia in the context of growing threats to national security"*. Rostov-on-Don, February 17-20, 2023, pp.185-186. (In Russ.)

Информация об авторе

Э. В. Малиненко –кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

E. V. Malinenko – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 24.04.2024.

The article was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 23.04.2024; accepted for publication 24.04.2024.

Взаимодействие института автономии воли сторон с комплексом норм «lex mercatoria» при регулировании контрактных отношений, осложненных иностранным элементом

Юрий Михайлович Москвитин

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия,
mister.moskvitin@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса взаимосвязи института автономии воли сторон с комплексом норм «lex mercatoria» при регулировании трансграничных контрактных отношений. Актуальность темы исследования обусловлена ростом значимости автономии воли сторон в международном частном праве, расширением ее предметной сферы, а также востребованности lex mercatoria как источника международного частного права при регулировании различных групп предпринимательских отношений, в том числе в области киберпространства. Новизна исследования заключается в выявлении связи между явлениями из разных плоскостей: автономии воли сторон, затрагивающей коллизионный аспект международного частного права и lex mercatoria, выражающий материально-правовую составляющую. Цель исследования – показать взаимную обусловленность тенденций развития автономии воли сторон и lex mercatoria как ключевых категорий современного международного контрактного права. Методология исследования направлена на познание сути рассматриваемых правовых категорий (феноменологическая методология), анализ законодательства, судебной практики и доктрины (герменевтическая методология) с учетом опыта различных законодателей (сравнительно-правовой метод). В результате определено, что тенденция к дозволению сторонам выбрать право обуславливает активное применение негосударственного регулирования – комплекса норм lex mercatoria, в особенности в областях, в которых отсутствуют детальные нормы национальных законодательств.

Ключевые слова: автономия воли, выбор права, комплексом норм «lex mercatoria», международное торговое право, международное частное право, правовой режим

Для цитирования: Москвитин Ю. М. Взаимодействие института автономии воли сторон с комплексом норм «lex mercatoria» при регулировании контрактных отношений, осложненных иностранным элементом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 96–108. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-96-108>. EDN ZTHCSR

Problems of Constitutional, Administrative and International Law

Original article

Interaction of the institute of party autonomy with the set of rules «lex mercatoria» in the regulation of contractual relations complicated by foreign element

Yuriy M. Moskvitin

Peoples' friendship university of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia,
mister.moskvitin@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the relationship between the institution of party autonomy and the set of norms “lex mercatoria” in the regulation of cross-border contractual relations. The relevance of the research topic is based on the growing importance of the party autonomy in private international

law, the expansion of its subject area, as well as the demand for lex mercatoria as a source of private international law, which regulates various groups of business relations, including in the field of cyberspace. The novelty of the study lies in identifying the connection between phenomena from different planes: party autonomy, which affects the conflict of laws aspect of private international law, and lex mercatoria, expressing the substantive component. The aim of the study is to show the mutual dependence of trends in the development of the party autonomy and lex mercatoria, as key categories of modern international contract law. The research methodology is aimed at understanding the essence of the legal categories under consideration (phenomenological methodology), analysis of legislation, judicial practice and doctrine (hermeneutic methodology) taking into account the experience of various legislators (comparative legal method). As a result, it was determined that the tendency to allow the parties to choose the law determines the active use of non-state regulation – a set of norms lex mercatoria, especially in areas in which there are no detailed norms of national legislation.

Keywords: party autonomy, choice of law, complex rules «lex mercatoria», international trade law, international private law, legal regime

For citation: Moskvitin Yu. M. Interaction of the institute of party autonomy with the set of rules «lex mercatoria» in the regulation of contractual relations complicated by foreign element. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):96–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-96-108>. EDN ZTHCSR

Введение

В эпоху глобализации, продолжающуюся в настоящее время, особое значение приобретает международный гражданский оборот и, следовательно, возрастает роль международного частного права, как регулятора частных отношений, осложненных иностранным элементом. Трансграничный характер становится свойственен для различных групп отношений, от контрактных и деликтных до семейных и наследственных. В таких условиях, учитывая возможность неопределенности правового статуса субъектов, а также потенциальный конфликт юрисдикций, претендующих на регулирование одних и тех же отношений, участники гражданского оборота становятся заинтересованы в том, чтобы самим определять применимое к конкретным отношениям право. Соответственно, автономия воли сторон, позволяющая выбрать наиболее комфортный правовой режим, и lex mercatoria, представляющий собой одно из наиболее гибких и отвечающих современным запросам участником гражданского оборота регулирование, становятся критически важны для международного частного права.

Цель настоящего исследования: изучить взаимосвязь lex mercatoria и автономии воли как категорий международного частного права. Для достижения обозначенной цели необходимо проанализировать автономию воли сторон, как фактор применения норм lex mercatoria, особенности lex mercatoria, как категории международного частного права, современный этап развития lex mercatoria и его применение в области отношений, складывающихся в сети Интернет. Предметом исследования является законодательство Российской Федерации и зарубежных стран, комплекс норм lex mercatoria, правоприменительная практика по рассматриваемым вопросам. Объектом исследования выступает институт автономии воли сторон, а также комплекс норм lex mercatoria. В целях успешного проведения исследования представляется необходимым применение феноменологической, формально-логической, герменевтической методологий. Отдельное внимание следует уделить сравнительно-правовому методу, на базе которого будет производиться анализ существующих подходов к рассматриваемой проблеме.

Автономия воли сторон – основание применения норм lex mercatoria

Автономия воли сторон – институт международного частного права, возрастающее значение которого в современном мире отмечают многие исследователи [1]. Lex voluntatis – наиболее востребованная коллизионная привязка при регулировании договорных отношений, осложненных иностранным элементом. Однако закон автономии воли не является эксклюзивной привязкой для контрактных отношений: исследователи отмечают активное внедрение

данного регулятор в иные сферы международного частного права [2]. Так, например, соответствующие нормы об автономии воли содержатся как в национальных законодательствах (например, ст. 49 Кодекса международного частного права Бельгии от 16 июля 2004 г.¹, ст. 4 Закона Польши от 4 февраля 2011 г. о международном частном праве², §3 Закона Китайской народной республики от 28 октября 2010 г. о применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям³, ст. 2651 Гражданского и торгового кодекса Аргентины от 8 октября 2014 г.⁴, ст. 58 Закона Доминиканской республики от 15 октября 2014 г. о международном частном праве⁵), так и в актах наднационального регулирования: в Регламенте № 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» (Рим I)⁶, Регламент № 864/2007 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» (Рим II)⁷ и т.д.

Отдельно следует отметить, что в приведенных правовых актах предметом регулирования является не только договорные отношения, но и другие сферы международного частного права. Так, Регламент Рим II сфокусирован на регулировании деликтных отношений, ст. 49 кодекса международного частного права Бельгии регулирует вопросы режима супружеской собственности, а § 38 упомянутого Закона КНР содержит норму о возможности применения закона автономии воли для определения правового статуса вещей в пути. Таким образом, значение автономии воли сторон для современного международного частного права не может ставиться под сомнение.

Представляется необходимым отдельно оговорить, что автономия воли не является абсолютной, у нее есть определенные ограничения. Так, S. Simeonides артикулирует конкуренцию трех правопорядков за регулирование конкретных отношений: *lex causae*, *lex fori* и *lex voluntatis* [3, с. 252–259]. Применительно к выбранному праву имеет место ряд оговорки о том, что выбранный закон не будет применяться в той степени, в которой его применение

¹ Кодекс международного частного права Бельгии от 16 июля 2004 г. // Проектная группа «Современная конструкция международного частного права». URL: <https://pravo.hse.ru/data/2024/04/01/2145327474/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%91%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B8%D0%B8%20%D1%80%D0%B5%D0%B4.2022.pdf> (Дата обращения: 25.05.2024).

² Закон о международном частном праве Польши от 4 февраля 2011 г. // Проектная группа «Современная конструкция международного частного права». URL: [https://pravo.hse.ru/data/2019/02/04/1205137962/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%20%D0%BE%20%D0%9C%D0%A7%D0%9F%20%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B8%202011%20\(%D1%80%D1%83%D1%81.\)%20%D1%80%D0%B5%D0%B4.2015.pdf](https://pravo.hse.ru/data/2019/02/04/1205137962/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%20%D0%BE%20%D0%9C%D0%A7%D0%9F%20%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B8%202011%20(%D1%80%D1%83%D1%81.)%20%D1%80%D0%B5%D0%B4.2015.pdf) (Дата обращения: 03.03.2024).

³ Закон Китайской Народной Республики о применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям 28 октября 2010 г. // Проектная группа «Современная конструкция международного частного права». URL: <https://pravo.hse.ru/data/2015/11/16/1081085258/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%202010.pdf> (Дата обращения: 25.05.2024).

⁴ Гражданский и торговый кодекс Аргентины от 8 октября 2014 г. // Проектная группа «Современная конструкция международного частного права». URL: <https://pravo.hse.ru/data/2017/12/13/1160236054/%D0%90%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B0%202014.pdf> (Дата обращения: 25.05.2024).

⁵ Закон Доминиканской республики от 15 октября 2014 г. о международном частном праве // Проектная группа «Современная конструкция международного частного права». URL: <https://pravo.hse.ru/data/2019/02/10/1207361788/%D0%94%D0%BE%D0%BC.%20%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF.%20%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%20%D0%BE%20%D0%9C%D0%A7%D0%9F.pdf> (Дата обращения: 25.05.2024).

⁶ Регламент № 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»)» (Принят в г. Страсбурге 17.06.2008) // СПС КонсультантПлюс.

⁷ Регламент № 864/2007 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» (Принят в г. Страсбурге 11.07.2007) // СПС КонсультантПлюс.

будет противоречить установленному фундаментальному порядку в соответствии с привязкой *lex causae* [3, с. 255]. В свою очередь это ограничение имеет два конкретных проявления: нельзя потребовать от стороны совершить действие, которое запрещено в месте исполнения, или запретить стороне совершать действия, которые требуется совершить в месте исполнения [3, с. 254]. Приведенная формула несколько отличается от распространенного в российской доктрине подхода с выделением публичного порядка позитивном и негативном понимании, однако в сути своей изложенная точка зрения S. Simeonides выражает тот же самый тезис: недопустимость нарушения императивного регулирования правопорядка, имеющего реальную связь с отношениями. Тем не менее, изложение запрета на нарушение сверхимперативных норм и необходимость соответствия публичному порядку представляется более корректной формулировкой, в сравнении с вышерассмотренной, поскольку имеет место конкретное указание на то, что основы регулирования могут быть как прямо выражены в отдельных нормах, так и подспудно содержаться в основах правопорядка в целом.

В более поздней работе S. Simeonides систематизировал более полно все ограничения автономии воли и подразделил их на следующие категории [4, с. 142–145]:

- Публичный порядок закона страны суда;
- Сверхимперативные нормы закона страны суда;
- Публичный порядок закона существа отношений;
- «Простые» императивные нормы¹.

Приведенный перечень представляется наиболее полным отражением существующих ограничений, однако необходимо оговорить, что «простые» императивные нормы могут быть релевантны не в каждом деле, поскольку они проявляются только в ряде случаев с учетом специфики регулируемых отношений.

Далее представляется необходимым оговориться о возможности выбора, при помощи автономии воли сторон, норм, имеющих негосударственное происхождение. Необходимо понимать, что существует два подхода к применимости данных норм: признание их в качестве применимого права или необходимость инкорпорации в текст договора. Ряд законодательств поддерживает первый обозначенный подход: ст. 4-5 закона Парагвая от 15 января 2015 г. о праве, применимом к международным контрактам прямо указывают на то, что под термином «право» понимается не только национальное законодательство², а в ст. 4 Закона Бахрейна от 2015 года № (6) «О коллизиях законов в гражданских и коммерческих делах с иностранным элементом» указывается, что в качестве применимого по выбору сторон права может быть использовано международное торговое право³. Соответственно, имеет место возможность выбора *lex mercatoria* в качестве применимого права. В то же время, преамбула

¹ Прим. автора: в качестве примера служат потребительские или трудовые договоры, в которых стороны выбрали право государства, отличного от закона существа отношений. В этих договорах выбор сторонами другого права не может лишать потребителя или работника правовой защиты, предоставляемой простыми императивными нормами *lex causae*.

² Закон Парагвая от 15 января 2015 г. о праве, применимом к международным контрактам //

Проектная группа «Современная конструкция международного частного права». URL:

https://pravo.hse.ru/data/2021/02/28/1395775897/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B3%D0%B2%D0%B0%D0%B9_%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%20%D0%BE%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B5,%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%BC%20%D0%BA%20%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%BC%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B0%D0%BC_%D1%80%D1%83%D1%81.pdf (Дата обращения: 25.05.2024).

³ Закон Бахрейна от 2015 года № (6) «О коллизиях законов в гражданских и коммерческих делах с иностранным элементом» // Проектная группа «Современная конструкция международного частного права». URL:

<https://pravo.hse.ru/data/2022/03/28/1795802810/%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%20%D0%BE%20%D0%9C%D0%A7%D0%9F%20%D0%91%D0%B0%D1%85%D1%80%D0%B5%D0%B9%D0%BD%D0%B0%202015.pdf> (Дата обращения: 20.03.2024).

Регламента Рим I содержит положение о том, что регламент не запрещает сторонам включать в свой договор путем ссылки негосударственный свод законов или международную конвенцию¹. Следовательно, право ЕС не допускает возможности выбора в качестве применимого права, норм *lex mercatoria*, а требует их включения в текст соглашения. Представляется, что первый изложенный подход является более прогрессивным и именно он будет наиболее востребован в недалеком будущем. Исследователи констатируют все возрастающую роль участников предпринимательских отношений в контексте создания новых норм международного частного права [5, с. 15], а негосударственные нормы приобретают все большее значение в регулировании частных отношений, в особенности связанных с использованием сети «Интернет» [6, с. 265]. Существующие механизмы рыночной экономики явным образом сигнализируют о востребованности данного регулирования. *Lex mercatoria* и другие нормы, не являющиеся продуктом государственного нормотворчества, сравнительно давно были признаны источником международного частного права в правовой доктрине. При подобном стечении обстоятельств мыслится концептуально неправильным не рассматривать подобные комплексы нормы как применимое право только на том основании, что они имеют негосударственное происхождение.

Отдельно представляется необходимым рассмотреть вопросы автономии воли и возможности выбора негосударственных норм в качестве применимого права в России. Законодатель закрепляет возможность сторон выбрать применимое к их отношениям право. Так, п.1 ст. 1210 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) провозглашает, что стороны договора могут при заключении договора или в последующем выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору². Ключевым в данном понятии представляется наполнение термина «право», поскольку Верховный суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) в п. 32 Постановления Пленума от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» указал, что Стороны договора могут осуществить как выбор нейтрального права, так и выбрать документы, содержащие правила, рекомендованные участникам оборота международными организациями или объединениями государств (например, Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, Европейские принципы договорного права, Модельные правила европейского частного права)³. То есть, ВС РФ поддерживает подход к расширительному толкованию термина «право».

В отечественной правовой доктрине существовала противоположная точка зрения: например, И. С. Зыкин и А. С. Комаров выражали точку зрения, что выбор сторон должен укладываться в категорию «право», а не вступившие в силу международные конвенции, типовые законы и т.п. не могут рассматриваться как выбор применимого права, однако могут быть квалифицированы в качестве инкорпорированных сторонами условий договора [7, с. 426; 8, с. 127]. Представляется, что подобное толкование является верным с точки зрения literalного толкования ст. 1210 ГК РФ, однако применение телеологического метода и понимание духа регулирования приводит к диаметрально противоположному ответу, что явствует из вышеприведенного постановления Пленума ВС РФ. Представляется возможным констатировать, что законодатель в данной норме отдает выбор применимого регулирования на усмотрение сторон правоотношения. Необходимо согласиться с точкой зрения, изложенной в постановлении пленума ВС РФ о том, что ограничивать регулирование правом в узком смысле

¹ Регламент № 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»)» (Принят в г. Страсбурге 17.06.2008) // СПС КонсультантПлюс.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): федер. закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 03.12.2001, № 49, ст. 4552.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. № 154. 17.07.2019.

представляется неверным. Поскольку историческая роль источников права, не являющихся актами национального законодательства, в международном частном праве очень велика, то данный акт толкования норм международного частного права наглядно демонстрирует российским юристам, что не только от государства может исходить необходимое для сторон и способное обеспечить стабильность и устойчивость гражданского оборота регулирование.

Lex mercatoria как категория международного частного права

В контексте дальнейшего анализа представляется необходимым рассмотреть отдельно особенности lex mercatoria как категории международного частного права. Этот комплекс норм функционировал в эпоху Средних веков, а в XX веке стал вновь востребован. Lex mercatoria представляет собой отдельный правопорядок, но с определенными оговорками: это совокупность негосударственных норм, выражающих, в том числе, определенные общие правила регулирования международного торгового оборота [9, с. 392]. Исходя из негосударственного происхождения lex mercatoria следует, что априори рассматриваемые нормы не имеют обязательной юридической силы. Кроме того, важно отметить вненациональный характер международного коммерческого права: данные нормы не являются продуктом творчества ни какого-либо национального законодателя, ни наднационального сообщества государств (как, например, право ЕС).

Необходимо отметить, что lex mercatoria представляется сложно определяемой категорией международного частного права, кристаллизовать форму которого и безапелляционно определить правовую природу в настоящий момент невозможно. Для начала анализа данной категории необходимо, как минимум, определиться с кругом источников, понять рамки lex mercatoria. Так, G. Cuniberti выделяет два подхода к определению круга источников и сущности международного коммерческого права [10, с. 380–384]:

1. Метод перечня.
2. Функциональный метод.

Первый подход может быть охарактеризован как некая попытка выделить определенный перечень актов, содержащих нормы lex mercatoria. Данная точка зрения базируется на предпосылке, что к моменту возрождения востребованности международного коммерческого права норм торговых обычаев, которые играли ключевую роль в средневековой конструкции lex mercatoria, было очевидно недостаточно для осуществления надлежащего регулирования. В таком случае необходимо расширить источников международного коммерческого права. Последователь рассмотренного подхода O. Chukwumerue выделяет следующие источники [11, с. 37–39]:

1. Общие принципы права.
2. Обычаи и обыкновения международной торговли.
3. Модельные законы.
4. Международные конвенции, как действующие, так и не вступившие в силу.
5. Арбитражные решения.
6. Стандартные формы контрактов.

Приведенный перечень представляется отражающим основные источники lex mercatoria, однако очевидным становится некоторая бессистемность и сложность составления иерархии. Если представить, что ключевым источником являются общие принципы права, то дальнейшая иерархия представляется весьма спорной. К примеру, арбитражные решения совсем неочевидно должны находиться на более низкой ступени, чем модельные законы: арбитражные решения можно признать и привести в исполнение на основании Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г., в то время как применение модельного закона самого по себе не предусмотрено.

C. Chamorro-Courtland проводит попытку составить иерархию норм современного *lex mercatoria* в следующем виде [12, с. 67-68]:

1. Фундаментальные правовые принципы (*ius cogens*), основанные на нормах о договоре, посредничестве, собственности, деликтах и реституции;
2. Обязательные обычаи или практики;
3. Обязательное единообразное договорное право;
4. Контракт;
5. Сборники обычаев и практик;
6. Сборники единых договорных правил;
7. Общие правовые принципы;
8. Внутригосударственное законодательство, основанное на коллизионных нормах.

Отличия в приведенном перечне относительно ранее рассмотренного позволяют констатировать, что исследователи рассматривают правовое явление *lex mercatoria* с разных сторон. С данной иерархией представляется возможным согласиться, однако необходимо учитывать, что она актуальна в первую очередь для отношений, связанных с ведением банковской деятельности. Так, под сборниками обычаев и практик имеются ввиду, например UCP-600 и тому подобное. Представляется, что в случае применения данной иерархии к *lex mercatoria* в целом отдельные элементы перечня могут быть нерелевантны. В дополнение к вышесказанному следует добавить, что неочевидно, является ли какой-либо из приведенных перечней исчерпывающим или могут быть и иные источники международного коммерческого права. Представляется необходимым согласиться с O. Lando, который утверждает, что *lex mercatoria* в принципе невозможно систематизировать и структурировать, поскольку количество источников продолжает расти [13, с. 111]. То есть, в перечне источников *lex mercatoria* прослеживается определенная хаотичность, а сам приведенный подход представляется неоднозначным.

Функциональный метод, в свою очередь, предлагает существенно отличный подход к источникам *lex mercatoria*. Согласно нему, международное коммерческое право следует рассматривать как метод принятия решений, а не некоторый список норм. При разрешении споров на основе *lex mercatoria* компетентному органу следует провести сравнительный анализ и оценить, как большинство национальных законов, связанных со спором, разрешат его, а затем следует применить наиболее часто встречающееся решение, учитывая тот факт, что применение нормы, общей для большинства национальных правовых норм, не станет неожиданностью для сторон спора [10, с. 383-384]. Функциональный метод решает проблему неопределенности круга источников *lex mercatoria*, однако создает куда большую проблему в виде увеличения нагрузки на орган, рассматривающий спор. Представляется неочевидным и неявным, какие правопорядки имеют достаточную связь с отношениями, чтобы быть учтенными при рассмотрении спора (стоит ли ограничиться *lex causae* и *lex fori*), чему отдавать предпочтение при отсутствии общего подхода к разрешению спора в этих правопорядках и т.п. Таким образом, с учетом проблемности обоих подходов, более последовательным представляется метод перечня источников.

Завершив рассмотрение сущностного аспекта *lex mercatoria*, необходимо перейти к вопросу причин его востребованности. Представляется необходимым согласиться с точкой зрения И.В. Гетьман-Павловой, выделяющей следующие основные преимущества данного комплекса норм в сравнении с национальными правопорядками:

- Благодаря *lex mercatoria* стороны получают возможность избрать наиболее гибкое и отвечающее их интересам регулирование в заданных рамках;
- Национальные и наднациональные правопорядки более инертны в сравнении с *lex mercatoria* и, в силу необходимости соблюдения определенной формальной процедуры, не способны столь же быстро вносить необходимые корректировки в источники регулирования

в соответствии с запросом на изменения от участников предпринимательской деятельности [14, с. 92].

Первый тезис представляется в некоторой степени неоднозначным. Безусловно, комплекс норм *lex mercatoria* существенно шире, чем любое национальное законодательство, и имеют место различные варианты при выборе регулирования. Тем не менее, если сравнить конгломерат норм международного коммерческого права с комплексом всех норм всех национальных законодательств, регулирующих осложненные иностранным элементом контрактные отношения, то проследить наличие явной качественной разницы в многообразии подходов представляется затруднительным, в особенности учитывая, что на современном этапе *lex mercatoria* в значительной степени основывается на достижениях национальных законодательств, о чем речь пойдет позднее. Второй тезис представляется бесспорным: для того, чтобы внести изменения в акты национального законодательства или международный договор требуется преодолеть значительное количество формальных процедур, что отнимает определенное время, столь ценное при ведении экономической деятельности. От подачи законопроекта в парламент до его принятия и вступления в силу может пройти значительный промежуток времени, а правом законодательной инициативы наделены далеко не все субъекты трансграничных контрактных отношений. Изменения актов *lex mercatoria* не нуждаются в соблюдении таких формальностей и их возможно скорректировать с легкой руки авторов. Так, например, Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА и Правила Инкотермс переиздаются с определенной периодичностью, подстраиваясь под нужды практики. Примечательно также, что в науке существует точка зрения, что автономия воли сторон функционирует с целью стимулирования международной экономики [15, с. 218]. Таким образом, можно констатировать связь международного коммерческого права с автономией воли сторон, поскольку обе конструкции имеют схожую направленность.

Современный этап развития *lex mercatoria*, e-merchant и киберправо

Традиционно считалось, что *lex mercatoria* имеет сугубо автономный характер, однако в современной науке данное положение уже не воспринимается, как аксиома. В настоящее время представляется возможным говорить о новом международном коммерческом праве, по результатам его транснационализации, отличном от средневекового образца [12, с. 66]. G. Calliess выделяет следующие черты такого нового *lex mercatoria* [16, с. 9]:

1. В основе лежат общие принципы права, выведенные на основе функционального сравнительного анализа общего ядра национальных правовых систем, и обычаи и обыкновения международного делового сообщества, выраженные в стандартных формах контрактов и модельных оговорках.

2. Администрирование и дальнейшее развитие *lex mercatoria* находится в руках арбитров, участвующих в международном коммерческом арбитраже.

3. Исполнение опирается преимущественно на социальные санкции, такие как репутация и изоляция.

4. Кодификации, если таковые имеются, составлены частными нормотворцами в форме перечней принципов, правил и стандартов.

Если выделять одну общую особенность всех приведенных выше черт, то можно свести все к негосударственному характеру рассматриваемого комплекса норм и его функционирования. В настоящее время представляется возможным констатировать востребованность таких негосударственных нормотворцев, как Международная торговая палата, являющаяся арбитражным учреждением и выпускающая сборники норм (например, UCP-600) Международный центр по урегулированию инвестиционных споров, обеспечивающий защиту прав иностранных инвесторов. Кроме того, сравнительно недавно были созданы новые арбитражные центры, например, в Объединенных арабских эмиратах, Казахстане и т.п., которые в перспективе способны составить конкуренцию давно функционирующим арбитражным центрам, например, Лондонскому. Модельные законы обретают все большее значение,

в особенности в сфере международного коммерческого арбитража. Таким образом, в принципе можно констатировать рост роли негосударственного регулирования в области трансграничных предпринимательских отношений, в котором центральная роль отведена *lex mercatoria*.

В то же время ряд исследователей, например, М. Мажорина и L. Trackman, подвергают сомнению автономность международного коммерческого права [5, с. 17; 17 с. 7-11]. Основная аргументация строится на тезисах, что выбор в качестве применимого права *lex mercatoria* или включение соответствующих норм в контракт неизбежно будет пропущен через фильтр защитных оговорок, прежде регулирование будет применено, а это самое регулирование зачастую имеет происхождение в национальных правовых порядках и не является уникальным. С приведенной аргументацией нельзя не согласиться: даже если международный коммерческий арбитраж вынесет решение на основании норм *lex mercatoria*, то все равно возникнет необходимость добиваться признания и приведения в исполнение решения в соответствующем государстве. Представляется возможным согласиться с точкой зрения Р. Mazzasano, что международное коммерческое право является негосударственным регулированием, но основанным на государственном регулировании [18, с. 72]. Второй же тезис представляется более спорным, поскольку представляющий собой синтез наиболее отвечающих потребностям участников оборота комплекс норм *lex mercatoria*, собранный из правил различных правовых порядков, являет собой нечто новое и отличное от национальных законодательств. Вне всяких сомнений, комплекс норм *lex mercatoria* уже не так уникален и автономен, как в средние века, однако рассматривать его как нечто вторичное представляется некорректным.

Тем не менее нельзя не отметить и потенциальную опасность признания международного коммерческого права одной из опций выбора применимого права в рамках использования сторонами автономии воли. Так, М.В. Мажорина образно называет комбинацию автономии воли и *lex mercatoria* способом открыть ящик Пандоры на основании того, что это может спровоцировать коллизию права и неправа [19, с. 20]. М.В. Мажорина не признает международное коммерческое право правом и аргументирует неоднозначность наметившегося подхода тем, что *lex mercatoria* – продукт неконсолидированных и неоднородных негосударственных субъектов, что опасно с точки зрения концептуальной разницы права в традиционном понимании и международного торгового права. Необходимо согласиться, что существенные противоречия могут некоторым образом в определенный момент нанести вред гражданскому обороту из-за своей непредсказуемости, однако сама система международного частного права представляется динамической, в которой происходит постоянное броуновское движение в различных областях, начиная от источников, заканчивая особенностями регулирования той или иной сферы. Нормы же *lex mercatoria* просто выступают в качестве конкурента для норм национальных правовых порядков, что вынудит законодателей создавать более привлекательный правовой режим для предпринимателей в рамках конкретного правового порядка. Кроме того, нормы международного коммерческого права не затрагивают всех сфер международного частного права, поэтому говорить о всеобъемлющем конфликте на концептуальном уровне невозможно.

Представляется возможным согласиться с позицией М. В. Елизарова, что обращение к национальным законодательствам необходимо, когда комплекс норм *lex mercatoria* не может предложить решений для рассматриваемого вопроса [20, с. 172]. Следовательно, отказываться от применения эффективного *lex mercatoria* из-за опасения непрогнозируемости эволюции феномена представляется чрезмерным.

Отдельного рассмотрения заслуживает применимость *lex mercatoria* в регулировании коммерческих отношений в сети «Интернет». В науке выделяют два основных подхода к регулированию данных отношений, которые можно кратко обозначить как *lex informatica* и *e-merchant* [21, с. 100–101]. Первый подход базируется на идее о становлении новой наднациональной правовой системы – интернет-права. Вторая точка зрения квалифицирует

нормы, регулирующие отношения в киберпространстве, как неправовые, наподобие средневекового *lex mercatoria*. Учитывая, что действующие в сети правила формируются не государствами, то говорить о наднациональной правовой системе мыслится некорректным. Поскольку нормы рассматриваемые возникают в дополнение к существующему договорному регулированию, поддерживаются механизмами саморегуляции и обуславливаются техническими особенностями сделок в сети, то нельзя не заметить сходство с *lex mercatoria*. Тем не менее, следует констатировать и отличия, например, тот факт, нормы конструируются провайдерами, а не непосредственными участниками сделок. Учитывая особенности формирующегося комплекса норм, представляется возможным признать их негосударственный характер, и, соответственно, корректность второго подхода.

Представляется, что справедливость подхода *e-merchant* наилучшим образом возможно подтвердить посредством рассмотрения особенностей регулирования споров, возникающих на основании сложившихся в сети отношений. В доктрине существует точка зрения, позволяющая обосновать сосуществование в рамках интернет-отношений национального регулирования и норм *e-merchant*. Р. Berman, анализируя выбор применимого права в отношениях, связанных с киберпространством, пришел к выводу о необходимости учета судами как многочисленных внутригосударственных норм и норм международных договоров, так и традиционных транснациональных коллизионных норм, однако, одновременно необходимо учитывать принадлежность к сообществу, которая не связана с национальными государствами, например, отраслевые стандарты, нормы поведения, распространяемые неправительственными организациями, связанные с конкретными видами деятельности, такими как использование Интернета [22, с. 1860–1862]. Соответственно, данная концепция позволяет одновременно учесть и интересы национальных правопорядков и предоставить гибкое регулирование, которое предлагает *lex mercatoria*.

Примечательно, что подобный подход имеет закрепление в конкретных арбитражных правилах, хотя назван более общими словами. Так, в ст. 33 правил арбитража *Cryptonomica*, посвященной применимому праву, содержится, что арбитраж будет разрешать спор в соответствии с условиями договора и торговыми обычаями *ex aequo et bono*¹ в отсутствии выбранного права². В данной норме не идет речи о выборе права какого-либо государства, что, очевидно, наводит на мысль о регулировании рассматриваемых в данном арбитраже контрактов в соответствии с нормами *lex mercatoria*. В целом, представляется необходимым согласиться с точкой зрения, что в условиях регулирования отношений в Интернете в современном мире возникает все большая востребованность в альтернативных способах разрешения споров, особенно арбитраже [23, с. 178–179]. Данный факт, в свою очередь, обуславливает все более благодатную почву для дальнейшего развития и повышения значимости *lex mercatoria* в той, форме, в какой данный комплекс норм сформировался в сфере регулирования интернет-отношений, поскольку негосударственные инстанции, рассматривающие спор, без сомнения будут охотнее применять нормы *e-merchant* в сравнении с национальными судами.

¹ Применительно к тому, что означает *ex aequo et bono* L. Trakman высказывает, что суть данного подхода заключается в соблюдении практической разумности. Такой подход учитывает не только законные права и обязанности, но и важные интересы, которые обычно не защищаются как права, таким образом, выходя за рамки закона в формальном смысле и позволяет оперативно разрешить спор, базируясь на судебском усмотрении. Подробнее об этом см. Trakman L. *Ex Aequo Et Bono: De-Mystifying an Ancient Concept* // *Chicago Journal of International Law*. 2008. № 8. С. 621-642. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=993643>

² *Cryptonomica Arbitration Rules* // URL: https://github.com/Cryptonomica/arbitration-rules/blob/master/Arbitration_Rules/Cryptonomica/Cryptonomica-Arbitration-Rules.EN.clearsigned.md#applicable-law-ex-aequo-et-bono (Дата обращения: 29.05.2024).

Заключение

Исходя из проведенного исследования, представляется возможным сделать следующие выводы:

Во-первых, имеет место тенденция роста влияния автономии воли сторон на регулирование отношений, осложненных иностранным элементом. Выбор применимого права в настоящее время можно осуществить не только в области контрактных отношений, но также в сфере деликтных, вещных и других. Справедливо говорить о контрактualизации международного частного права.

Во-вторых, в современном международном частном праве нет препятствия к дальнейшему развитию и росту значимости комплекса норм *lex mercatoria*. Национальные правопорядки или прямо закрепляют возможность использования данного конгломерата в качестве применимого права посредством реализации автономии воли сторон, или, как минимум, не возражают против инкорпорации данных норм в текст договора. В такой ситуации *lex mercatoria*, предоставляющий сторонам более гибкое регулирование, чем любое из национальных законодательств, представляется обладающим весьма существенным конкурентным преимуществом.

В-третьих, *lex mercatoria* представляется не способным заменить национальные правопорядки в силу своей хаотичности и неопределенности, а также тому факту, что международное коммерческое право регулирует далеко не все вопросы, относящиеся к сфере международного частного права. Международное коммерческое право все более и более теряет самобытность, в настоящее время оно в значительной степени использует достижения национальных правовых систем, что обуславливает определенное сближения данных источников международного частного права.

В-четвертых, в сфере складывающихся в интернете отношений сложилась благодатная среда для развития *lex mercatoria*, обусловленная рядом факторов, таких как существенное влияние интернет-провайдеров, рост значимости альтернативных способов разрешения споров. В данной области *lex mercatoria* представляется наиболее уникальным и самобытным. Представляется, что, поскольку в данных областях отсутствует развитое регулирование, закрепленное в национальных законодательствах и международных договорах, нет никаких препятствий, чтобы данные отношения были урегулированы нормами *lex mercatoria* на основе выбора сторон, сделанного посредством реализации автономии воли.

Список источников

1. Базедов Ю. Автономия воли в регулировании международных отношений. К Общему курсу международного частного права. М.: Норма: Инфра-М, 2019. 136 с.
2. Boele-Woelki K. et al. Empowering European Families: Towards more party autonomy in European Family and Secession Law. 2019. 23 с. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4322610> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4322610>
3. Symeonides S. C. Oregon's Choice-of-Law Codification for Contract Conflicts: An Exegesis // Willamette L. Rev. 2007. Т. 44. С. 205–288.
4. Symeonides S. C. The scope and limits of party autonomy in international contracts: a comparative analysis // Private International Law. Edward Elgar Publishing, 2019. С. 101–146. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3359988> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3359988>
5. Мажорина М.В. Lex mercatoria: средневековый миф или феномен глобализации? // Право. Журнал высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 4–19.
6. Trakman L.E. From the Medieval Law Merchant to E-Merchant Law // The University of Toronto Law Journal. 2003. Т. 53. №. 3. С. 265–304.
7. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Авилов Г.Е., Богуславский М.М., Ефимов А.Ф. и др.; под ред. Маковского А.Л., Суханова Е.А. М.: Юристъ, 2002. 538 с.

8. Комаров А.С. Внешнеэкономический договор: выбор контрагентами применимого права // Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота: сборник статей под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.С. Комарова. М.: Статут, 2016. С. 117–134.
9. Канашевский В.А. Международное частное право: учебник 4-е издание, переработанное и дополненное. Москва: Международные отношения, 2019. 1064 с.
10. Cuniberti G. Three theories of lex mercatoria // Colum. J. Transnat'l L. 2013. Т. 52. С. 369-434. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2244349>
11. Chukwumerue O. Choice of Law in International Commercial Arbitration. Quorum Books, 1994. 240 с.
12. Chamorro-Courtland C. Central Counterparties (CCP) and the New Transnational Lex Mercatoria // Florida State University Business Review. 2010. № 57. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1710484>
13. Lando O. The law applicable to the merits of the dispute // Arbitration international. 1986. Т. 2. № 2. С. 104–115.
14. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право в 3 т. 6-е изд. перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2021. 320 с.
15. Новикова Т.В. Автономия воли в международном частном праве как инструмент стимулирования международного экономического оборота // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 205–220.
16. Calliess G. Lex Mercatoria // ZenTra Working Paper in Transnational Studies. 2015. № 52. 22 с. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2597583> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2597583>
17. Trakman L. The Twenty-First Century Law Merchant // American Business Law Journal. 2011. Т. 48. № 4. С. 2-46. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1920064>
18. Mazzacano P. The Autonomous Nature of the Lex Mercatoria // Vindobona Journal of International Commercial Law and Arbitration. 2012. С. 71-82. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3155519>
19. Мажорина М.В. Право на выбор неправа: как открыть ящик Пандоры с помощью lex voluntatis // Lex russica. 2021. Т. 74. № 12. С. 9-20.
20. Елизаров М.В. Lex mercatoria как негосударственный регулятор международной торговли // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 3 (49). С. 167-173.
21. Мажорина М.В. О коллизии права и «неправа», реновации lex mercatoria, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // Lex russica. 2019. № 7 (152). С. 93-107.
22. Berman P. Towards a Cosmopolitan Vision of Conflict of Laws: Redefining Governmental Interests in a Global Era // University of Pennsylvania Law Review. 2005. № 153. С. 1819–1882.
23. Мажорина М.В., Терентьева Л.В., Шахназаров Б.А. Международное частное право в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 169–182.
24. Trakman L. Ex Aequo Et Bono: De-Mystifying an Ancient Concept // Chicago Journal of International Law. 2008. № 8. С. 621–642. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=993643>

References

1. Basedow J. *Party autonomy in the regulation of international relations. To the General Course of Private International Law*. Moscow: Norma: Infra-M; 2019. 136 p. (In Russ.)
2. Boele-Woelki K. et al. *Empowering European Families: Towards more party autonomy in European Family and Secession Law*. 2019. 23 p. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4322610> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4322610>
3. Symeonides S.C. Oregon's Choice-of-Law Codification for Contract Conflicts: An Exegesis *Willamette L. Rev.* 2007; (44): 205-288.
4. Symeonides S.C. The Scope and Limits of Party Autonomy in International Contracts: A Comparative Analysis. *Private International Law*. Edward Elgar Publishing. 2019: 101-146. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3359988> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3359988>
5. Mazhorina M.V. Lex mercatoria: medieval myth or phenomenon of globalization? *Law. Journal of Higher School of Economics*. 2017; (1): 4-19. (In Russ.)

6. Trakman L. E. From the Medieval Law Merchant to E-Merchant Law. *The University of Toronto Law Journal*. 2003; (53(3)): 265—304.
7. Avilov G.E., Boguslavsky M.M., Efimov A.F. et al. *Commentary on Part Three of the Civil Code of the Russian Federation*. Moscow: Yurist; 2002. 538 p. (In Russ.)
8. Komarov A.S. Foreign economic agreement: choice of applicable law by counterparties. In: *Current legal aspects of modern practice of international commercial turnover: collection of articles*. Moscow: Statut; 2016. 117-134. (In Russ.)
9. Kanashevskij V.A. *Private international law: textbook 4th edition, revised and expanded*. Moscow: International Relations; 2019. 1064 p. (In Russ.)
10. Cuniberti G. Three Theories of Lex Mercatoria. *Columbia Journal of Transnational Law*. 2013; (52(1)): 369-434. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2244349>
11. Chukwumerue O. *Choice of Law in International Commercial Arbitration*. Bloomsbury Publishing; 1994. 240 p.
12. Chamorro-Courtland C. Central Counterparties (CCP) and the New Transnational Lex Mercatoria. *Florida State University Business Review*. 2010; (10): 57-116. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1710484>
13. Lando O. The Law Applicable to the Merits of the Dispute. In: *Contemporary Problems in International Arbitration*. London: Springer Dordrecht; 1987. 101-112.
14. Get'man-Pavlova I.V. *Private international law in 3 volumes, 6th ed. reworked and additional*. Moscow: YUrajt; 2021. 320 p. (In Russ.)
15. Novikova T.V. Party autonomy in private international law as a tool for stimulating international economic turnover. *Perm Legal Almanac*. 2020; (3): 205-220. (In Russ.)
16. Calliess G. Lex Mercatoria. *ZenTra Working Paper in Transnational Studies*. 2015; (52): 22 p. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2597583> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2597583>
17. Trakman L. The Twenty-First Century Law Merchant. *American Business Law Journal*. 2011; (48(4)): 2-46. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1920064>
18. Mazzacano P. The Autonomous Nature of the Lex Mercatoria. *Vindobona Journal of International Commercial Law and Arbitration*. 2012; (16): 71-82. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3155519>
19. Mazhorina M.V. The right to choose non-law: how to open pandora's box with lex voluntatis. *Lex russica*. 2021. (74 (12)): 9-20. (In Russ.)
20. Elizarov M.V. Lex mercatoria as a non-state regulator of international trade. *Rule of law: theory and practice*. 2017; (3(49)):167-173. (In Russ.)
21. Mazhorina M.V. About the conflict of law and “wrong”, renovation of lex mercatoria, smart contracts and blockchain arbitration. *Lex russica*. 2019; (7(152)): 93-107. (In Russ.)
22. Berman P. Towards a Cosmopolitan Vision of Conflict of Laws: Redefining Governmental Interests in a Global Era. *University of Pennsylvania Law Review*. 2005; (153): 1819-1882.
23. Mazhorina M.V. Terentyeva L.V., Shakhnazarov B.A. Private international law in the context of the development of information and communication technologies. *Current problems of Russian law*. 2019; (5(102)):169-182. (In Russ.)
24. Trakman L. Ex Aequo Et Bono: De-Mystifying an Ancient Concept. *Chicago Journal of International Law*. 2008; (8): 621-642. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=993643>

Информация об авторе

Ю. М. Москвитин – аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института, РУДН имени Патриса Лумумбы.

Information about the author

Yu. M. Moskvitin – postgraduate student, department of civil law and procedure and private international law of the law institute, Peoples' friendship university of Russia named after Patrice Lumumba.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 04.04.2024; одобрена после рецензирования 31.05.2024; принята к публикации 01.05.2024.
The article was submitted 04.04.2024; approved after reviewing 31.05.2024; accepted for publication 01.05.2024.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 109–115
North Caucasus Legal Vestnik. 2024;(2):109–115

Проблемы гражданского права

Научная статья

УДК 347.6

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-109-115>

EDN ZWIXII

Семейный бизнес в 2024 году: ценностная перезагрузка

Ольга Григорьевна Зубарева¹, Александра Леонидовна Крупнова²

^{1, 2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹zybareva@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0525-8659>

²krupnova1998@yandex.ru

Аннотация. Актуальность изучения семейного предпринимательства связана с объявленным в России Годом Семьи. В статье анализируются проблемы семейного бизнеса: от налогообложения и легитимного закрепления в законодательстве, до мер поддержки. В приведенных примерах опроса респондентов-участников семейного бизнеса прослеживается практическая значимость семейного предпринимательства для общества. Проанализированы мероприятия, проводимые Торгово-промышленной палатой для семейного бизнеса, в которых, в качестве помощника выделяется информационно-регистрационное и коммерческое интернет-пространство и информационные ресурсы, например, «Семейные компании России». По результатам проведенного исследования, авторами сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в части регулирования вопросов семейного предпринимательства.

Ключевые слова: год семьи, налогообложение, семейное предпринимательство, супруги, юридическая техника

Для цитирования: Зубарева О. Г., Крупнова А. Л. Семейный бизнес в 2024 году: ценностная перезагрузка // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 109–115. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-109-115>. EDN ZWIXII

Problems of Civil Law

Original article

Family entrepreneurship in 2024: a value reset

Olga G. Zubareva¹, Alexandra L. Krupnova²

^{1, 2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹zybareva@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0525-8659>

²krupnova1998@yandex.ru

Abstract. The relevance of the study of family entrepreneurship is connected with the Year of the Family announced in Russia. The article analyzes the problems of family business: from taxation and legitimate fixation in the legislation to support measures. The examples of the survey of respondents-participants of family business trace the practical significance of family entrepreneurship for society. The events held

by the Chamber of Commerce and Industry for family businesses are analyzed, in which, as an assistant, information and registration and commercial Internet space and information resources, for example, «Family Companies of Russia» are highlighted. Based on the results of the study, the authors conclude that it is necessary to further improve the legislation in terms of regulation of family entrepreneurship issues.

Keywords: family entrepreneurship, spouses, taxation, year of the family, legal technology

For citation: Zubareva O. G., Krupnova A. L. Family entrepreneurship in 2024: a value reset. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):109–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-109-115>. EDN ZWIXII

Актуальность выбранной для исследования темы предопределяется проводимой Россией внутренней политикой, направленной на поддержку российских семей. 2024 год объявлен в России годом семьи, что демонстрирует ее значимость для общества и государственной власти. В соответствии с указом Президента «О проведении в Российской Федерации Года семьи» Правительству и иным органам власти поручено провести мероприятия, направленные на «популяризацию государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей»¹.

Год семьи объявлен в России спустя 2 года с начала специальной военной операции, и, как нам представляется не случайно. За прошедшие годы сплоченность российских семей во многом стала причиной усиления экономического и политического положения России. Западные санкции, нестабильный экономический фон, массовая миграция денежного капитала – эти факторы должны были привести (по мнению стран, участвующих в «бойкоте» России) к неблагоприятным последствиям. При этом уровень жизни и экономическая обстановка, хотя и претерпели изменения, в целом адаптировались к возникшим обстоятельствам.

Объявление 2024 года годом семьи – результат успешной реализации Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей², в которых основным источником сохранения стабильности государства признается именно семья. В своем выступлении на Форуме, посвященном году семьи, президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин подчеркнул: «Безусловно, семейные ценности консолидируют общество...результаты, эффективность работы власти должны оцениваться прежде всего исходя из интересов семьи, роста её благосостояния. Именно семья должна быть в центре всей государственной политики. Но мы и стараемся так поступать»³.

В связи с заданным вектором развития семейной политики проблемы семейного предпринимательства приобретают особое звучание. Духовно-нравственные и традиционные ценности семьи, проявления изменений в позитивном аспекте в личных неимущественных отношениях играют важное значение и обусловлены спецификой самой сути семьи, как «бесспорной общечеловеческой ценности, единственной стабильной точки в быстро изменяющемся мире» [1, с. 89]. Но не менее важна экономическая стабильность семьи, которая все чаще выражается в занятии семьей бизнесом, или семейным предпринимательством.

Проблемам семейного предпринимательства посвящено множество работ таких ученых, как Левушкин А.Н., Ершова И.В. и многих других. Рассматривать семейное предпринимательство как правовое явление возможно с разных научных ракурсов – это и формирующаяся

¹ Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 27 ноября 2023 г. №48. Ст. 8560.

² Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации, 14 ноября 2022 г. №46 ст. 7977.

³ Открытие Года семьи в России. Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73297> (дата обращения 09.04.2024).

научная школа, и отдельный вид предпринимательства, и социально-экономическое положение семьи. А мнение, согласно которого, «для российского общества, ориентированного на традиционные семейные ценности, семейное предпринимательство выступает в качестве привилегированной формы ведения предпринимательской деятельности и вектором дальнейшего прогрессивного динамического развития предпринимательства в нашей стране» является приоритетным сегодня [2, с. 92].

Для воплощения задуманного юридической науке необходимо разрешить круг вопросов.

Одним из основных преимуществ семейного предпринимательства считается перспектива решения проблемы трудоустройства. Так, трудоустройство членов семьи сопряжено с распределением их ролей не только в зоне контроля семейного предприятия как бизнес-структуры, но и в семье, то есть на межличностном, неимущественном уровне. Основательница ростовского семейного модельного агентства «Имидж-Элит» Елена Степура в интервью указывает на некоторые сложности в распределении времени работы и отдыха. Соосновательница компании переработки «Реплавим» Анна Ярошевская допускает в семейном бизнесе нестабильное и зависимое от обстоятельств распределение ролей. В целом, в интервью «Деловой газете. Юг»¹ основатели и совладельцы семейного бизнеса в различных сферах на юге России признают значимость семейного бизнеса в собственной жизни, позитивный аспект собственного участия в нем, а также возможность разделять его со своими близкими. При этом одним из самых значимых факторов успешного ведения бизнеса все респонденты называют семейные ценности.

Опрос респондентов – основателей семейного бизнеса, безусловно, важен и свидетельствует об их долгосрочном планировании собственного дела, однако, стоит учесть также и противоположную статистику, которая приводится ТПП РФ: семейный бизнес в России на данный момент лишь в 8 % случаев развивается от основателя до третьего поколения наследников. Разрешается ли в таком случае заявленная проблема трудоустройства? На сегодняшний день (то есть для основателя бизнеса и его наследников) однозначен положительный ответ, но суть семейного бизнеса состоит в его существовании не 5, 10 или 15 лет, но в оформлении его как семейной династии, в течение 2-х и более поколений. Для целей формирования в долгосрочной перспективе пласта экономически сильных и зрелых предпринимательских семей предлагаем более глубоко проанализировать состояние семейного бизнеса на 2024 год.

Первое, с чем сталкивается семейный бизнес в России в целом – отсутствие единого правового режима. Семья, занимающаяся бизнесом в Ростовской области, попадает под существующее в регионе регулирование субъектов малого и среднего предпринимательства, в то время как, к примеру, семья из Нижегородской области, согласно местному законодательству, вправе официально оформиться как семейное предприятие. Это связано с наличием в некоторых регионах России актов региональной власти, посвященных семейному бизнесу, например такие законы есть в Нижегородской, Рязанской областях (появились первыми), республика Башкортостан (пошла по пути принятия отдельного акта, а не поправок к закону), Тамбовской области (определение дано чуть больше месяца назад, в феврале 2024 года). В целом, тенденция на то, что понимать под семейным бизнесом, очевидна – так каждый из перечисленных регионов вносит в свое законодательство следующее определение: «члены одной семьи владеют суммарно более 50% долей в уставном или складочном капитале организации (под членами семьи понимаются супруги, их родители, дети, братья, сестры, внуки, а также дедушки и бабушки каждого из супругов, братья и сестры родителей

¹ «Деловая газета. Юг» Выпуск № 02(623) от 30.01.2024. С. 2-3. URL: <https://www.dg-yug.ru/newspaper/20126160.html> (дата обращения 10.04.2024).

каждого из супругов); либо один из членов семьи является единоличным исполнительным органом такой организации; либо не менее 50% работников индивидуального предпринимателя, которые работают у него по основному месту работы, относятся к членам его семьи». Это принимаемое регионами определение во многом дублирует проект поправок к закону «О развитии малого и среднего предпринимательства в России» от 2019 года¹.

Безусловно данные шаги отдельных регионов мы рассматриваем как позитивное развитие для семейного предпринимательства как правового явления, однако существует ряд проблем, которые вряд ли могут быть разрешены наметившейся тенденцией.

Прежде всего отметим, что вопросами семейного предпринимательства регионы начали заниматься самостоятельно, опережая федеральное развитие. Это связано с потребностями регионов, осознанием необходимости легитимизации семейного бизнеса. Но это происходит с молчаливого согласия федеральных органов власти, перспективой такой тенденции станет в будущем принятие все новыми регионами поправок к законам или региональных законов. И даже если учесть единое понятие семейного бизнеса во всех регионах нашей страны, достаточно странной представляется ситуация, когда семейное предприятие как субъект малого и среднего предпринимательства никак не отражено в основном законе страны. При этом, следует учесть, что регионы пока закрепляют лишь определение семейного предприятия, больше в текстах законов либо подзаконных актов ни мер, ни реестра (который почему-то предлагается только ТПП РФ), ни вопросов налогообложения семейных фирм не существует. Все это свидетельствует о «полумерах», недостаточно проработанной юридической техники по вопросам семейного предпринимательства.

Мы видим решение сложившейся ситуации в следующем. Необходимо четко понимать цели законодательной работы в области семейного предпринимательства не для правоприменителя, а для субъекта регулирования, то есть для семейного предприятия. Сами семейные фирмы, планирующие собственное долгосрочное развитие, называют свои сильные стороны: родство, распределение ролей, трудовая занятость, семейные ценности. Это означает, что внутри семейное предприятие уже сегодня может функционировать наилучшим для себя образом. Помощь в развитии, а именно она является приоритетной задачей и целью закрепления семейного предприятия как субъекта предпринимательства, должна заключаться в облегчении внешних факторов воздействия на семью, из которых одним из самых главных является налоговый режим.

Налогообложение семейного предприятия приобретает значимость на фоне громких налоговых дел российских блогеров (Елена Блиновская и ее муж как соучастник, семья Чекалиных, семья Портнягиных). Дробление бизнеса между членами семьи как способ уйти от налогов безусловно представляется противоправным деянием, но при условии занятия предпринимательской деятельностью в семье, отдельно мужем и женой, в нынешних реалиях на практике возникают определенные сложности. К примеру, в деле семьи Шупиковых № А63-18516/2020² супруга занималась пошивом одежды, а супруг – сбытом одежды, розничной торговлей. Действовали оба супруга как самостоятельные ИП, применяя упрощенную систему налогообложения. В результате налоговых проверок был установлен факт дробления бизнеса между супругами, так как они вели свою деятельность под общей торговой маркой. Супруги были не согласны с такой квалификацией своих действий и заявляли о том,

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятия «семейное предприятие». (подготовлен Минэкономразвития России 24.01.2020 г.) ID 04/13/07-19/00093234. URL: <http://regulation.gov.ru/p/93234> (дата обращения 11.04.2024).

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2022 г. № 308-ЭС22-15224 по делу № А63-18516/2020. - Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/2b9c1faf-be08-40bd-8eb6-d794cad220b0> (дата обращения 11.04.2024).

что пошив одежды и продажа этой же продукции – два разных процесса, и признание их единым процессом невозможно.

В приведенном деле обращает на себя внимание то, что супруги, хотя и не признавали фактическое дробление бизнеса, в последующем, объединились и просили суд учитывать это обстоятельство в части неназначения им определенной суммы доначисленных налогов. Суммы, фигурирующие в деле, исчислялись десятками миллионов. Не вдаваясь во все подробности указанного дела, отметим, что при наличии в нашем законодательстве дополнительных возможностей для семейного бизнеса в части налогообложения, этого и подобных длительных судебных процессов удалось бы избежать. Нельзя с четкой уверенностью утверждать, что дробление бизнеса семьей Шупиковых было намеренным, возможно, они в действительности считали допустимым разделение технологического и сбыточного процессов производства. Примечательно также и то, что суд прямо указал в своем решении, что фактическому признанию дробления бизнеса поспособствовали супружеские отношения участников – за супругами презюмируется совместное разрешение вопросов семьи, в том числе, и семейного бизнеса. Настоящее дело представляет собой пример длительного судебного процесса в период с 2020 по 2024 годы и новое рассмотрение кассационной жалобы назначено на 18 апреля 2024 г.¹

Анализируя данное дело, очевиден вывод о необходимости совершенствования системы регулирования коммерческих отношений семьи. С одной стороны, суд признает факт наличия супружеских отношений как подтверждение семейного бизнеса, с другой – законодательно такое понятие отсутствует. В связи с этим укажем инициативу ТПП РФ о семейном патенте, которая, к сожалению, на данный момент не нашла своего закрепления в законодательстве.

Еще в 2020 году ТПП РФ была предложена льготная налоговая программа для семейного бизнеса «семейный патент», предполагающая сниженные налоговые ставки, а именно 4% при расчетах с физическими лицами и 6% при расчетах с физическими и юридическими лицами. Прототипом семейного патента, по заявлению авторов инициативы, были самозанятые граждане. Для соответствия семейной фирмы указанному налоговому режиму должны были выполняться несколько условий, в частности в качестве субъекта налогообложения могли выступать только микропредприятия численностью до 15 человек, а сама регистрация в данной программе предполагалась через специализированное мобильное приложение². Считаем, что семейный патент – достаточно прогрессивная инициатива для развития правового режима семейного предпринимательства, но скорее всего, предполагая повышенный интерес со стороны общества, с 2021 года в связи с событиями геополитического масштаба, реализовать идеи о семейном патенте на практике представилось достаточно сложным, финансово и энергозатратным.

Учитывая, что на проводимых ТПП РФ форумах, встречах, конференциях по поводу семейного бизнеса идеи о семейном патенте подвергались постоянному обсуждению, общественный отклик на него послужил толчком к той ситуации, которую мы описали в начале данной работы – определение семейного предпринимательства начало стихийно появляться в актах власти различных регионов. Поэтому, считаем вполне логичным и обоснованным вернуться к проводимой работе в части льготного налогообложения семейных фирм в 2024 году, проходящим под эгидой семьи и семейных ценностей.

¹ Определение Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28 марта 2024 г. по делу № А63-18516/2020. - Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/2b9c1faf-be08-40bd-8eb6-d794cad220b0> (дата обращения 11.04.2024).

² О семейном патенте. Официальный сайт Торгово-промышленной палаты Челябинской области. URL: https://tpp74.ru/obshchaya4/yutpp/index.php?ELEMENT_ID=151799 (дата обращения 11.04.2024).

Основными вопросами в создании правового режима семейного предпринимательства занимается ТПП как на федеральном уровне, так и на уровне регионов, в частности все большую популярность набирает проводимая ей компания «Семейные компании России». На базе данной программы, в разных регионах (в основном, в тех, где региональные власти ввели легитимное определение семейного предприятия), открываются центры семейного бизнеса, проводятся различные тренинги и семинары, а в описании к проекту данной программы на сайте ТПП РФ указаны приоритетные задачи проекта, такие как налаживание бизнес связей между семейными компаниями, поиск новых партнеров в ведении бизнеса, развитие семейного бизнеса по всей стране, а также формирование четкой и прозрачной процедуры а передачи семейного дела наследникам и др.¹

Представляется, что с развитием и распространением семейного бизнеса на различных всероссийских площадках, а также благодаря уже существующей и дальнейшей работе в сфере законодательства, популяризация семейного бизнеса в обществе неминуемо возрастет. Это влечет выработку все новых механизмов коммуникации семейного предпринимательства, в том числе в интернет-пространстве, без вовлечения в которое невозможно представить любой современный бизнес, и семейный бизнес не исключение.

Условно, интернет-пространство, используемое семейным бизнесом, возможно разделить на две категории: информационно-регистрационную и коммерческую. В области коммерческих отношений, семейный бизнес может, а в современных условиях должен, предлагать свои услуги или реализовывать товары с использованием интернет-платформ. На наш взгляд весьма продуктивное руководство к действию для семейных фирм, выходящих на онлайн-площадки, предлагает Короткова Е.А.: автор перечисляет основные площадки, на которых семейные фирмы могут реализоваться даже в условиях блокировки сервисов такого гиганта, как Meta Platforms* – сервис «В контакте» предоставляет возможности для продвижения предприятиям малого и среднего предпринимательства, по достаточно льготным условиям возможны размещения на Авито, Юле. Все большую популярность приобретает выход на маркетплейсы [3]. Отдельным новым видом бизнеса стало владение пунктом выдачи онлайн-заказов.

С другой стороны, семейный бизнес может получать необходимую для своей деятельности информацию, содержащуюся на интернет-ресурсах. К примеру Долинская В.В. выделяет следующие ресурсы, актуальные для семейного бизнеса: Государственная регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, Группа сервисов «Риски бизнеса: проверь себя и контрагента», Заполнение платежного поручения, Личный кабинет налогоплательщика индивидуального предпринимателя, Личный кабинет для плательщиков налога на профессиональный доход (самозанятых), Налоговые калькуляторы «Расчет стоимости патента» и «Выбор режима налогообложения», Онлайн запись на прием в налоговый орган, Прозрачный бизнес, Создай свой бизнес, Уплата налогов и пошлин [4].

Разнообразие различных видов digital помощи для бизнеса, проводимая работа ТПП, анонсирование 2024 года годом семьи, введение в российских школах такого предмета как «семьеведение» – все эти факторы формируют такую среду для развития семейного бизнеса, какой не было в России до сих пор. Складывается ситуация, когда набирающее все большие обороты явление, представляющееся мощным потенциалом для российской экономики особенно в столь сложный период, упирается в хаотичность и разрозненность юридических норм. Семейный бизнес сегодня нуждается в правовом обеспечении. В связи с этим предлагаем создание на базе существующих многочисленных инициатив ТПП комплексного нормативно-правового акта федерального уровня, посвященного семейному предпринимательству.

¹ Проект «Семейные компании России». Официальный сайт Торгово-промышленной палаты РФ. - URL: <https://family.tpprf.ru/semeynye-kompanii/> (дата обращения 11.04.2024).

* Компания Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена.

С точки зрения юридической техники предлагаем внести изменения в закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в России», где в качестве нового субъекта выделить семейное предприятие. В отдельном же правовом акте предлагаем закрепить категориально-понятийный аппарат, признать официальным реестр семейных компаний, порядок регистрации в качестве семейной компании, требования к ней, особый налоговый режим, а также иные меры государственной поддержки семейных предприятий. Наиболее значимым на сегодняшний день является вопрос легитимации семейного бизнеса, решив который, государство создаст базу для дальнейшего формирования оптимального правового режима семейного предпринимательства как базовой составляющей российской экономики.

Список источников

1. Зубарева О. Г. Правовое регулирование неимущественных отношений супругов в семье // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 87–93. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-87-93>
2. Левушкин А. Н. Концепция легитимации семейного предпринимательства сквозь призму частноправового и публично-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. №8 (153). С. 90–99.
3. Короткова Е. А. Трансформация семейного предприятия в условиях цифровой миграции аудитории социальных сетей / Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. С. 460–472.
4. Долинская В. В. Информационные ресурсы, реестры и сервисы для семьи и бизнеса / Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. С. 431–442.

References

1. Zubareva O. G. Legal regulation of non-property relations of spouses in the family. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):87–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-87-93>
2. Levushkin A. N. Concept of legitimation of family business through the prism of private law and public law regulation. *Actual problems of Russian law*. 2023;8(153):90–99. (In Russ.)
3. Korotkova E. A. Transformation of the family enterprise in the context of the digital migration-audience of social networks. In: *Family Business & LegalTech: Scientific Solutions for Professional Entrepreneurship*: Monograph. Y. V. Ershova, A. N. Levushkin (eds.). Moscow: Prospect; 2023:460–472. (In Russ.)
4. Dolinskaya V. V. Information Resources, Registries and Services for Family and Business. In: *Family Business & LegalTech: Scientific Solutions for Professional Entrepreneurship*: Monograph. Y. V. Ershova, A. N. Levushkin (eds.). Moscow: Prospect; 2023:431–442. (In Russ.)

Информация об авторах

О. Г. Зубарева – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права ЮРИУ РАНХиГС.

А. Л. Крупнова – аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

O. G. Zubareva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil and Business Law, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

A. L. Krupnova – Postgraduate Student of the Department of Civil and Business Law, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 07.05.2024.

The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 07.05.2024.

Способы защиты интеллектуальных прав на современном этапе развития гражданского законодательства

Екатерина Александровна Храпунова¹, Руслан Алмустафаевич Мустафаев²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹khrapunova@yandex.ru

²rus.mustafaev1990@yandex.ru

Аннотация. В данной статье представлен анализ существующих в настоящее время способов защиты субъективных прав, непосредственно связанных с объектами интеллектуальной собственности. В частности, рассмотрены юрисдикционные и неюрисдикционные формы защиты интеллектуальных прав, авторы отмечают преимущества отдельных способов защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, критикуют существующие правовые пробелы в их регулировании, анализируют судебную практику по данному вопросу.

Ключевые слова: административный порядок, защита права, неюрисдикционные способы, претензия, объекты интеллектуальной собственности, юрисдикционные способы

Для цитирования: Храпунова Е. А., Мустафаев Р. А. Способы защиты интеллектуальных прав на современном этапе развития гражданского законодательства // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 116–122. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-116-122>. EDN ZXIZIL

Problems of Civil Law

Original article

Ways to protect intellectual property rights at the current stage of development of civil legislation

Ekaterina A. Khrapunova¹, Ruslan A. Mustafaev²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹khrapunova@yandex.ru

²rus.mustafaev1990@yandex.ru

Abstract. This article presents an analysis of the currently existing methods of protecting subjective rights directly related to intellectual property objects. In particular, jurisdictional and non-jurisdictional forms of intellectual property protection are considered, the authors note the advantages of certain methods of protecting intellectual property rights, criticize the existing legal gaps in their regulation, analyze judicial practice.

Keywords: intellectual property objects, legal protection, jurisdictional methods, non-jurisdictional methods, claim, administrative procedure

For citation: Khrapunova E. A., Mustafaev R. A. Ways to protect intellectual property rights at the current stage of development of civil legislation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):116–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-116-122>. EDN ZXIZIL

Постоянное развитие общества, требующее появления качественно новых, научно обоснованных благ, непрерывное развитие культуры и создание новых объектов, являющихся результатами творческих изысканий авторов, представляют собой основополагающие предпосылки юридического обеспечения защиты прав на объекты интеллектуальной собственности.

Результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, при условии обеспечения их охраной, являются самостоятельными объектами гражданских прав. Законодатель, формулируя норму ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее также – ГК РФ)¹, обособляет объекты интеллектуальной собственности от таких достаточно классических для частного права явлений, как вещи, вещные права, а также нематериальные блага. Это вызвано, прежде всего, нематериальной природой объектов интеллектуальной собственности, а также существованием как прав имущественного характера (исключительных прав), так и прав личных неимущественных, традиционно называемых авторскими, а также иных прав, не имеющих имущественного характера, но и не соответствующих признакам личных неимущественных прав.

Действующий ГК РФ закрепляет в ст. 12 ряд общих способов защиты гражданских прав. С учетом положений п. 1 ст. 1250 ГК РФ², применимыми в целях защиты интеллектуальных прав являются все из них, тем не менее, названная норма обращает внимание на 2 обстоятельства – существо нарушенного права и последствия такого нарушения. Ст. 1251 ГК РФ закрепляет способы защиты личных неимущественных прав, а ст. 1252 ГК РФ – исключительных. Судебная практика дополняет законодательные положения, в частности, Верховный Суд Российской Федерации (далее также – ВС РФ) указал, что исключительное право, имеющее имущественную природу, не подлежит защите путем взыскания морального вреда³. При этом незнание нарушителем самого факта нарушения им исключительных прав иного лица не влияет на возможность взыскания компенсации за нарушение прав, как и само отсутствие у нарушителя информации о наличии правообладателя⁴.

Законодатель обделил вниманием терминологическую составляющую рассматриваемого явления. Доктрина же под способами защиты гражданских прав понимает совокупность приемов (подходов, технологий) для достижения цели защиты (превенции, пресечения, правопризнания, устранения препятствий, отрицательных последствий правонарушения и т.д.) [1], либо закрепленные законом материально-правовые меры принудительного характера, при помощи которых производится воздействие на правонарушителя и восстановление нарушенных прав [2, с. 284]. На наш взгляд, вторая дефиниция заслуживает внимания и, возможно, подлежит внесению в действующий закон.

ГК РФ также устанавливает, что в случае, если одним действием нарушаются интеллектуальные права на несколько объектов интеллектуальной собственности, то размер компенсации определяется за каждый факт нарушения прав. Судебная практика также исходит из того, что каждое действие, нарушающее интеллектуальные права, является отдельным правонарушением, если не будет доказано единство умысла⁵.

В случае возникновения правового конфликта вследствие нарушения права на интеллектуальную собственность, практически неизбежным является появление интеллектуального спора.

Как отмечают исследователи, в сфере гражданской юрисдикции в целом складывается две группы правоотношений – частноправовые (горизонтальные) и публично-правовые (вертикальные). Частноправовой характер гражданского правоотношения определяется

¹ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс».

² «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс».

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2014 № 5-КГ14-126 // СПС «Консультант-Плюс».

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2011 г. № 77-В10-9 // СПС «Консультант-Плюс».

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 28.01.2020 № 305-ЭС19-26821 по делу № А40-182072/2017 // СПС «Консультант-Плюс».

равенством участвующих в нем субъектов. Напротив, публично-правовые отношения основаны на неравенстве их субъектов и отсутствии автономии воли [3].

Таким образом, появляется необходимость дифференцированного правового подхода к защите прав на интеллектуальную собственность в зависимости от содержания материальных правоотношений, их субъектного состава.

В зависимости от наличия уполномоченного субъекта, разрешающего возникший правовой спор, выделяют юрисдикционную и неюрисдикционную формы защиты субъективных прав. Неюрисдикционные способы достаточно просты, оперативны, не имеют настолько глубокой формализованности, а также соответствуют требованиям конфиденциальности. Однако зачастую такие способы лишены какой-либо принудительной силы, полагаются лишь на добрую волю сторон.

Рассматривая варианты возможной защиты субъективного права, важно отличать досудебные формы от внесудебных. В доктрине считается, что досудебная форма разрешения возникшего правового спора является обязательным этапом перед обращением в суд [4], тогда как внесудебная форма не имеет непосредственной связи с возможностью последующего обращения в суд. К досудебной форме относится претензионный порядок разрешения конфликта, т.е. обращение к правонарушителю с требованием добровольно прекратить нарушение чужих прав и принять меры к их восстановлению. Этот порядок устанавливается соглашением сторон, обычаями делового оборота, как исключение – законом.

Исследователи, раскрывая правовую сущность претензионного порядка урегулирования спора, относят его к частному случаю самозащиты прав [5]. Претензионный порядок является обязательным к соблюдению в ряде случаев, установленных законом. В случае несоблюдения претензионного порядка разрешения спора суд возвращает исковое заявление либо оставляет его без рассмотрения, если ранее оно было принято к производству суда. Выносимое определение о возвращении иска является обжалуемым¹.

Претензионный порядок является обязательным в ряде случаев, установленных законом. Например, ч. 5 ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее также – АПК РФ)², устанавливает претензионный порядок разрешения споров, вытекающих из договорных отношений, а также споров, основанных на кондикционных требованиях. Помимо этого, п. 5.1 ст. 1252 ГК РФ, гласит, что претензионный порядок является обязательным и в случае, если стороны – юридические лица и (или) предприниматели, а спор подлежит разрешению арбитражным судом.

Заслуживают внимания и положения абз. 2 п. 1 ст. 1486 ГК РФ, фактически устанавливающие претензионный порядок в случае появления лица, желающего получить права на неиспользуемый товарный знак.

Иной отдельной формой разрешения споров, в том числе интеллектуальных, является юрисдикционная форма. И важнейшей чертой, отличающей интеллектуальные споры от иных правовых споров, является многообразие властных субъектов, уполномоченных законом для разрешения данной группы правовых конфликтов. В соответствии с положениями ч. 2 ст. 1248 Гражданского кодекса Российской Федерации, в случаях, предусмотренных законом, защита интеллектуальных прав в ряде правоотношений осуществляется в административном порядке. При этом дела, отнесенные гражданским законом к административному порядку, не подлежат рассмотрению и разрешению судом. Поэтому в случае подачи лицом искового заявления, предмет которого входит в норму ч. 2 ст. 1248 ГК РФ, суд, отсылая к п. 1

¹ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 23.05.2014 по делу № А79-5958/2013 // СПС «Консультант-плюс».

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СПС «Консультант-плюс».

ч. 1 ст. 127.1 АПК РФ или п. 1 ч. 1 ст. 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, отказывает в принятии иска¹.

Органами, осуществляющими рассмотрение интеллектуальных споров в административном порядке, являются Министерство сельского хозяйства Российской Федерации², Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент), а также иные органы исполнительной власти в отношении секретных изобретений. Перечень таких органов утверждается Правительством Российской Федерации³.

В структуре Роспатента функционирует Палата по патентным спорам, в рамках которой и осуществляется рассмотрение и разрешение интеллектуальных споров, отнесенных гражданским законодательством к компетенции Палаты. Палата руководствуется нормами действующего законодательства, а также положениями Приказа Минобрнауки России № 644, Минэкономразвития России № 261 от 30.04.2020 «Об утверждении правил рассмотрения и разрешения федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности споров в административном порядке»⁴. Названные Правила также являются ориентиром также и для иных органов, осуществляющих рассмотрение интеллектуальных споров в административном порядке.

ГК РФ также устанавливает и порядок вступления в законную силу решений по интеллектуальным спорам, принятых в административном порядке – такие решения вступают в силу в день их принятия. Судебное оспаривание таких решений также прямо предусматривается законом.

Сам административный порядок рассмотрения интеллектуальных споров в части его правовой регламентации является довольно несовершенным. Исследователи отмечают [6], что существующий административный порядок склонен к проявлению конфликта интересов – Роспатент фактически рассматривает жалобы на себя же. Что создает опасения в объективности самого органа. С другой стороны [7], в практике российских судов, несмотря на отсутствие формальных причин, закрепилось приостановление производства по делу в случае обращения в Роспатент в административном порядке. Учитывая, что обращаться в Роспатент можно неограниченное количество раз, в последующем оспаривая выносимое решение в Суде по интеллектуальным правам, возникает лазейка для затягивания разбирательства.

Со своей стороны отметим также и то, что до недавнего времени ни ГК РФ, ни Правила не регламентировали возможность компенсации расходов, понесенных сторонами в связи с участием в административном порядке рассмотрения интеллектуального спора. Однако Конституционный Суд Российской Федерации в дальнейшем пришел к выводу о неконституционности существовавшего правового положения⁵. В дальнейшем, на основании его правовой позиции, были внесены изменения в действующий закон.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-плюс».

² Постановление Правительства РФ от 12.06.2008 № 450 (ред. от 30.11.2023) «О Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации» // СПС «Консультант-плюс».

³ Приказ Минобрнауки России № 644, Минэкономразвития России № 261 от 30.04.2020 «Об утверждении правил рассмотрения и разрешения федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности споров в административном порядке» // СПС «Консультант-плюс».

⁴ Постановление Правительства РФ от 02.10.2004 № 514 (ред. от 18.11.2017) «О федеральных органах исполнительной власти, Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос», уполномоченных рассматривать заявки на выдачу патента на секретные изобретения» // СПС «Консультант-плюс».

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.01.2023 № 1-П «По делу о проверке конституционности статьи 15 и пункта 2 статьи 1248 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 106 и части 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «НИКА-ПЕТРОТЭК» // СПС «Консультант-плюс».

Судебная форма защиты прав на интеллектуальную собственность также прямо предусмотрена положениями ГК РФ. Возникший интеллектуальный спор, при наличии соответствующих условий, может быть разрешен как судом общей юрисдикции, так и арбитражным судом, в том числе Судом по интеллектуальным правам. Однако в любом случае данная категория споров исключена из компетенции мировых судей.

Разрешая интеллектуальные споры, судам надлежит учитывать специфику течения сроков исковой давности в данной сфере. Зачастую нарушения интеллектуальных прав носят длящийся характер, происходят в нестандартных условиях, например, в сети «Интернет». К длящимся нарушениям интеллектуальных прав применима позиция¹, выраженная ВС РФ еще в 2012 г. В свете ее положений, к требованиям, связанным с длящимися непрекращенными нарушениями прав, общий срок исковой давности не применяется.

Суды общей юрисдикции придерживаются позиции, в соответствии с которой длящимся правонарушением является ситуация, когда лицо нарушает обязательства не в один определенный момент, а в течение определенного временного промежутка. Например, суд признал длящимся правонарушением ситуацию, когда ответчик нарушает обязательства на протяжении всего периода действия договора².

Особенностью сферы права интеллектуальной собственности является наличие специфических механизмов, используемых недобросовестными лицами в целях последующего предъявления исковых требований к иным хозяйствующим субъектам. Является всемирно распространенной практика так называемого «патентного троллинга», то есть формального закрепления исключительных прав за собой лишь с целью последующего предъявления исковых требований.

Безусловно, практика патентного троллинга является губительной и для целей совершенствования объектов интеллектуальной собственности, и для целей правосудия в целом, являясь, фактически, проявлением злоупотребления правом. Исследователи отмечают, что данное негативное явление, больше свойственное зарубежным государствам, приводит к значительному материальному ущербу для добросовестных лиц [8].

Подобное дело³, инициированное патентным троллем, стало предметом рассмотрения Верховного Суда Российской Федерации. Фабула дела, с учетом предшествующих событий, следующая – истец зарегистрировал знак обслуживания с достаточно благозвучным названием «Планета», а также ряд производных словосочетаний с использованием слова «Планета». В дальнейшем истец предъявил требования к владельцу торгового центра, который использовал слово «Планета» в качестве наименования торгового центра и непосредственно разместил данную надпись на здании торгового центра.

Суд первой инстанции, рассматривая дело по существу, отказал в удовлетворении исковых требований, сославшись на разнородный характер деятельности истца и ответчика. Суды апелляционной и кассационной инстанций с выводами нижестоящей инстанции не согласились, отметив, что несмотря на разнородный характер использования зарегистрированного обозначения, в глазах потребителя деятельность, осуществляемая сторонами, остается сходной до степени смешения.

ВС РФ не согласился с выводами нижестоящих инстанций, фактически засилив акт суда первой инстанции. Верховный Суд указал, что если товарный знак либо знак обслуживания, хоть и формально сходный с другим, не используется, то невозможно и их смешение,

¹ Определение Верховного Суда РФ от 13.04.2012 № 6-В12-1 // СПС «Консультант-Плюс».

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.01.2023 № 09АП-89967/2022 по делу № А40-106027/2022 // СПС «Консультант-Плюс».

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2023 № 301-ЭС23-2808 по делу № А11-417/2019 // СПС «Консультант-Плюс».

поскольку используемому средству индивидуализации и не с чем смешаться, а значит, и потребители не смогут запутаться.

Представляется, что правовая позиция ВС РФ является как минимум спорной. Остается нераскрытым вопрос – а что делать в ситуации, когда правообладатель, являющийся добросовестным, еще попросту не приступил к использованию принадлежащих ему исключительных прав? Отказ в защите его прав, с учетом рассматриваемой судебной практики, не является соответствующим целям правосудия.

Суд первой инстанции, обосновывая злоупотребление правом со стороны истца указал, что его деятельность является имитационной, реального использования исключительных прав не было. Однако сам судебный акт достаточной мотивировки данного тезиса не содержит. Было также учтено, что по заявлениям истца было инициировано более 50 сходных дел. Следует отметить, что суды пошли вразрез с положениями п. 154 вышеуказанного Постановления, в соответствии с которым сам факт неиспользование товарного знака правообладателем, обращающимся за защитой принадлежащего ему права, само по себе не свидетельствует о злоупотреблении правом.

Считаем, что Верховному Суду следовало более глубоко погрузиться в рассмотренное дело, порассуждать о признаках злоупотребления правом применительно к сфере патентных отношений. Существующая правовая позиция, хоть и защищающая добросовестного участника делового оборота, нуждается в гораздо более глубоком обосновании.

Возможно и возникновение на практике ситуаций, в которых лицо, регистрируя серию товарных знаков, т.е. знаков, сходных между собой семантически, фонетически, внешне, равно как и по иным признакам, желает получить возможность многократного взыскания компенсации за нарушение исключительного права¹. Истец, зарегистрировавший ранее товарные знаки «CHANTAL» и «Chantale Шанталь», обратился в суд с требованием о запрете ответчику использовать обозначения «CHANTAL» и «Chantal» и о присуждении компенсации. В итоге сложилась ситуация, в которой компенсация фактически составила четырехкратный размер стоимости товаров, поскольку расчет компенсации осуществлялся в расчете на каждый товарный знак. Высший Арбитражный Суд, возвращая дело в первую инстанцию, отметил, что защищаемые товарные знаки фактически являются группой (серией) знаков одного правообладателя, которые зависимы друг от друга, связаны между собой наличием одного и того же доминирующего словесного элемента, имеют фонетическое и семантическое сходство, а также несущественные графические отличия, не изменяющие сущность товарных знаков, а количество товаров, содержащих названное обозначение, само по себе не увеличилось исходя из того, что истцом зарегистрировано сразу 2 групповых товарных знака.

Таким образом, проведенное исследование показало, что на современном этапе развития гражданского законодательства существует комплекс способов защиты интеллектуальных прав. В целях защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, применяются общие способы, установленные в ст. 12 ГК РФ. При этом важно учитывать и положения ч. 4 ГК РФ, устанавливающей специфические положения о защите прав, применимые к рассматриваемой сфере гражданских правоотношений, а также сложившуюся судебную практику, существенно дополняющую действующее нормативное регулирование.

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 26.06.2012 № 2384/12 по делу № А40-146649/10-19-1260 // СПС «Консультант-Плюс».

Список источников

1. Худиева Л. Р., Каболов В. В. Способы, средства и меры защиты гражданских прав: проблемы разграничения понятий // Актуальные вопросы экономических наук. 2015. № 45. С. 144–147.
2. Гражданское право: учебник. Ч. 1 / Под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. М., 2009.
3. Михайлова Е. В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и внесудебные): Монография. М., «Проспект», 2014.
4. Дернова Д. В. Неюрисдикционные формы и средства разрешения частноправовых конфликтов (общие положения) («Администратор суда», 2015, № 4) // СПС «Консультант-плюс».
5. Богданова О. В. Защита интеллектуальных авторских прав гражданско-правовыми способами: Монография. М.: Юстицинформ, 2017.
6. Анищенко В. Г. Роспатент и его а certain interest (конфликт интересов) // ИС. Промышленная собственность. 2019. № 9. С. 28–32.
7. Андреева Е. Ю., Лифсон М. И. Практика рассмотрения дел по оспариванию нормативных правовых актов Роспатента Судом по интеллектуальным правам: хождение по кругу // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 10. С. 16–21.
8. Ворожевич А. С. Патентный троллинг: сущность, история, правовые механизмы борьбы // Закон. 2013. № 9. С. 48–59.

References

1. Khudieva L. R., Kabolov V. V. Methods, means and measures of protection of civil rights: problems of differentiation of concepts. *Actual issues of economic sciences*. 2015;(45):144–147 (In Russ.)
2. *Civil law: textbook. Part 1*. Edited by Yu. K. Tolstoy, A. P. Sergeev. Moscow; 2009. (In Russ.)
3. Mikhailova E. V. *Procedural forms of protection of subjective civil rights, freedoms and legitimate interests in the Russian Federation (judicial and extrajudicial)*: Monograph. Moscow: "Prospet"; 2014. (In Russ.)
4. Dernova D. V. Non-jurisdictional forms and means of resolving private law conflicts (general provisions). *Court Administrator*. 2015;(4). SPS "Consultant-plus". (In Russ.)
5. Bogdanova O. V. *Protection of intellectual copyrights by civil law methods*: Monograph. Moscow: Justicinform; 2017. (In Russ.)
6. Anishchenko V.G. Rospatent and its a certain interest (conflict of interest). *IP. Industrial Property*. 2019;(9):28-32. (In Russ.)
7. Andreeva E. Yu., Lifson M. I. The practice of considering cases on challenging normative legal acts of Rospatent by the Intellectual Property Rights Court: going in circles. *Arbitration and Civil Procedure*. 2020;(10):16–21. (In Russ.)
8. Vorozhevich A. S. Patent trolling: essence, history, legal mechanisms of struggle. *Law*. 2013;(9):48–59. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. А. Храпунова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Южного федерального университета.

Р. А. Мустафаев – студент юридического факультета Южного федерального университета.

Information about the authors

E. A. Khrapunova – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Southern Federal University.

R. A. Mustafayev – Student, Faculty of Law, Southern Federal University.

Вклад авторов: Доля участия Мустафаева Р. А. в написании статьи составляет 70 %, Храпуновой Е. А. – 30 %. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: The share of R. A. Mustafayev in the writing of the article is 70 %, E. A. Khrapunova – 30 %. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 03.06.2024; принята к публикации 04.06.2024.

The article was submitted 14.05.2024; approved after reviewing 03.06.2024; accepted for publication 04.06.2024.

Защита прав потребителей в условиях дистанционной купли-продажи товаров

Илья Александрович Повзиков¹, Арсений Вадимович Якубович²

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, gprava-uriu@ranepa.ru

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, alegator123486@gmail.com

Аннотация. Сегодня, в век развития технологий, дистанционный способ купли-продажи становится одним из наиболее популярных. Однако повышается риск нарушения прав потребителей, в связи с чем законодатель и правоприменитель пытаются защитить их и привести отношения между продавцом и покупателем к балансу. Целью статьи является исследование особенностей защиты прав потребителей при заключении договора купли-продажи дистанционным способом, а также выдвижение предложений по дополнительному обеспечению прав покупателя как более слабой стороны.

Ключевые слова: владелец агрегатора, защита прав потребителей, дистанционный способ продажи, покупатель, продавец, слабая сторона правоотношений

Для цитирования: Повзиков И. А., Якубович А. В. Защита прав потребителей в условиях дистанционной купли-продажи товаров // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 123–129. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-123-129>. EDN OFIZYK

Problems of Civil Law

Original article

Consumer protection in the context of remote sale of goods

Ilya A. Povzikov¹, Arsenii V. Yakubovich²

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, gprava-uriu@ranepa.ru

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, alegator123486@gmail.com

Abstract. Today, in the era of technology development, the remote sales method is becoming one of the most popular. However, the risk of violation of consumer rights increases, and therefore the legislator and law enforcement bodies are trying to protect them and bring the relationship between the seller and the buyer to a balance. The purpose of the article is to study the features of protecting consumer rights when concluding a sales contract remotely, as well as putting forward proposals for additionally ensuring the rights of the buyer as the weaker party.

Keywords: remote method of sale, consumer protection, weak side of legal relationships, buyer, seller, owner of the aggregator

For citation: Povzikov I. A., Yakubovich A. V. Consumer protection in the context of remote sale of goods. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):123-129. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-123-129>. EDN OFIZYK

В современном мире цифровизация общества происходит очень быстрыми шагами, многие жизненные процессы упрощаются и становятся очень удобными для человека. Сегодня для того, чтобы купить что-то, уже необязательно идти в магазин и вообще выходить из дома. Кажется, что в этой схеме нет слабых мест и скрытых неудобств, однако на практике могут возникнуть проблемы. Данный вопрос является одним из наиболее актуальных как для обывателей, так и для государства. В Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года был взят курс на развитие электронной коммерции – сферы экономики, которая включает в себя все сделки по реализации товаров (работ, услуг) потребителям, осуществляемые при помощи сети Интернет [1, с. 21].

Безусловно, экономически дистанционная купля-продажа выгодна всем. Продавец расширяет границы своего рынка сбыта, в связи с этим повышается потенциальная возможность повышения предложения, о продавце и его товарах узнает большее количество потребителей, и, как следствие, у него растет прибыль. Если говорить о покупателе, для него дистанционное приобретение товаров имеет ряд преимуществ. Во-первых, у потребителя расширяется выбор, он уже не ограничен возможностями местных магазинов. Во-вторых, появляется возможность лавирования в ценах, ведь при более широком рынке сбыта ценообразование выравнивается по примерно одному уровню, а также покупатель может просто выбрать товар подешевле. Для государства это выгодно в связи с тем, что увеличивается количество сделок, а значит, увеличивается налогооблагаемая база, что приводит к росту числа налоговых отчислений в бюджет.

Однако сначала необходимо определиться с терминологией. Дистанционная купля-продажа является подвидом договора розничной купли-продажи – соглашения, по которому продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу, обязуется передать покупателю товар, предназначенный для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью¹. Из данного определения вытекает ряд характерных признаков. Продавец в данном случае обязательно должен быть лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, а покупатель удовлетворять признакам, присущим потребителю. В связи с тем, что при таком положении дел стороны становится фактически неравными (продавец является профессиональным участником экономического оборота со всеми присущими преференциями, что часто может ставить покупателя в крайне невыгодное положение), законодатель принял Закон РФ «О защите прав потребителей», в котором установлен целый ряд существенных нормативных положений, направленных на поддержку более слабого контрагента (покупателя), и механизм такой поддержки постоянно совершенствуется законодателем, в том числе путем регламентации специальными правилами заключения и исполнения договора дистанционной купли-продажи.

Дистанционная (электронная) торговля, упоминаемая в ряде нормативных актов, трактуется в одних случаях как сама деятельность, в других – как ее форма, а чаще – в качестве способа продажи [2, с. 3]. Для целей данной статьи видится более обоснованным и справедливым трактовать ее в качестве способа, что более всего отражает сущность данного вида заключения сделок.

Определение дистанционной продажи есть и в ГК РФ, и специальном законодательстве, а именно в ст. 26.1. Закона РФ о защите прав потребителей. Ст. 497 ГК РФ определяет, что дистанционный способ продажи товара – договор розничной купли-продажи, заключенный на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара посредством каталогов, проспектов, буклетов, фотоснимков, средств связи (телевизионной, почтовой, радиосвязи и других) или иными способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления потребителя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора².

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ), часть 1//СПС КонсультантПлюс.

² Там же.

Отношения между гражданином-потребителем и лицом, реализующим ему товары, характеризуются определенным информационным дисбалансом, поскольку продавец всегда обладает более полной информацией о товаре, его потребительских свойствах, а также иных обстоятельствах, которые имеют значение для заключения договора. Такое положение вещей создает целый ряд рисков для потребителя, связанных как с возможными затруднениями в самостоятельном получении информации о товаре или о продавце, так и с вероятностью злоупотреблений со стороны профессиональных участников оборота, которые получают возможность манипулировать поведением потребителя, вводя его в заблуждение относительно свойств товара, в том числе путем умалчивания какой-либо информации, и навязывая ему те из них, от приобретения которых потребитель отказался бы, если бы обладал всей полнотой информации [3, с. 4].

В условиях заключения договора розничной купли-продажи товара дистанционным способом мы получаем ситуацию, при которой мало того, что стороны явно неравны при определении условий договора, так еще и такая фактическая слабость потребителя усугубляется объективными условиями дистанционного оборота.

Для максимально возможного приведения правоотношений к балансу законодатель сформулировал ряд императивных предписаний для продавцов. Они обязаны сообщать потребителям:

- 1) полную и достоверную информацию об основных потребительских свойствах товаров;
- 2) цену в рублях и условия приобретения товаров;
- 3) информацию о гарантийном сроке (если таковой установлен), о сроке годности и сроке службы товаров;
- 4) информацию об энергоэффективности товаров (если в отношении данных товаров доведение до сведения потребителя такой информации предусмотрено законом);
- 5) информацию об обязательном подтверждении соответствия товаров, наименование технического регламента или иное обозначение, установленное законодательством о техническом регулировании и свидетельствующее об обязательном подтверждении соответствия товара;
- 6) основную информацию об изготовителе либо импортере (фирменное наименование, адрес, местонахождение) [3, с. 5].

И если при традиционной розничной купле-продаже таких требований, в принципе, достаточно, то для преодоления неравенства в дистанционных сделках, наличие таких предписаний видится недостаточным. Для таких случаев законодатель установил ряд дополнительных (специальных) обязанностей продавца. Он должен сообщить информацию, касающуюся места изготовления товара и его доставки. Наличие дополнительных требований обуславливается отсутствием у потребителя возможности непосредственно ознакомиться с товаром, а также в ряде случаев - самостоятельно его забрать [3, с. 5].

Таким образом, существующий на практике фактический дисбаланс прав продавца и покупателя при дистанционном способе продажи законодатель пытается устранить посредством установления обязанностей для более сильной стороны, а также установления гарантий выхода из сделки для более слабой. Так, покупатель во всякое время может отказаться от такого соглашения, если произойдет ситуация, при которой его права будут ущемляться. Во-первых, потребитель может отказаться от принятия товара без объяснения причин в любой момент до передачи ему этого товара. Во-вторых, возможен безосновательный отказ в течение 7 дней после момента его вручения. Это право проистекает не из нарушения со стороны контрагента, но из возможности более детально ознакомиться со своей покупкой. На наш взгляд, здесь делается некая компенсация для потребителя – он не мог «попробовать и потрогать» вещь до заказа, но он может сделать это после ее получения. Однако такое право на отказ специфично и применимо только в ситуации с дистанционным договором. В-третьих, потребитель может отказаться от соглашения в случае непредоставления продавцом

информации¹, необходимость сообщить которую устанавливается Законом «О защите прав потребителей», в данном случае срок продлевается до 3 месяцев [4, с. 1].

Также в силу специфики такой продажи есть ряд ограничений по предметному признаку заключаемых сделок – не все товары могут обращаться посредством них. Например, законодательно установлен запрет на оборот алкогольной и табачной продукции посредством дистанционных технологий². Данное положение было подтверждено решением ВС РФ от 4 октября 2011 г. № ГКПИ11-994³, оставленным без изменения Определением ВС РФ от 8 декабря 2011 г. № КАС11-675⁴. Верховный Суд РФ указал, что в процессе заключения договора купли-продажи алкогольной продукции дистанционно невозможно убедиться в достижении покупателем 18 лет, проверить удостоверяющие личность документы, а между тем продажа алкоголя несовершеннолетним запрещена и в привычных розничных магазинах. Также довольно сложно проконтролировать исполнение запрета о продаже алкогольной продукции ночью.

Однако, представляется, что проблема проверки возраста может быть решена посредством совместной работы государства и площадок по размещению товаров для дистанционной продажи. То есть для приобретения алкогольной или табачной продукции покупатель должен пройти верификацию через сервис «Государственные услуги», и только если сервис покажет, что лицо уже является совершеннолетним, транзакция пройдет успешно. А при получении лицо, выдающее товар (курьер), обязан будет проверить документы получателя. При таком положении дел государство сможет обязать все агрегаторы по продаже товаров к подключению к сервису «Государственные услуги», а за невыполнение указанных требований установить санкции в КоАП РФ.

Также, говоря о субъектном составе данных правоотношений, необходимо отметить, что, помимо уже привычных продавца и покупателя, появляются лица-посредники – владельцы агрегаторов (владельцы программ для электронных вычислительных машин и (или) владельцы сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, которые предоставляют потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора, заключить с продавцом (исполнителем) договор, а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги)). Важно, что роль владельца агрегатора не сводится к пассивному посредничеству между продавцами и покупателями, а состоит в числе прочего в надлежащем информировании последних и создании условий для полноценной реализации ими своих правовых возможностей, включая различные формы и способы защиты [2, с. 3].

Так, агрегатором можно называть такие популярные площадки, как Яндекс Маркет, Ozon, Wildberries и ряд других. Можно понять, что законодательное закрепление правового статуса такого субъекта является актуальным вопросом, так как ежедневно потребители совершают огромное количество покупок через указанные маркетплейсы, тем самым делая способ дистанционной продажи очень популярным.

Потребитель вправе предъявить требование о возврате суммы произведенной им предварительной оплаты товара, если такая оплата была произведена до получения товара на банковский счет соответствующего агрегатора⁵. В целом, данное правило можно считать распространенным в связи с тем, что популярные маркетплейсы работают именно по такой

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017) // СПС КонсультантПлюс.

² Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // СПС КонсультантПлюс.

³ Решение Верховного Суда Российской Федерации от 4 октября 2011 г. N ГКПИ11-994 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. N КАС11-675 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // СПС КонсультантПлюс.

схеме. Также требование о возврате денежной суммы в течение 7 дней после получения товара может быть предъявлено к владельцу агрегатора, так как это общее правило защиты прав потребителей, которое может и должно быть предусмотрено при заключении такого рода соглашений, а значит, изначально должно оговариваться в отношениях между продавцом и маркетплейсом. Однако это имеет место только в случае, когда оплата была произведена на банковский счет агрегатора.

На владельца агрегатора также возлагается обязанность доведения до потребителей всей необходимой информации о себе, однако продавец информацию о себе должен самостоятельно предоставить маркетплейсу для последующего предоставления ее покупателям. В этой связи ряд правоведов полагает, что нелишним будет разработка дополнительных алгоритмов проверки представленных продавцами данных с целью предотвращения случаев обмана потребителей [2, с. 3].

Еще одной гарантией защиты прав потребителей в условиях дистанционной купли-продажи является невозможность ограничения продавцом права покупателя на выбор формы и способа оплаты товара¹. Таким образом законодатель всячески пытается уменьшить дисбаланс прав, существующий между потребителем и его более сильным контрагентом.

Далее следует отметить, что гарантией защиты прав покупателя при дистанционной продаже является сам процесс заключения и исполнения такого договорного обязательства, основные правила которого сводится к следующему:

1) Договор розничной дистанционной купли-продажи является публичным договором, то есть продавец обязан заключить такое соглашение с каждым, кто к нему обратится, при этом не оказывая предпочтение кому-либо из потребителей и указывая одинаковую цену для всех покупателей одной категории². Однако, из указанного правила возможны исключения, например, пенсионеры или держатели бонусных карт становятся отдельными категориями по сравнению с рядовыми покупателями. Данное положение закрепляется не только законодательно, но и подтверждается правоприменительной практикой (Апелляционное определение Московского городского суда от 20.02.2018 по делу N 33-3292/2018³);

2) Продавец обязан передать товар с момента получения им акцепта на свою публичную оферту, если офертой не предусмотрено иное;

3) Публичная оферта размещается посредством сети «Интернет», в том числе на сайте агрегатора;

4) Соглашение считается заключенным с момента выдачи продавцом потребителю документа, подтверждающего оплату товара (например, кассового, товарного чека), или с момента получения продавцом акцепта. Данный документ должен содержать все существенные условия данного соглашения, а также номер заказа или иной способ идентификации заказа, который позволяет потребителю получить информацию о соответствующем договоре;

5) Законодательством диспозитивно предусмотрена возможность продавца по соглашению сторон ознакомить покупателя с товаром до момента его приобретения. Это может быть реализовано через технические возможности маркетплейса;

6) Существует ряд ограничений на дистанционную продажу. Помимо законодателя (о таких случаях сказано выше), сам продавец может определить перечень того, что не может быть реализовано дистанционным способом. Более того, если необходимо предварительное согласование условий соглашения, в том числе согласование наличия, наименования и количества товара, такой способ продажи также невозможен;

¹ Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // СПС КонсультантПлюс.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ), часть 1 // СПС КонсультантПлюс.

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 20.02.2018 по делу N 33-3292/2018 // СПС КонсультантПлюс.

7) На продавца, как было указано выше, лежит обязанность по предоставлению потребителям всей необходимой по закону информации о себе (для юридических лиц – полное фирменное наименование, основной государственный регистрационный номер, адрес и место нахождения, адрес электронной почты и (или) номер телефона; для индивидуальных предпринимателей – фамилию, имя, отчество (при наличии), основной государственный регистрационный номер, адрес электронной почты и (или) номер телефона) и о товаре (информация, необходимость предоставления которой установлена ГК РФ¹ и Законом РФ «О защите прав потребителей»²);

8) Доставка товара осуществляется в указанное покупателем место (по указанному им адресу) и передается самому покупателю, а при его отсутствии другому лицу, предъявившему информацию о номере заказа, либо иное (в том числе электронное) подтверждение заключения договора розничной купли-продажи или оформления заказа, если иное не предусмотрено законом или соглашением сторон. Однако если продавец выполнил все свои обязательства по доставке в срок³, но товар не был передан потребителю по вине последнего, доставку необходимо произвести в новые сроки по согласованию между контрагентами указанной сделки;

9) В случае невыполнения или ненадлежащего выполнения продавцом своих обязательств по сделке, покупатель вправе направить ему претензию, информацию о форме и способах отправки которой продавец обязан довести до потребителя посредством размещения в сети «Интернет»;

10) Потребитель вправе вернуть товар как надлежащего (об этом было сказано выше, но, как правило, за вычетом расходов продавца на доставку), так и ненадлежащего качества (по общим правилам, установленным для розничной купли-продажи⁴). В первом случае распределение расходов происходит в соответствии с условиями оферты, во втором – они лежат на продавце; правила возврата оплаты товара, порядок и сроки такого возврата, как уже упоминалось выше, указаны в ст. 26.1 Закона РФ о защите прав потребителей.

11) Продавец обязан возратить уплаченную покупателем сумму даже в случаях, если последний перевел ее на счет третьего лица, указанного продавцом в качестве надлежащего способа оплаты⁵.

Можно заметить, что законодатель достаточно удачно регулирует алгоритм дистанционной продажи в целях защиты прав потребителей. Являясь более сильной, как экономически, так и интеллектуально-идеологически (знание законодательства, форм и способов заключения сделок, а также видов обхода существующих ограничений), стороной, продавец может производить ряд манипуляций со сделками, которые непонятны рядовому покупателю. В связи с существующим фактическим неравенством сторон законодатель устанавливает четкую и понятную последовательность действий при дистанционной продаже, пытаясь тем самым сделать правовой перевес в пользу более слабой стороны – потребителя, чтобы в итоге привести данные отношения к балансу.

Более того, в целях защиты прав потребителей в условиях постоянно развивающихся информационно-телекоммуникационных сетей видится оправданным введение дополнительной

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ), часть 1 // СПС КонсультантПлюс.

² Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // СПС КонсультантПлюс.

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 04.06.2019 по делу N 33-23597/2019//СПС КонсультантПлюс.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // КонсультантПлюс.

⁵ Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»// КонсультантПлюс.

гарантии защиты слабой стороны правоотношений – введение договора счета эскроу в качестве обязательного условия заключения договора розничной купли-продажи дистанционным способом. Такая схема уже реализована некоторыми сервисами, например, Авито. Агрегатор в данной ситуации мог бы стать гарантом и связующим звеном между контрагентами купли-продажи (продавцом и покупателем) и банком (эскроу-агентом). При таком положении дел покупатель бы знал, что продавец не получит деньги до момента принятия и проверки первым оплаченного товара, что станет неким способом обеспечения прав потребителя.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что в современном мире не каждый обыватель в силах уследить за восходящими трендами общества, в связи с чем это может послужить способом обмана потребителей, а также злоупотребления их доверием. Для того, чтобы не допустить этого, законодатель и правоприменитель всячески пытаются наладить механизм защиты покупателя в условиях дистанционной продажи. Так, например, был выработан четкий алгоритм заключения такого рода соглашений, добавлены дополнительные способы отказа от товара (в том числе беспричинные), введены новые гарантии защиты прав потребителей при оплате, а также возложена ответственность на еще одного профессионального субъекта – владельца агрегатора площадки по продаже товаров. Все эти меры призваны защищать права покупателей от злоупотреблений продавцов, но в силу того, что технологии ежедневно развиваются, законодательство и правоприменительная практика не должны отставать от технологического развития современного социума.

Список источников

1. Никишина В. В., Татаринова Е. П. Защита прав потребителей и лицензионный договор в сети «Интернет» // Юрист: научно-практическое и информационное издание. 2022. № 11. С. 21–26.
2. Крюкова Е. С. Дистанционный способ продажи товаров в аспекте защиты прав потребителей // Гражданское право. 2023. № 1. С. 20–23.
3. Гутников О. В., Чагина Е. М., Защита интересов потребителей при регулировании электронной торговли // Право и бизнес. 2023. № 4. С. 8–15.
4. Агафонова Н. Н. Прекращение договора дистанционной продажи // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 2. С. 60–62.

References

1. Nikishina V. V., Tatarinova E. P. Consumer protection and the license agreement on the Internet. *Lawyer: a scientific, practical and informational publication*. 2022;(11):21–26. (In Russ.)
2. Kryukova E. S. Remote method of selling goods in the aspect of consumer protection. *Civil law*. 2023;(1):20–23. (In Russ.)
3. Gutnikov O. V., Chagina E. M. Protection of consumer interests in the regulation of electronic commerce. *Law and Business*. 2023;(4):8–15. (In Russ.)
4. Agafonova N. N., Termination of the remote sale agreement. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2008;(2):60–62. (In Russ.)

Информация об авторах

И. А. Повзиков – аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права ЮРИУ РАНХиГС.
А. В. Якубович – студент 4 курса бакалавриата ЮФУ.

Information about the authors

I. A. Povzikov – Postgraduate Student of the Department of Civil and Business Law, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.
A. V. Yakubovich – 4th year undergraduate Student, Southern Federal University.

Вклад авторов: Доля участия Якубовича А. В. в написании статьи составляет 70 %, Повзикова И. А. – 30 %. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: The share of Yakubovich A. V. in the writing of the article is 70 %, Povzikov I. A. – 30 %. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.04.2024; одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 22.05.2024.

The article was submitted 30.04.2024; approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 22.05.2024.

Уголовная ответственность за терроризм по законодательству Словацкой Республики

Наталья Юрьевна Лазарева

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, lazareva-ny@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3427-5278>

Аннотация. Сегодня международное сообщество сталкивается с террористическими угрозами такого уровня и масштаба, которые были неизвестны в прошлом. Продолжающиеся террористические акты ведут к тому, что происходят значительные изменения в области глобальной безопасности. Террористы не боятся совершать самые жестокие и самые бесчеловечные деяния. Недавние глобальные события четко продемонстрировали тот факт, что ни одна страна не в состоянии в одиночку решить проблемы безопасности, не говоря уже о разрешении таких вопросов на долгосрочную перспективу. Все это актуализирует необходимость международной солидарности в борьбе с терроризмом, для чего необходимо изучение национального законодательства отдельных государств с целью выработки универсальных мер воздействия, а также с целью совершенствования отечественного антитеррористического законодательства. В представленной статье проведен анализ действующего антитеррористического законодательства Словацкой Республики, интерес к которому обусловлен тем, что эта страна имеет общие с Российской Федерацией уголовно-правовые взгляды, доктрины, очень схожее уголовное законодательство, которое за последнее десятилетие существенно трансформировалось под воздействием рекомендаций Европейского Союза, а также тех новых вызовов и угроз, с которыми она столкнулась.

Ключевые слова: антитеррористическое законодательство, зарубежное уголовное законодательство, Словацкая Республика, терроризм, террористический акт, уголовная ответственность

Для цитирования: Лазарева Н.Ю. Уголовная ответственность за терроризм по законодательству Словацкой Республики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 130–137. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-130-137>. EDN ONVREI

Problems of Criminal and Procedural Law

Original article

Criminal liability for terrorism according to the legislation of the Slovak Republic

Natalia Yu. Lazareva

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, lazareva-ny@ranepa.ru

Abstract. Today, the international community faces terrorist threats of a level and magnitude unknown in the past. Continuing terrorist attacks are causing significant changes in global security. Terrorists are not afraid to commit the most cruel and most inhumane acts. Recent global events have clearly demonstrated the fact that no country can solve security problems alone, let alone resolve such issues in the long term.

All this actualizes the need for international solidarity in the fight against terrorism, for which it is necessary to study the national legislation of individual states in order to develop universal measures of influence, as well as to improve domestic anti-terrorism legislation. The presented article analyzes the current anti-terrorism legislation of the Slovak Republic, the interest in which is due to the fact that this country has common criminal legal views, doctrines, and very similar criminal legislation with the Russian Federation, which over the past decade has been significantly transformed under the influence of recommendations of the European Union, and as well as the new challenges and threats it faced.

Keywords: terrorism, anti-terrorist legislation, terrorist act, criminal liability, foreign criminal legislation, Slovak Republic

For citation: Lazareva N. Yu. Criminal liability for terrorism according to the legislation of the Slovak Republic. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):130–137. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-130-137>. EDN ONVREI

Масштаб терроризма в мире за последнее десятилетие достиг такого уровня, который невозможно было представить: в 2023 г. общее количество смертей от терроризма увеличилось на 22% до 8352, что является максимальным показателем с 2017 г.¹ Несомненно, это требует переоценки, переосмысления существующих антитеррористических мер, которые предпринимаются национальными государствами, а также соответствующего реагирования международного сообщества. С этой целью важным является изучение опыта других стран с целью выявления эффективных контртеррористических практик, в том числе уголовно-правовых мер реагирования. В настоящей статье предпринята попытка системного анализа действующего уголовного законодательства Словацкой Республики, направленного на борьбу с преступлениями террористического характера.

Согласно Глобальному Индексу терроризма 2023 (Global Terrorism Index)², который ранжирует государства в зависимости от террористической активности и ежегодно публикуется Институтом экономики и мира (Institute for Economics and Peace) Сиднейского университета³, Словакию можно отнести к одной из достаточно спокойных стран в мире: она имеет рейтинг 1,092 из 10 возможных и занимает 66 место из 88 стран мира, участвовавших в рейтинге. В прошедшем 2023 г. в Словакии не было зарегистрировано ни одного террористического акта, в 2022 г. был зарегистрирован 1 теракт⁴. Но, к сожалению, и в такой спокойной стране случаются весьма резонансные террористические вылазки: так, в мае 2024 г. было совершено покушение на жизнь премьер-министра Словацкой Республики Роберта Фицо, что с очевидностью является проявлением политического террора.

Словацкая Республика имеет достаточно обширное антитеррористическое законодательство, прежде всего, как одно из государств, входящих в состав Европейского союза. В рамках настоящего исследования проанализируем нормы словацкого уголовного законодательства, те тенденции в его развитии, в которых нашли отражение эффективные практики реагирования на современные деструктивные процессы, связанные с ростом числа преступлений террористического характера во всем мире.

¹ Why is ISIS targeting Russia? - [Электронный ресурс] - URL: <https://www.visionofhumanity.org/why-isis-targeting-russia/> (дата обращения: 13.04.2024).

² Глобальный индекс терроризма - это комплексный показатель, состоящий из четырех показателей: инцидентов, погибших, раненых и заложников. Для измерения воздействия терроризма применяется средневзвешенное значение за пять лет.

³ Global Terrorism Index - [Электронный ресурс] - URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (Дата обращения: 13.04.2024).

⁴ Два человека стали жертвами стрельбы в Словакии //Известия. 13 октября 2022 г. - [Электронный ресурс] - URL: <https://iz.ru/1409381/2022-10-13/dva-cheloveka-stali-zhertvami-strelby-v-slovakii> (Дата обращения: 23.04.2024).

Развитие словацкого уголовного законодательства об ответственности за терроризм. Этот вопрос целесообразно рассматривать в сравнении с развитием отечественного уголовного законодательства, поскольку Словакия как одно из государств, имеющих с Россией общее социалистическое прошлое, переняло основные уголовно-правовые доктрины, в связи с чем, словацкое уголовное законодательство (особенно периода Чехословацкой Социалистической Республики) развивалось в одном русле, в одних и тех же тенденциях, что и российское уголовное законодательство советского периода.

Первый Уголовный кодекс Чехословакии 1950 г. не предусматривал ответственности за террористические преступления [1]. Впервые ответственность за терроризм появилась в УК ЧССР 1961 г. [2], в котором §93 «Террор» и § 94 «Террористический акт» очень схоже воспроизвели соответствующие ст. 66 «Террористический акт» и ст. 213.3 «Терроризм» УК РСФСР 1960 г. Как видим, отечественный и чехословацкий законодатели разделяли понятия «террор», «терроризм», «террористический акт», давая достаточно четкие формулировки, однако вкладывали в их содержание несколько разный смысл. Так, согласно §93 «Террор» УК ЧССР: «Кто с намерением нанести ущерб социалистическому общественному и государственному строю Республики умышленно убивает другое лицо или пытается это сделать, наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до пятнадцати лет или смертной казнью»¹. И §93а: «Кто с целью отговорить другого человека от активного участия в решении задач социалистического общества или сделать такую деятельность невозможной наносит тяжкий вред чьему-либо здоровью, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет»². Таким образом, учитывая расположение данных составов в Главе 1 «Преступления против Республики» УК ЧССР, мы можем говорить о наличии двух объектов уголовно-правовой охраны – государственного строя и жизни, здоровья человека. Получается, что по своей сути, террор с точки зрения словацкого законодательства есть разновидность преступления против жизни и здоровья, совершенного с особым мотивом и особой целью дестабилизации, причинения ущерба общественному и государственному строю Республики.

Аналогичный состав в УК РСФСР 1960 г. назывался «Террористический акт» (ст. 66 УК РСФСР) и предусматривал также две формы его проявления: убийство государственного или общественного деятеля либо представителя власти, совершенное по политическим мотивам (ч.1 ст. 66 УК РСФСР) и причинение этим лицам тяжкого телесного повреждения (ч. 2 ст. 66 УК РСФСР). Как видим, речь идет о совершении указанных действий в отношении не любого лица (как в УК ЧССР), а в отношении исключительно государственного или общественного деятеля, либо представителя власти. При этом, состав террористического акта в УК РСФСР, также как и состав террора в УК ЧССР, рассматривался в качестве государственного преступления (Глава 1. Государственные преступления).

Что же касается понятия «терроризм», то ответственность за него была предусмотрена §94 УК ЧССР: «Тот, кто намеревается серьезно запугать население, серьезно дестабилизировать или разрушить конституционный, политический, экономический или социальный порядок страны или международной организации или заставить правительство страны или международной организации действовать или воздерживаться от действий, угрожает совершить или умышленно совершает особо тяжкое преступление, ставит под угрозу жизнь, здоровье, личную свободу или имущество людей либо незаконно изготавливает, приобретает, владеет, удерживает, перевозит, поставяет или иным образом использует взрывчатые, ядерные, биологические или химические вещества, оружие или осуществляет незаконные исследования и разработки такого оружия или оружия, запрещенного законом или международным

¹ Смертная казнь была отменена в Словакии в 1990 г., заменена на пожизненное лишение свободы.

² Trestný zákon č. 140/1961. - [Электронный ресурс]. – URL: www.zakonypreludi.sk – (Дата обращения: 12.04.2024 г.).

договором, наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до пятнадцати лет или смертной казнью с конфискацией имущества» [2].

Согласно ст. 213.3 УК РСФСР «Терроризм – это совершение в целях нарушения общественной безопасности либо воздействия на принятие решений органами власти взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, а равно наступления иных тяжких последствий».

Исходя из вышеизложенного, можем сделать вывод о том, что в период действия УК ЧССР 1961 г. и УК РСФСР 1960 г. появляются такие дефиниции, как «террор», «терроризм», «террористический акт», которые по сравнению с современным звучанием имеют совершенно иной смысл [3, с. 31–33]. При этом, если соотнести используемые чехословацким и российским законодателями понятия, то мы можем увидеть, что понятие «террор» (УК ЧССР) близко к понятию «террористический акт» (УК РСФСР), в то время как словацкое понимание «террористического акта» созвучно с отечественным понятием «терроризм». В таком терминологическом хаосе, стоит ли удивляться тому, что до сих пор международное сообщество не выработало единого рабочего понятия терроризма?

Следующим этапом развития словацкого уголовного законодательства в сфере противодействия терроризму стал, так называемый, период «европеизации». Этот период, начавшийся с известных событий ноября 1989 г., именуемых в истории Бархатной революцией [3, с. 118], ознаменовался началом активной интеграции Словацкой Республики в международное сообщество, что неминуем повлекло необходимость реформирования всего законодательства, в том числе уголовного. С провозглашением 1 января 1993 г. Словакией своей независимости, процессы европейской интеграции стали политической реальностью. В то же время, несмотря на принятие 1 сентября 1992 г. Конституции Словацкой Республики [4], уголовное законодательство еще долгие годы было представлено УК ЧССР 1961 г. (вплоть до 2005 г.). Поэтому трансформация уголовно-правового противодействия терроризму происходила путем внесения изменений и дополнений в этот Уголовный закон.

Пожалуй, самое серьезное качественное изменение уголовного законодательства Словацкой Республики в сфере противодействия терроризму произошло в 2002 г., когда Европейский союз принял Рамочное решение «О борьбе с терроризмом» (далее – Решение)¹, которым обязал все государства-участники привести свое национальное законодательство в соответствие с теми требованиями, которые были обозначены в этом Решении. Главная задача, которая была поставлена перед государствами – криминализировать перечисленные в документе террористические преступления согласно своему внутреннему законодательству.

В указанном Решении был предложен следующий перечень деяний, которые следует рассматривать как террористические:

- 1) посягательства на жизнь человека, которые могут привести к смерти;
- 2) посягательства на физическую неприкосновенность человека;
- 3) похищение человека или захват заложника;
- 4) причинение значительных разрушений государственному или общественному объекту, транспортной системе, объекту инфраструктуры, включая информационную систему, стационарной платформе, расположенной на континентальном шельфе, общественному месту или частной собственности, которые могут поставить под угрозу жизнь человека или привести к крупным экономическим потерям;
- 5) захват воздушных судов или других средств общественного или грузового транспорта;
- 6) производство, владение, приобретение, транспортировка, поставка или применение оружия, взрывчатых веществ или ядерного, биологического или химического оружия, а также исследования и разработка биологического и химического оружия;

¹ Рамочное решение Совета от 13 июня 2002 года о борьбе с терроризмом – [Электронный ресурс] – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dec_framw/2002/475/oj (дата обращения: 12.04.2024)

7) выброс опасных веществ или возникновение пожаров, наводнений или взрывов, результатом которых является угроза жизни человека;

8) вмешательство в подачу воды, электроэнергии или любых других основных природных ресурсов или их перебои, результатом которых является угроза жизни человека;

9) угроза совершения любого из вышеуказанных действий.

Под воздействием этого Рамочного Решения закладываются основы уголовно-правовых мер противодействия терроризму, которые были сохранены в действующем Уголовном кодексе Словацкой Республики 2005 г., предусматривающим ответственность за следующие виды преступлений террористического характера:

- создание, подготовка и поддержка террористической группы (§ 297);
- террор (§ 313);
- захват заложника (§ 314);
- террористический акт (§ 419);
- некоторые формы участия в терроризме (§ 419b);
- финансирование терроризма (§ 419c);
- перемещение лица с целью осуществления террористической деятельности (§ 419d).

Указанные составы террористических преступлений расположены в разных главах УК СР, имеют разные объекты охраны, но объединены общей целью эффективного уголовно-правового реагирования на факты проявления терроризма в стране. Так, §297 «Создание, подготовка и поддержка террористической группы» расположен в Главе 6 «Преступления против общественной безопасности и против окружающей среды»: «Тот, кто создает или замышляет террористическую группу, является ее членом, действует в ней или поддерживает ее, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет». В учебной литературе разъясняется, что террористической группой признается группа в составе не менее трех лиц, существующая в течение определенного периода времени с целью совершения одного из преступных актов терроризма. Как отмечает профессор Ярослав Ивор: «Деятельность такой группы характеризуется слаженностью, однако при этом не обязательно должны быть формально определены роли всех членов, не обязательным является и наличие постоянного состава участников» [5, с. 271]. При этом, учитывая положения ч. 6 § 129 УК СР, «деятельность террористической группы означает умышленное участие в такой группе или иные умышленные действия с целью поддержания существования такой группы, или совершения такой группой преступных деяний террористической направленности. Под поддержкой террористической группы понимается умышленное действие, заключающееся в предоставлении финансовых или иных средств, услуг, сотрудничества или в создании иных условий для этой цели»¹.

Действующий УК СР практически не изменил оценку состава террора: как и в УК ЧССР 1961 г. это деяние рассматривается как преступление против Республики (Глава 7 «Преступления против Республики»). Само понимание террора также практически не отличается от ранее существующего. Согласно § 313 «Террор»: «Тот, кто с намерением нанести ущерб конституционному строю Республики умышленно убивает другое лицо или пытается это сделать, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от двенадцати до пятнадцати лет или пожизненному лишению свободы». Отметим лишь то, что в действующей редакции в качестве террора рассматривается только убийство или покушение на него, тогда как УК ЧССР сюда относил и причинение вреда здоровью. Таким образом, по сути, понимание террора с точки зрения словацкого Уголовного кодекса сводится к так называемому «террористическому убийству» или покушению на него. В учебной литературе дано разъяснение по поводу того, что следует относить к такому виду убийств: например, убийство представителя власти

¹ Trestný zákon č. 300/2005 // Zbierka zákonov č. 129/2005 strana 3002.

Словацкой Республики или иностранного государства, но, как и прежде, это может быть абсолютно любое лицо, главное – это то, чтобы убийство или покушение на жизнь этого человека способно было повлиять, причинить ущерб конституционному строю Словацкой Республики [6, с. 306].

Как известно, действующее российское уголовное законодательство изменило оценку этого деяния: если в УК РСФСР 1960 г. оно рассматривалось как террористический акт, то в настоящее время в ст. 277 УК РФ предусмотрена самостоятельная ответственность за покушение на жизнь государственного или общественного деятеля. Это деяние, безусловно, рассматривается отечественным законодателем в качестве преступления террористического характера, но, тем не менее, не сводится к террористическому акту, как это было в УК РСФСР 1960 г.

Помимо вышерассмотренного § 313 УК СР, словацкое уголовное законодательство как проявление террора квалифицирует еще и захват заложника: § 313 УК СР и § 314 УК СР (предусматривающий ответственность за захват заложника) объединены под общим названием «Террор». Объективная сторона захвата заложника традиционна: ответственности подлежит лицо, которое захватывает заложника и угрожает его убить или причинить вред здоровью с целью принудить к выполнению условий, наносящих ущерб конституционному строю Словацкой Республики.

Особенностью словацкого уголовного законодательства является то, что основной массив преступлений террористического характера расположен в Главе 12 «Преступления против мира, человечности, преступления терроризма, экстремизма и военные преступления», в отличие от российского сосредоточения схожих составов в Разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

Отметим, что эта часть уголовно-правового реагирования на террористические преступления претерпела в словацком Уголовном кодексе существенные изменения в связи с рассмотренным выше Рамочным Решением Европейского союза 2002 г., по итогам принятия которого Народная Рада Словацкой Республики 3 декабря 2009 г. одобрила поправки в УК СР (Закон 576/2009). Новая редакция § 419 «Террористический акт» предусматривала очень объемное описание объективной стороны, однако не меняла сущности понимания этого деяния.

Глобальные изменения антитеррористического уголовного законодательства были реализованы позже – в 2018 г. Закон 161/2018¹ не только дал новое, еще более расширенное понимание террористического акта, но и предусмотрел пять самостоятельных составов: § 419 «Террористический акт», § 419b «Некоторые формы участия в терроризме», § 419c «Финансирование терроризма», § 419d «Перемещение лица с целью осуществления террористической деятельности». Примечательно, что в этот список террористических преступлений попадает и § 419a «Участие в боевых действиях организованного вооруженного формирования на территории другого государства».

Итак, новая трактовка § 419 «Террористический акт» предусматривает ответственность лица, которое, действуя умышленно, намеревается «нанести ущерб конституционному строю или обороноспособности государства, разрушить основную политическую, экономическую или социальную структуру государства или международной организации, серьезно запугать население или заставить правительство государства или другой орган публичной власти или международной организации действовать, бездействовать или терпеть что-то»².

¹ Zakon z 15. mája 2018, ktorým sa mení a dopĺňa zákon č. 300/2005 Z. z. Trestný zákon v znení neskorších predpisov a ktorým sa menia a dopĺňajú niektoré zákony – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.slovlex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/2018/161/> (Дата обращения: 20.04.2024 г.).

² Criminal Law/ č. 300/2005 // Codex č. 129/2005 country 3002.

§ 419b «Некоторые формы участия в терроризме» по аналогии со ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности» предусматривает ответственность лица, публично подстрекающего к совершению любого преступного террористического акта или публично одобряющего любой преступный террористический акт.

Кроме того, ответственности по § 419b подлежат лицо, которое:

«а) приобретает знания о методах или технологиях, или приобретает навыки производства, хранения, перевозки или применения взрывчатых веществ, огнестрельного оружия, ядерного оружия, биологического оружия, химического оружия, ядерных материалов, радиоактивных веществ, химических веществ, биологических агентов и токсинов или других аналогичных вредных веществ или опасных веществ с целью совершения любого преступного террористического акта,

б) будет предоставлять знания о методах или технологиях производства, хранения, транспортировки или использования взрывчатых веществ, огнестрельного оружия, ядерного оружия, биологического оружия, химического оружия, ядерных материалов, радиоактивных веществ, химических веществ, биологических агентов и токсинов или других аналогичных вредных веществ или опасных веществ с целью совершения любого преступного террористического акта или

в) просит другое лицо совершить или участвовать в совершении любого из преступлений терроризма»¹.

Как известно, одним из обязательных критериев эффективной борьбы с терроризмом международное сообщество считает пресечение каналов финансирования террористических организаций [7, с. 286]. С этой целью в 1999 г. была принята Международная конвенция по борьбе с финансированием терроризма². Ее ратификация потребовала от словацкого законодателя соответствующего уголовно-правового реагирования: согласно § 419с «Финансирование терроризма» наказанию в виде лишения свободы на срок от пяти до пятнадцати лет подлежит лицо, которое лично или через другое лицо собирает или предоставляет, прямо или косвенно, предметы, средства для преступника-террориста, для террористической группы или ее члена или для совершения любого из уголовных преступлений террористической направленности, или собирает предметы, средства с намерением использовать их для такой цели или, зная, что они могут быть использованы для этой цели»³. При этом словацкий законодатель особо оговаривает ответственность тех, кто передает деньги, предметы, средства своему близкому лицу, которое участвует или участвовало в подготовке или совершении любого из уголовных преступлений терроризма. Подобное не исключает и даже не смягчает наказание которое в этом случае остается прежним.

Еще одна антитеррористическая уголовно-правовая норма – § 419d «Перемещение лица с целью осуществления террористической деятельности» предусматривает ответственность лица, выезжающего за пределы Словацкой Республики, либо въезжающего на ее территорию с целью совершения любого преступного террористического акта» [8, с. 210].

Подводя итог, отметим единую и схожую тенденцию развития уголовно-правового реагирования на преступления террористического характера со стороны словацкого и российского законодателя. Это, несомненно, явилось итогом широкой ратификации универсальных правовых документов о борьбе с терроризмом, которые являются важной частью уголовно-правовых мер противодействия терроризму. Хочется надеяться на то, что и в дальнейшем международное сотрудничество государств будет эффективным и плодотворным, что позволит решительно противостоять этой глобальной угрозе.

¹ Criminal Law/ č. 300/2005 // Codex č. 129/2005 country 3002.

² Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма. (Заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999 // Бюллетень международных договоров. 2003. № 5.

³ Criminal Law/ č. 300/2005 // Codex č. 129/2005 country 3002.

Список источников

1. Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Чехословацкая Республика / Под ред. М.А. Гельфера. – М.: Юрид. лит., 1957. 292 с.
2. Vybíral B. a kol. Doplnková skripta k učebnici Československé trestní právo. – Praha, 1962.
3. Валеева А. С. Разграничение понятий террор, терроризм, террористический акт // Российский следователь. 2012. № 14. С. 31–33.
4. Златопольский Д. Л. О конституциях стран Восточной Европы // Журнал российского права. 1998. № 2. С. 118–126.
5. Конституции государств Европы. Том 3 / Под ред. Л.А. Окунькова. М.: Норма, 2001.
6. Jaroslav Ivor a kolektiv. Trestne pravo hmotne / Vseobecna cast. Bratislava, 2010.
7. Горбунов Ю. С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему. М.: Молодая гвардия, 2008.
8. Ivor J., Klimek L., Zahora J. Trestne parvo Europskej unie a jeho vplyv yf pravny poriadok Slovenskej republiky. Zilina, 2013.

References

1. *Criminal legislation of foreign socialist states. Czechoslovak Republic*. M. A. Gelfer (ed.). Moscow; 1957. 292 p. (In Russ.)
2. Vybíral B. a kol. *Supplemental script to the Czechoslovak criminal law textbook*. Praha; 1962. (In Czech)
3. Valeeva A. S. Distinction between the concepts of terror, terrorism, terrorist act. *Russian investigator*. 2012;(14):31–33. (In Russ.)
4. Zlatopolsky D. L. About the constitutions of the countries of Eastern Europe. *Journal of Russian Law*. 1998;(2):118–126. (In Russ.)
5. *Constitutions of European states*. Volume 3. L.A. Okunkova (ed.). Moscow: Norma; 2001. (In Russ.)
6. Jaroslav Ivor and collective. *Punishly right materially. General cast*. Bratislava, 2010. (In Slovak)
7. Gorbunov Yu. S. *Terrorism and legal regulation of counteraction to it*. Moscow; 2008. 459 p. (In Russ.)
8. Ivor J., Klimek L., Zahora J. *Criminal law of the European Union and its influence on the legal order of the Slovak Republic*. Zilina, 2013. (In Slovak)

Информация об авторе

Н. Ю. Лазарева – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

N. Yu. Lazareva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 06.05.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 28.05.2024.

The article was submitted 06.05.2024; approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 28.05.2024.

Об уголовной ответственности за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля

Юлия Игоревна Исакова¹, Евгений Владимирович Миллеров²

^{1,2}Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

¹isakova.pravo@bk.ru

²evgenijj-millerov@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5611-8833>

Аннотация. В данной статье авторами поднимается проблема уголовно-правовой оценки посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля. Анализируется конструкция состава преступления, предусмотренного статьей 277 Уголовного кодекса Российской Федерации. В процессе юридического анализа вопросов правовой оценки вышеуказанного общественно опасного деяния подчеркивается, что основной проблемой в квалификации этого преступления является отсутствие нормативного закрепления определений терминам «государственный деятель» и «общественный деятель», что делает размытым круг потенциальных потерпевших по данному уголовно наказуемому деянию, в связи с чем, выдвинуто авторское предложение о дополнении указанной статьи Кодекса примечанием соответствующего содержания.

Ключевые слова: государство, деятель, дополнение нормы, квалификация, общество, посягательство, преступление, уголовно-правовая норма

Для цитирования: Исакова Ю. И., Миллеров Е. В. Об уголовной ответственности за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 138–144. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-138-144>. EDN OVNDJQ

Problems of Criminal and Procedural Law

Original article

On criminal liability for encroachment on the life of a state or public figure

Julia I. Isakova¹, Evgeny V. Millerov²

^{1,2}Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

²South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹isakova.pravo@bk.ru

²evgenijj-millerov@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5611-8833>

Abstract. In this article, the authors raise the issue of the criminal law assessment of an attack on the life of a state or public figure. The design of the elements of the offence provided for in article 277 of the Criminal Code of the Russian Federation is being analyzed. In the course of the legal analysis of the legal assessment of the above-mentioned socially dangerous act, it is emphasized that the main problem

in the classification of this crime is the lack of normative enshrinement of the definitions of the terms «statesman», and «public figure», which makes the range of potential losses on this criminal act vague, in connection with which, the author's proposal to supplement the said article of the Code with a note of the relevant content has been put forward.

Keywords: state, figure, supplement of norm, qualification, society, encroachment, crime, problems, ways of solution, criminal rule

For citation: Isakova Yu. I., Millerov E. V. On criminal liability for encroachment on the life of a state or public figure. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):138–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-138-144>. EDN OVNDJQ

Шокирующие факты в жизни нашего общества заставляют заново смотреть на те, или иные события, в том числе и на их уголовно-правовую оценку. В апреле текущего года было совершено покушение на жизнь губернатора Мурманской области Андрея Чибиса. Как известно, в тот день он посетил с рабочим визитом город Апатиты, а после встречи с жителями города в доме культуры, при выходе, на него напал гражданин и ударил ножом, после чего попытался скрыться, но был задержан сотрудниками правоохранительных органов и впоследствии, после возбуждения в отношении него уголовного дела, заключен под стражу, что в качестве меры пресечения в данной ситуации, учитывая сам характер, общественную опасность деяния и личность преступника (ранее судим за насильственные преступления) абсолютно логично. Для А.В. Чибиса благодаря профессионализму врачей все закончилось благополучно, он был экстренно доставлен в местную больницу, прооперирован и благо, пошел на поправку. Исходя из официальных СМИ, мотивом действий преступника были личные неприязненные отношения к губернатору, хотя нападавший даже не был с ним лично знаком¹. Безусловно, сотрудники Следственного комитета РФ в деталях всего произошедшего, в том числе и истинных мотивах действий этого гражданина объективно разберутся, тем более, что возбужденное уголовное дело по поручению председателя СК России А.И. Бастрыкина для дальнейшего расследования принято к производству следователями центрального аппарата данного ведомства.

Как известно, уголовное дело по факту нападения на губернатора Мурманской области возбуждено по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, то есть как покушение на убийство лица в связи с осуществлением им служебной деятельности².

Согласно разъяснениям, данным в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1, действия по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицируются, когда целью преступника является воспрепятствование дальнейшей правомерной служебной деятельности или месть указанному лицу за осуществление таковой. Под служебной деятельностью, применительно к данной уголовно-правовой норме, согласно дальнейшим разъяснениям Верховного Суда РФ следует понимать деятельность, входящую в компетенцию лица, исходя из заключенного с ним трудового договора (контракта) государственного, муниципального и даже частного или иного законно функционирующего предприятия либо организации, не зависимо от формы собственности³.

В данной ситуации уголовно-правовая оценка по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, причем и квалификация покушения на такое убийство, как в случае с губернатором Мурманской области (ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ), вступает в явную конкуренцию со ст. 277 УК РФ,

¹ Михайлов А. После покушения губернатор Мурманской области. Андрей Чибис идет на поправку // Российская газета / 07.04.2024 - <https://rg.ru>.

² Кошкин В. СК РФ показал видео с места нападения на губернатора Мурманской области Чибиса // Российская газета / 05.04.2024 - <https://rg.ru>.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «Консультант Плюс».

которая предусматривает уголовную ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля. В некоторых научных трудах в отношении обоих видов деятелей применяются единый термин – субъекты власти [1, с. 118].

Ознакомление с официальной статистикой говорит о том, что за последние пять лет (с 2019 по 2023 год включительно) российскими судами уголовных дел по ст. 277 УК РФ не рассматривалось¹, поэтому проанализировать современную судебную практику по данному составу преступления возможности не имеется.

В криминологическом аспекте в некоторых исследованиях данный состав преступления относят к насильственной преступности в целом, при этом также отмечается присутствие доля социально-экономических, политических и даже духовно-нравственных факторов. В качестве специфического фактора данного преступного деяния (ст. 277 УК РФ) называется неспособность государства в обеспечении безопасности и легитимности оборота оружия [2, с. 59], что не является, на наш взгляд, бесспорным.

Поскольку ст. 277 УК РФ расположена в главе 29 УК РФ раздела X данного Кодекса, то абсолютно очевидно, что законодатель, определяя место данному составу преступления в Особенной части УК РФ, в качестве родового объекта его уголовно-правовой охраны определил общественные отношения в сфере реализации государственной власти, а видовым объектом – общественные отношения, складывающиеся в сфере защиты основ конституционного строя и безопасности государства. Однако нельзя не отметить, что встречаются научные труды, в которых авторами выражается мнение о том, что данное преступление правильнее относить к общественно опасным деяниям террористической направленности [3, с. 126].

Сегодня опубликован целый ряд научных статей разных авторов, посвященных вопросам сравнительно-правового характера и разграничения ст. 205 и ст. 277 УК РФ. Не углубляясь в детали этого вопроса, лишь отметим, что касаясь данной проблемы нам импонирует позиция некоторых из них, например, И.А. Тихонина [4, с. 512].

Диспозиция ст. 277 УК РФ в качестве общественно опасного деяния в рамках данной уголовно-правовой нормы предусматривает посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность. В статье нет примечания, где бы раскрывалось понятие государственного или общественного деятеля применительно к данной норме, либо в какой-либо иной норме УК РФ, которая бы предусматривала такие определения, а ведь здесь имеют место, как справедливо подчеркивается исследователями в области уголовного права, «особые характеристики потерпевшего» [5, с. 327].

Проблему отсутствия официального нормативного определения имеющимся в диспозиции ст. 277 УК РФ терминам «государственный деятель» и «общественный деятель», отмечают в своих трудах и другие авторы, предлагая в свою очередь заменить эту терминологию в указанной уголовно-правовой норме на единый общий термин «политический деятель» [6, с. 234]. Однако применение такой терминологии тоже видится чрезмерно размытым. Представляется, что для решения этой проблемы наиболее оптимальным вариантом является дополнение ст. 277 УК РФ примечанием, в котором закрепить определение терминам «государственный деятель» и «общественный деятель» применительно к данному составу преступления.

Поскольку круг лиц, на которых может быть осуществлено посягательство, предусмотренное ст. 277 УК РФ не имеет строго очертания, то, не может не возникать вопрос, о том, относится ли к этому кругу должность губернатора субъекта РФ.

¹ Уголовное судопроизводство // Судебная статистика РФ / «Агентство правовой информации» - <https://sudstat.ru/>

Согласно Сводному перечню государственных должностей РФ, утвержденному одним из указов Президента РФ, такая должность как «Руководитель высшего государственного органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации» находится в данном перечне, наряду с должностью Президента РФ, Председателя Правительства РФ, его заместителями, федеральными министрами и другими должностями федерального уровня¹. К слову, Перечень типовых государственных должностей субъектов РФ начинается с должности первого заместителя высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта РФ².

Однако утвердительно констатировать о том, что человек, занимающий такую должность, явно относится к числу потенциальных потерпевших от преступного деяния, предусмотренного ст. 277 УК РФ нет возможности по причине обозначенной нами выше, а именно отсутствия определения вышеуказанного термина применительно к данному составу преступления.

Вместе с тем, справедливости ради нельзя не отметить, что некоторые исследователи-правоведы, анализируя проблемы квалификации деяний по ст. 277 УК РФ, выдвигают авторское определение термину «государственный деятель», как раз основываясь на вышеуказанных перечнях государственных должностей РФ и государственных должностей субъектов РФ [7, с. 196].

Говоря о проблемах определения перечня лиц, относимых к числу потерпевших для уголовно-правовой оценки посягательства по ст. 277 УК РФ, вместе с тем, не вызывает сомнения, что к их числу следует относить Президента РФ, исходя из значимости его фигуры в государственной и политической деятельности страны. По этому поводу хочется отметить, что в уголовных кодексах целого ряда стран СНГ за посягательство на Президента предусмотрены отдельные уголовно-правовые нормы. Так, например, за посягательство на жизнь Президента Казахстана предусмотрена уголовная ответственность ст. 178 УК РК³. В Туркменистане посягательство на Президента данного государства разделено ст. 188 УК Туркменистана на два вида: посягательство на его жизнь и здоровье (часть 1); оскорбление или клевета в отношении него (часть 2)⁴. В уголовном законе Узбекистана (ст. 158) посягательство на Президента данной страны имеет три разновидности: посягательство на его жизнь (часть 1); умышленное причинение ему телесного повреждения (часть 2); публичное оскорбление или клевета (часть 3)⁵. В свою очередь ст. 342 УК Республики Молдова предусматривает уголовную ответственность за покушение на жизнь Президента Молдовы либо Председателя Парламента или премьер-министра данного государства⁶. Возможно, о введении отдельной уголовно-правовой нормы, защищающей жизнь и здоровье Президента РФ, стоит задуматься и российским законодателям.

Некоторые авторы, относительно отсутствия нормативного определения терминам «государственный деятель» и «общественный деятель», считают, что в случае квалификации

¹ Указ Президента РФ от 11.01.1995 № 32 (ред. от 26.10.2023) «О государственных должностях Российской Федерации» // ЭПС «Гарант».

² Указ Президента РФ от 04.12.2009 № 1381 (ред. от 05.10.2015) «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации» // ЭПС «Гарант».

³ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 г. № 226-V (с изм. на 01.05.2024 г.) // ИС «Континент» - <https://continent-online.com>.

⁴ Уголовный кодекс Туркменистана от 12.06.1997 г. № 222-I (с изм. на 25.11.2023 г.) // ИС «Континент» - <https://continent-online.com>.

⁵ Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. № 2012-XII (с изм. на 19.04.2024 г.) // ИС «Континент» - <https://continent-online.com>.

⁶ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 г. № 985-XV (с изм. на 24.11.2023 г.) // ИС «Континент» - <https://continent-online.com>.

действий по ст. 277 УК РФ правоприменитель сталкивается с оценочным признаком, а определяющим в оценке потерпевшего по данному составу является даже не столько его должностное или общественное положение, сколько сам характер служебных функций, активность и масштабность их осуществления, значимость для внутренней и внешней политики государства [8, с. 66]. Такой довод вполне логичен касаясь толкования ст. 277 УК РФ в сегодняшней редакции, однако, на наш взгляд, оценочная природа не самый удачный вариант для конструкции данной уголовно-правовой нормы, что вновь наталкивает нас на выдвижение предложения о дополнении статьи вышеуказанным примечанием.

Ключевую роль в объективной стороне данного преступления играет посягательство. Законодатель в диспозиции ст. 277 УК РФ не раскрывает детали и границы этого действия в отношении государственного или общественного деятеля. Однако разъясняя вопросы квалификации ст. 317 УК РФ, предусматривающей, как известно, уголовную ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего и иных лиц, перечисленных в диспозиции этой статьи, Верховный Суд РФ в одном из своих постановлений Пленума (от 01.06.2023 № 14, п. 5), под данным посягательством понимает «...убийство или покушение на убийство таких лиц»¹. Представляется, что аналогично следует толковать и посягательство применительно к ст. 277 УК РФ. В некоторых научных трудах предлагается заменить в названии ст. 277 УК РФ слово «посягательство» на словосочетание «причинение вреда здоровью или убийство», при этом разделить норму на две части, где в части первой предусмотреть уголовную ответственность за умышленное причинение вреда здоровью государственному или общественному деятелю, а во второй части за его убийство [9, с. 1361], что нам представляется не совсем удачным.

Уголовная ответственность по ст. 277 УК РФ наступает с 14-летнего возраста, поскольку данная норма указана в числе составов преступлений, по которым ответственность наступает именно с 14-ти лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ). Отметим, что уголовная ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего предварительное расследование или отправляющего правосудие (ст. 295), равно как и ответственность за посягательство, упомянутое выше (ст. 317), наступает с 16-ти лет.

Для наличия интересующего нас состава преступления обязательным является признак субъективной стороны этого состава, а именно цель совершения деяния (прекращение государственной или иной политической деятельности человеком, являющимся государственным или общественным деятелем) либо мотив (месть такому лицу за указанную деятельность). В этой связи заслуживает поддержки мнение авторов, подчеркивающих, что указанные в диспозиции виды деятельности, на прекращение которых нацелено посягательство, предусмотренное ст. 277 УК РФ, преимущественно носят внутригосударственный характер и осуществляются российскими государственными или общественными деятелями. Даже, когда такая деятельность российских политиков содержит международный характер, то она все равно подпадает под деятельность в контексте диспозиции указанной нормы, поскольку осуществляется от имени и в интересах России [10, с. 30].

Таким образом, основной проблемой в уголовно-правовой оценке действий лиц по ст. 277 УК РФ является отсутствие законодательно предусмотренных определений терминам «государственный деятель» и «общественный деятель», что требует устранения данного нормотворческого пробела. Наиболее оптимальным решением данной проблемы нами видится закрепление определений вышеуказанным терминам путем дополнения ст. 277 УК РФ соответствующим примечанием.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

Список источников

1. Палий В. В. Объект преступлений, предусмотренных ст.277, 278 и 279 УК РФ: проблемы систематизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12 (52). С.113-120.
2. Капинус О. С., Неделин И. Г. Детерминанты посягательств на жизнь государственных или общественных деятелей: общее и частное // Современное право. 2008. № 6-1. С. 54–59.
3. Набиев М. А. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст.277 УК РФ) как преступление террористической направленности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 6 (50). С. 122–126.
4. Тихонин И. А. Разграничение террористического акта и посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 508–515.
5. Петрищев А. О. Государственный или общественный деятель как признак потерпевшего при совершении преступления, предусмотренного статьей 277 УК РФ: особенности квалификации // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования. Сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции. В 2-х томах. Курск, 2021. С. 326–330.
6. Воронин В. Н. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля: проблемы конструирования нормы // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2017. № 4. С. 232–236.
7. Дегтерев А. А. Государственный или общественный деятель: уголовно-правовое понятие // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 5 (114). С. 188–198.
8. Решетников А. Ю. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля как частный случай криминализации неоконченного преступления // Legal Bulletin. 2018. Т. 3. С. 61–71.
9. Агузаров Т. К. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля: спорные вопросы толкования признаков состава // Lex Russica (Русский закон). 2012. Т. 71. № 6. С. 1342–1361.
10. Дробот С. А., Куличков А. А. Соотношение преступлений, предусмотренных ст. 360 УК РФ и ст. 205, 213, 277 УК РФ // Уголовное право. 2016. № 1. С. 23–30.

References

1. Paliy V. V. The object of crimes under Articles 277, 278 and 279 of the Criminal Code of the Russian Federation: problems of systematization. *Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA)*. 2018;12(52):113–120. (In Russ.)
2. Kapinus O. S., Nedelin I. G. Determinants of encroachments on the life of state or public figures: general and private. *Modern law*. 2008;(6-1):54–59. (In Russ.)
3. Nabiev M. A. Encroachment on the life of a state or public figure (Article 277 of the Criminal Code of the Russian Federation) as a terrorist crime. *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. 2015;6(50):122–126. (In Russ.)
4. Tikhonin I. A. The distinction between a terrorist act and an attack on the life of a state or public figure. *Issues of Russian justice*. 2022;(21):508–515. (In Russ.)
5. Petrishchev A. O. A state or public figure as a sign of a victim in the commission of a crime under Article 277 of the Criminal Code of the Russian Federation: features of qualification. In: *"State and law: problems and prospects for improvement". Collection of scientific papers of the 4th International Scientific Conference*. In 2 volumes. Kursk; 2021:326–330. (In Russ.)
6. Voronin V. N. Encroachment on the life of a statesman or public figure: problems of norm construction. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2017;(4):232–236. (In Russ.)

7. Degterev A. A. A statesman or a public figure: a criminal law concept. *Actual problems of Russian law*. 2020;15(5(114)):188–198. (In Russ.)
8. Reshetnikov A. Yu. Encroachment on the life of a state or public figure as a special case of criminalization of an unfinished crime. *Legal Bulletin*. 2018;(3):61–71. (In Russ.)
9. Aguzarov T. K. Encroachment on the life of a statesman or public figure: controversial issues of interpretation of the signs of composition. *Lex Russica (Russian Law)*. 2012;71(6):1342–1361. (In Russ.)
10. Drobot S. A., Kulichkov A. A. The ratio of crimes provided for in Articles 360 of the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 205, 213, 277 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Criminal law*. 2016;(1):23–30. (In Russ.)

Информация об авторах

Ю. И. Исакова – доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета «Юридический» ДГТУ.

Е. В. Миллеров – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права ЮРИУ РАНХиГС; доцент кафедры «Уголовное право и публично правовые дисциплины» ДГТУ.

Information about the authors

Yu. I. Isakova – Dr. Sci. (Sociology), Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Dean of the Faculty of Law of Don State Technical University.

E. V. Millerov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Procedural Law of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines of Don State Technical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.05.2024; одобрена после рецензирования 03.06.2024; принята к публикации 04.06.2024.

The article was submitted 16.05.2024; approved after reviewing 03.06.2024; accepted for publication 04.06.2024.

Публичное правонарушение как предмет правоохранительной деятельности

Юрий Борисович Чупилкин

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
chupilkin2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7728-5903>

Аннотация. В статье рассматривается содержание правоохранительной деятельности в сфере публично-правового регулирования. Обосновывается функциональная обусловленность правоохранительной деятельности публичными интересами. Содержание публичного интереса дополнено понятием «охраняемые законом ценности». Дано определение понятию «публичное правонарушение». Аргументируется вывод, что предметом правоохранительной деятельности является публичное правонарушение.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, публичное правонарушение, публичный интерес, сфера публичного права, юридическая ответственность

Для цитирования: Чупилкин Ю. Б. Публичное правонарушение как предмет правоохранительной деятельности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 145–151. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-145-151>. EDN PAJMJN

Problems of Criminal and Procedural Law

Original article

Public offense as a subject of law enforcement activity

Yurii B. Chupilkin

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia,
chupilkin2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7728-5903>

Abstract. The article examines the content of law enforcement activities in the field of public legal regulation. The functional dependence of law enforcement activities on public interests is substantiated. The content of public interest is supplemented by the concept of “legally protected values”. A definition of the concept of “public offense” is given. The conclusion is argued that the subject of law enforcement activity is a public offense.

Keywords: law enforcement, public law, public interest, public offense, legal responsibility

For citation: Chupilkin Yu. B. Public offense as a subject of law enforcement activity. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):145–151. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-145-151>. EDN PAJMJN

Обоснование общности разных видов деятельности, включаемых в состав понятия «правоохранительная деятельность», связано с применением различных подходов к их классификации, чему посвящены многочисленные научные труды.

Однако накопленные знания еще не привели к общепризнанному результату. Не всегда в научных исследованиях соблюдаются правила и законы методологии научного познания, что приводит к недостоверности полученного научного знания. На это допускаемое

в исследованиях правоохранительной деятельности обстоятельство обращает внимание в юридической литературе. Наличие методологических ошибок, допускаемых в исследованиях правоохранительной деятельности, проявляется, в частности, в несоблюдении требования к избираемому критерию [1, с. 49].

Методы обоснования научного знания имеют определяющее значение в построении системы научных знаний. Исследование содержания понятия «правоохранительная деятельность», его структуры, соотношения составляющих его элементов, должно осуществляться в соответствии с теоретическими основами методологии познания, позволяющими обнаружить детерминированные зависимости между элементами понятия.

Традиционно выделяемые признаки правоохранительной деятельности позволяют достаточно условно объединять разные органы ее осуществляющие. Такими признаками содержания понятия «правоохранительная деятельность» в научных исследованиях приводятся следующие: принуждение к исполнению требований норм права [2, с. 89, 90], исследование обстоятельств деяний, в которых обнаруживаются признаки правонарушений [3, с. 73, 74]; расследование и разрешение в установленном порядке конкретных дел о нарушении правовых норм [4, с. 64–70]; охрана права специально уполномоченными органами путем применения юридических мер воздействия [5, с. 3–5]; пресечение нарушений правопорядка, восстановлению правового порядка и применению мер юридической ответственности к нарушителям правопорядка [6, с. 66, 179.]; выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие, расследование правонарушений [1, с. 51] и др.

При всем многообразии определений правоохранительной деятельности все подходы к ее содержанию связаны с фактом противоправного деяния (правонарушения), дополняемого предупреждением правонарушений. Однако такая очевидная, по сути, констатация недостаточна для конкретизации содержания правоохранительной деятельности ввиду многообразия видов правонарушений и сфер правового регулирования, в которых они совершаются.

Главной характеристикой деятельности является ее предметность. Основное, что различает одну деятельность от другой, отмечает А. Н. Леонтьев, состоит в различии их предметов. Ведь именно предмет деятельности и придает ей определенную направленность» [7, с. 104]. Из приведенного тезиса известного ученого следует суждение: общность предмета деятельности объединяет виды направленной на него деятельности.

Правоохранительная деятельность, являясь реагированием на правонарушение, детерминирована правонарушением. Так, при совершении уголовно наказуемого правонарушения (преступления) прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель, случае обнаружения признаков преступления, принимают предусмотренные меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (часть 2 ст. 21 УПК РФ).

Эта норма в юридической науке рассматривается как принцип публичности в уголовном процессе [8, с. 121–122]. Однако, публичность, как принцип уголовного процесса, в УПК РФ не закреплена.

Принцип публичности, как основа деятельности, характерен и для производства по делам об административных правонарушениях, но и в КоАП РФ он также отсутствует. Как справедливо отмечает М.Т. Аширбекова, «публичность равным образом характеризует сущность уголовного судопроизводства, как, к примеру, и сущность административного процесса» [9, с. 6].

Проявление публичности в уголовном процессе и производстве по делам об административном правонарушении А. С. Барабаш и Н. Н. Цуканов объясняют очевидной родственностью этих видов процессуальной деятельности [10, с. 248–249].

Публичный характер правоохранительной деятельности в сфере уголовного и административного судопроизводства обуславливает общность метода процессуально-правового регулирования этой деятельности.

Основу процессуального проявления принципа публичности составляет его материальный компонент, которым определяется публично-правовая природа правоохранительной деятельности. Содержание материального компонента публичности в праве определяется критерием «публичный интерес», определяемый как общесоциальный интерес [11, с. 76]; как общезначимые (публичные) интересы, интересы общества, государства в целом [12, с. 358]; как жизненно необходимое состояние больших социальных групп [13, с. 25]; как общественные интересы, признанные государством и урегулированные (обеспеченные) правом [14, с. 92, 95, 99] и др. Основными формами публичного интереса при его классификации выделяют интересы общества, интересы государства, национальные интересы.

Обусловленность публичным интересом правоохранительной деятельности в уголовной и административной сферах отмечается в отраслевых научных исследованиях.

Так, Л. Н. Масленникова определяет публичный интерес в сфере уголовного судопроизводства его системообразующим элементом [15, с. 9]. Общественное осознание публичных интересов, отмечает А. С. Емельянов, выступило базовой предпосылкой зарождения административного права [16, с. 48]. Дополним этот тезис утверждением о том, что в настоящее время публичные интересы выступают базовой основой административного права.

Легальное определение понятия «публичный интерес» отсутствует в законодательстве. Верховный Суд РФ разъяснил, что под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды¹.

В этом определении указываются одна из основных форм публичного интереса, потребность в его защите, но отсутствует само содержание публичного интереса.

Полагаем, что определение конкретного содержания публичного интереса, ввиду оценочного характера этого понятия, вряд ли возможно. Следует также учитывать, что на формирование публичных интересов, интересов государства и общества в целом оказывают влияние многочисленные факторы, в том числе и связанные с развитием общественных отношений.

На современном этапе общий подход к содержанию публичного интереса получает развитие в отраслевом правовом регулировании. Так, Федеральным законом от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» введено понятие «охраняемые законом ценности». К ним отнесены: жизнь, здоровье людей, нравственность, права и законные интересы граждан и организаций, непричинение вреда (ущерба) животным, растениям, окружающей среде, обороне страны и безопасности государства, объектам культурного наследия, иные охраняемые законом ценности (ст. 5 Закона).

Тем самым законодательно признана необходимость системной защиты охраняемых законом ценностей. Их защищенность признана целью и конечным общественно значимым результатом госконтроля [17, с. 7]. Разделяя такую оценку законодательной новации, полагаем, что охраняемые законом ценности, конкретизируя содержание публичного интереса, составляют назначение не только органов государственного надзора и муниципального контроля, но и всех специальных правоохранительных органов.

Необходимость в защите публичного интереса и охраняемых законом ценностей возникает, как отмечалось, в случае правонарушения. В широком смысле правонарушение – это антиобщественное деяние, причиняющее вред и караемое по закону. Оно объединяет гражданские, административные, дисциплинарные и, наиболее опасный вид, уголовные правонарушения [18].

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (Пункт 75) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602

Главным критерием видовой идентификации правонарушений является общественная опасность. В юридической науке этот признак рассматривается и как универсальный, присущий всем правонарушениям, и как присущий только преступлениям.

Законодатель, как известно, закрепляет признак общественной опасности только в легальной дефиниции преступления (ст. 14 УК РФ), тогда как в легальном определении административного правонарушения (ст. 2.1 КоАП РФ) он отсутствует. Это порождает различающиеся суждения исследователей об общественной опасности непроступных правонарушений.

Определенность в этом вопросе имеет особое научно-теоретическое значение для формирования теоретических основ предмета правоохранительной деятельности. Многочисленные научные исследования, посвященные соотношению уголовных и административных правонарушений, направлены преимущественно на выявление различий между ними по степени их вредности и опасности для общественных отношений.

Разграничение в праве правонарушений по степени их общественной опасности на преступления (уголовно наказуемые противоправные деяния) и проступки (административные, гражданско-правовые, дисциплинарные, материальные) обусловило различные подходы исследователей к предмету правоохранительной деятельности.

Так, по мнению Н. В. Витрука, отождествление правоохранительной деятельности с деятельностью по выявлению преступлений и лиц, их совершивших, по охране порядка в общественных местах и т.п. является упрощенным пониманием ее сущности [19, с. 111].

Полагаем, что дело не в упрощенном подходе к пониманию правоохранительной деятельности, а в критериальности избранного подхода. Рассмотрение назначением правоохранительной деятельности охрану права охватывает, тем самым, все виды правонарушений, т.е. уголовные, административные и гражданско-правовые.

Современное признание отечественной юриспруденцией дуализма права основанного на разграничение права на публичное и частное, которые представляют «качественно разные области правового регулирования, и что развитое право только и может существовать и развиваться при наличии двух соответствующих сфер – публичного и частного права» [20, с. 162–164], следует учитывать при исследовании правоохранительной деятельности.

Регулирование публичным правом общественных отношений связанных с обеспечением общего (публичного) интереса, отличающее его от права частного, регулирующего область «частных дел (организацию гражданского оборота, отношения, связанные с осуществлением права частной собственности др.), обуславливает необходимость особой охраны публичного права.

Ответственность за совершение уголовных и административных правонарушений, справедливо отмечает О. Г. Пивоварова, носит общеохранительный характер [21, с. 63].

Совершаемость правонарушений в сфере публично-правового регулирования – публичных правонарушений, требует от государства эффективной защиты личности, общества и государства от этих посягательств.

Вопрос о характере опасности видов публично-правовых правонарушений – уголовных и административных, является предметом многочисленных научных дискуссий. Речь идет об определении критериев, позволяющих оценить характер и степень опасности преступления, правонарушения и проступка.

В немногочисленных исследованиях правонарушений в публичном праве высказаны мнения, что «общественная опасность» является необходимой для характеристики всех видов правонарушений и отличия правонарушений от преступлений [22, с. 4–5]; «любое правонарушение публично по своей сущности, т.к. его последствия носят публичный и общесоциальный характер, а не замыкаются на интересах отдельно взятой личности» [23, с. 37].

Применительно к первому тезису выскажем мнение, что дифференциация интереса в праве на публичные и частные позволяет рассматривать общественно опасными только те противоправные деяния, которые посягают на публичные интересы.

По позиции о публичном характере публично-правовых и частноправовых правонарушений приведем следующее мнение Е. В. Кобзевой: «Разной может быть лишь степень очевидности нарушения таких интересов. Для отраслей публичного права это более очевидно, для отраслей частного права менее очевидно, поскольку на поверхности лежит нарушение интересов частных лиц, а общественные интересы отходят на второй план» [24, с. 56].

Признаком, присущим публичному правонарушению и отличающим его частноправового правонарушения, является общественная опасность. Общественная опасность нами рассматривается как универсальный признак, присущий только публичным правонарушениям – уголовным, административным, при различии между ними степени опасности.

Между публичными интересами и правоохранительной деятельностью – в значении деятельности специальных органов государства по борьбе (противодействию) с правонарушениями, существует функциональная зависимость, состоящая в том, что нарушение закрепленных в законе публичных интересов – совершение публичного правонарушения, ввиду его общественной опасности, инициирует осуществление правоохранительной деятельности.

Публичное правонарушение можно определить как виновно совершенное противоправное деяние, представляющее общественную опасность и наносящее вред охраняемым законом публичным интересам и ценностям за которое охранительными нормами права предусмотрены меры воздействия. Предложенный подход к определению публичного правонарушения интегрирует наиболее существенные общие признаки отдельных его видов, которые выделяют в определениях уголовных правонарушений (преступлений) [25, с. 117–123], и правонарушений административных (проступков) [26, с. 28].

Предметом правоохранительной деятельности специальных органов государства, таким образом, являются правонарушения в сфере публичного права – публичные правонарушения. Выделение публично-правовой сферы осуществления правоохранительной деятельности и определение предметом деятельности специальных органов государства публичные правонарушения позволяет исследовать деятельность следственных, оперативно-розыскных и контрольно-надзорных органов с позиции целостности, выражающей в своей совокупности их единство и взаимосвязь.

Список источников

1. Амирбеков К. И. Правоохранительная деятельность и правоохранительный орган: понятие и критерии разграничения // Российская юстиция. 2017. № 4. С. 48–51.
2. Самощенко И. С. О правовых формах осуществления функций Советского государства // Советское государство и право. 1956. № 3. С. 81–91.
3. Алексеев С. С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1963. Вып. 1. 203 с.
4. Байтин М. И. Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. М., 2005. 416 с.
5. Правоохранительные органы. Под ред. К.Ф. Гуценко, М.А. Ковалева. М., 2010. 400 с.
6. Артемьев А. М. Государственная правоохранительная служба: системные свойства, функции, правовое обеспечение: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008.
7. Леонтьев А. Н. Проблемы деятельности в психологии // Вопросы философии. 1972. № 9. С. 95–108.
8. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Под ред. П.А. Лупинской. М. «Юрист». 2001. 696 с.
9. Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2009.
10. Барабаш А. С., Цуканов Н. Н. Особенности проявления публичности в уголовном процессе и в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 3 (32). С. 244–249.
11. Тихомиров Ю. А. Административное усмотрение и право // Журнал российского права. 2000. № 4. С. 70–79.

12. Теория государства и права/ под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. 672 с.
13. Тотьев К. Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве // Государство и право. 2002. № 9. С. 19–25.
14. Кряжков А. В. Публичный интерес: понятие, виды и защита // Государство и право. 1999. № 10. С. 91–99.
15. Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2000.
16. Емельянов А. С. Публичный интерес и генезис административного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 14. № 5. С. 48–76.
17. Южаков В. Н. Насколько защищены охраняемые законом ценности? // Государственная служба. 2021. № 2 (130). С. 6–15.
18. Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. 415с.
19. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. М., Норма. 2009. 431 с.
20. Алексеев С. С. Восхождение к праву. М.: Норма, 2001. 752 с.
21. Пивоварова О. Г. Некоторые вопросы межотраслевого применения юридической ответственности // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2010. № 2–2. С. 63–66.
22. Галузин А. Ф. Правонарушения в публичном и частном праве: Общая характеристика: дис. ... канд. юр. наук. Саратов. 1996.
23. Хачатуров Р. Л. Публичноправовые и частноправовые правонарушения // Балтийский гуманитарный журнал. 2013. №2. С. 36–37.
24. Кобзева Е. В. Развитие научных взглядов на межотраслевую дифференциацию юридической ответственности в общей теории права// Право. Законодательство. Личность. 2018. № 2(27). С. 47–61.
25. Горшенков Г. Н. Ценностное понятие преступления // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 2. С. 117–123.
26. Головкин В. В. Правонарушение как фактическое основание административной ответственности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2007. № 1 (25). С. 24–29.

References

1. Amirbekov K. I. Law enforcement activity and law enforcement agency: concept and criteria for differentiation. *Russian justice*. 2017;(4):48–51. (In Russ.)
2. Samoshchenko I. S. On the legal forms of implementing the functions of the Soviet state. *Soviet State and Law*. 1956;(3):81–91. (In Russ.)
3. Alekseev S. S. *General theory of socialist law*. Sverdlovsk, 1963. Issue. 1. 203 p. (In Russ.)
4. Baytin M. I. *The essence of law. Modern normative legal understanding on the verge of two centuries*. Moscow; 2005. 416 p. (In Russ.)
5. *Law enforcement agencies*. K.F. Gutsenko, M.A. Kovalev (eds.). Moscow; 2010. 400 p. (In Russ.)
6. Artemyev A. M. *State law enforcement service: system properties, functions, legal support*: dis. ... doc. legal Sci. Moscow; 2008. (In Russ.)
7. Leontyev A.N. Problems of activity in psychology. *Questions of Philosophy*. 1972;(9):95–108.
8. *Criminal procedural law of the Russian Federation*. Ed. P.A. Lupinskaya. Moscow; 2001. 696 p. (In Russ.)
9. Ashirbekova M. T. *The principle of publicity of criminal proceedings: concept, content and limits of action*. Author's abstract. dis....doctor. legal Sci. Ekaterinburg, 2009. (In Russ.)
10. Barabash A. S., Tsukanov N. N. Peculiarities of publicity in criminal proceedings and in proceedings on cases of administrative offenses. *Bulletin of Omsk University. Series "Law"*. 2012;3(32):244–249. (In Russ.)
11. Tikhomirov Yu. A. Administrative discretion and law. *Journal of Russian Law*. 2000;(4):70–79. (In Russ.)

12. *Theory of State and Law*. N. I. Matuzova, A. V. Malko (eds.). Moscow; 1997. 672 p. (In Russ.)
13. Totyev K. Yu. Public interest in legal doctrine and legislation. *State and law*. 2002;(9):19–25. (In Russ.)
14. Kryazhkov A. V. Public interest: concept, types and protection. *State and law*. 1999;(10):91–99. (In Russ.)
15. Maslennikova L. N. *Public and dispositive principles in criminal proceedings in Russia*. Author's abstract. dis....doctor. legal Sci. M., 2000. (In Russ.)
16. Emelyanov A. S. Public interest and the genesis of administrative law. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2021;14(5):48–76. (In Russ.)
17. Yuzhakov V. N. How protected are legally protected values? *Public service*. 2021;2(130):6–15. (In Russ.)
18. *Legal encyclopedic dictionary*. Moscow; 1984. 415 p. (In Russ.)
19. Vitruk N. V. *General theory of legal liability*. Moscow: Norma; 2009. 431 p. (In Russ.)
20. Alekseev S. S. *Ascent to law*. Moscow: Norma; 2001. 752 p. (In Russ.)
21. Pivovarova O. G. Some issues of cross-industry application of legal liability. *Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and law*. 2010;2–2:63–66. (In Russ.)
22. Galuzin A. F. *Offenses in public and private law: General characteristics*. dis. ...cand. legal Sci. Saratov; 1996. (In Russ.)
23. Khachaturov R. L. Public law and private law offenses. *Baltic Humanitarian Journal*. 2013;(2). (In Russ.)
24. Kobzeva E.V. Development of scientific views on the intersectoral differentiation of legal liability in the general theory of law. *Law. Legislation. Personality*. 2018;2(27):47–61. (In Russ.)
25. Gorshenkov G. N. The value concept of crime. *Current problems of economics and law*. 2008;(2):117–123. (In Russ.)
26. Golovko V. V. Offense as the actual basis of administrative liability. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2007;1(25):24–29. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. Б. Чупилкин – кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

Yu. B. Chupilkin– Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Procedural Law of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 07.05.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 28.05.2024.

The article was submitted 07.05.2024; approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 28.05.2024.

К вопросу о сущности преюдициальных фактов как условий, ограничивающих деятельность судов в цивилистическом процессе России

Ирина Викторовна Бухарова^{1, 2}

¹Ростовский филиал государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Российская таможенная академия», Ростов-на-Дону, Россия, 2909195Irina@mail.ru

²Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Автор рассматривает условия, ограничивающие дискреционные полномочия судов в цивилистическом процессе. Устанавливает проблемы применимости судами преюдициальных фактов, содержащихся в судебных актах по ранее рассмотренному делу в новом процессе при их несоответствии внутренним убеждениям суда. Актуальность работы состоит в особом значении института преюдициального факта в контексте осуществления принципа правовой определенности всей правовой системы России. Целью исследования является анализ действующего законодательства России с целью определения сущности преюдициальных фактов как условий, ограничивающих деятельность судов в цивилистическом процессе России. Предметом исследования выступают нормы процессуального законодательства, регулирующие порядок применения судами преюдициальных фактов, а также судебная практика судов высших инстанций. Посредством анализа норм российского законодательства делается вывод, что преюдициальные факты требуют более детального урегулирования, в частности, по вопросам, связанным с основанием освобождения суда от обязанности учета обстоятельств, установленных в ходе ранее рассмотренного дела.

Ключевые слова: единообразие судебной практики, ограничивающие условия, освобождение от доказывания, правовая определенность, преюдиция, цивилистический процесс

Для цитирования: Бухарова И. В. К вопросу о сущности преюдициальных фактов как условий, ограничивающих деятельность судов в цивилистическом процессе России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 152–159. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-152-159>. EDN PSVPHE

Problems of Criminal and Procedural Law

Original article

On the question of the essence of prejudicial facts as conditions limiting the activities of courts in the civil process in Russia

Irina V. Bukharova^{1, 2}

¹Rostov Branch of the State Educational Institution of Higher Education "Russian Customs Academy", Rostov-on-Don, Russia, 2909195Irina@mail.ru

²Rostov-on-Don Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)" in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article examines the conditions limiting the discretionary powers of courts in the civil process. The problem is established of the applicability by courts of prejudicial facts contained in judicial acts in a previously considered case in a new trial if they do not correspond to the internal convictions of the court. The relevance of the work lies in the special significance of the institution of prejudicial facts in the context of implementing legal certainty of the entire legal system of Russia. The purpose of the study is to analyze the current legislation of Russia in order to determine the essence of prejudicial facts as conditions limiting the activities of courts in the civil process in Russia. The subject of the study is the norms of procedural legislation regulating the application of prejudicial facts by courts, as well as the judicial practice of higher courts. By analyzing the norms of Russian legislation, it is concluded that prejudicial facts require a more detailed settlement, in particular, on issues related to the basis for releasing the court from the obligation to take into account the circumstances established in the course of a previously considered case.

Keywords: prejudice, civil process, exemption from proof, legal certainty, uniformity of judicial practice, limiting conditions

For citation: Bukharova I. V. On the question of the essence of prejudicial facts as conditions limiting the activities of courts in the civil process in Russia. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):152–159. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-152-159>. EDN PSVPHE

Введение

Деятельность судов как элементов судебной системы, являющейся самостоятельной ветвью власти, направлена на осуществление правосудия, при этом исключительно суды вправе осуществлять свою деятельность в рассматриваемой области, что нашло свое закрепление на уровне Конституции РФ.

Кроме того, в основном законе закреплено, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, административного, уголовного, гражданского и арбитражного судопроизводства. Два последних вида судопроизводства в доктрине гражданского права принято объединять в понятие «цивилистический процесс».

Суды в рамках цивилистического процесса рассматривают и разрешают спорные материальные правоотношения гражданского характера путем устранения неопределённости их содержания, а также установлением самого факта существования того или иного общественного отношения.

В процессе своей деятельности суду, чтобы вынести законное и обоснованное решение, необходимо установить фактические обстоятельства дела, входящие в предмет доказывания, путем непосредственного рассмотрения доказательств. Определив, что каждое из представленных доказательств является относимым, допустимым и достоверным, а их совокупность – достаточной, суд выносит соответствующее решение путем реализации своих дискреционных полномочий, т.к. доказательства оцениваются судом с учетом его внутренних убеждений, что отражено в ч. 1 ст. 67 ГПК РФ и ч. 1 ст. 71 АПК РФ.

При этом не стоит забывать, что суды подчиняются ряду положений, ограничивающих их деятельность, при этом к ним относятся не только материальное и процессуальное законодательство, но и факторы, которые способствуют единообразию судебной практики в России.

Следует подчеркнуть, что важность рассматриваемых ограничивающих условий неоспорима в рамках всей судебной деятельности, поэтому, при рассмотрении дела судом первой инстанции по существу, лицам, участвующим в деле, необходимо подготовить и представить не только доказательственную базу, но и изучить соответствующие положения, ограничивающие дискреционные функции суда, что будет способствовать вынесению благоприятного для них решения.

Таким образом, учитывая вышесказанное в настоящее время в цивилистике вопрос об условиях, ограничивающих суды в их деятельности является наиболее актуальным, т.к. его изучение способствует установлению в судебной практике правовой определенности, а также ее единообразия, что является важной задачей любого государства [1, с. 132].

Условия, ограничивающие деятельность судов при вынесении решения

Как обоснованно отмечает С.М. Амосов, судебные органы в своей действительности в общем смысле устанавливают фактические обстоятельства по каждому конкретному делу и дают им правовую оценку [2, с. 15]. Иначе говоря, судебный процесс сводится к двум взаимосвязанным действиям, а именно к судебному познанию и правовой квалификации, следовательно, условия, ограничивающие деятельность судов, стоит подобным образом разделить на две одновременно самостоятельные и взаимосвязанные группы.

К первой группе ограничивающих условий относятся непосредственно нормы материального и процессуального права, соблюдение которых является прямой реализацией общеправового принципа законности. В контексте вышесказанного стоит подчеркнуть, что в России источниками права являются нормативные правовые акты, а правовые прецеденты, в отличие от стран англо-саксонской правовой системы, таковыми не являются, однако в российском законодательстве закреплён принцип единообразного применения правовых норм, что, в том числе, реализуется посредством учета правовых позиций, отраженных в судебных актах судов высших инстанций.

Так, приведенное положение нашло свое отражение в соответствующих федеральных конституционных законах, посвященных судебной системе^{1,2}, а также в нормах процессуальных кодексов России. Анализ содержащихся в них положений дает ясно понять, что единообразие судебной практики выступает одной из основных задач Верховного суда РФ, кроме того, нарушение подобного принципа является основанием для отмены или изменения судебного постановления в надзорной инстанции.

В доктрине цивилистического права предпринимаются попытки единообразно определить сущность и правовую природу «единообразия судебной практики» в контексте полномочий Верховного суда РФ, однако в настоящее время они не увенчались успехом.

В частности, Т. К. Андреев толкует единообразие судебной практики через категорию гарантий правовой определенности, предсказуемости и стабильности судебных актов [3, с. 72].

Иной позиции по рассматриваемому вопросу придерживается В. Ф. Яковлев, отмечая, что единообразие судебной практики обуславливает не вынесение одинаковых решений по одинаковым делам, а единообразное понимание и толкование норм права³.

Актуальным представляется мнение Р. С. Бевзенко, который под единообразием судебной практики понимает соответствие принимаемого судебного акта разъяснениям высшего судебного органа⁴.

В свою очередь Конституционный суд РФ в своем постановлении⁵ отметил, что единообразие судебной практики представляет собой конституционный механизм охраны единства и непротиворечивости правовой системы, осуществление которого достигается путем единообразного толкования и правоприменения.

¹ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 06.01.1997, № 1, ст. 1.

² Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 10.02.2014, № 6, ст. 550.

³ Единообразие практики по гражданским делам: невозможное возможно [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eg-online.ru/article/291122/> (дата обращения: 20.04.2024).

⁴ Там же.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука» // Вестник Конституционного Суда РФ, № 2, 2014.

Кроме того, в одном из обзоров судебной практики Верховного суда РФ¹ была отражена позиция, согласно которой единообразие судебной практики достигается посредством соответствия судебных актов исключительно разъяснениям, содержащимся в постановлениях Пленума и Президиума Верховного Суда РФ.

Таким образом, казуальное толкование принципа единства судебной практики носит довольно ограниченный характер, т.к. в него не включаются, в частности, судебные акты судебных коллегий Верховного суда РФ, при этом думается, что существование судебной иерархии само по себе предполагает соответствие судебного акта суда нижестоящей инстанции вышестоящей независимо от того, является такой суд непосредственно Верховным судом РФ или нет.

Ко второй группе ограничивающих условий относятся обстоятельства, касательно которых лица, участвующие в деле, были освобождены от доказывания, а также установлены в рамках иного судебного процесса, речь идет о преюдициальных фактах.

Преюдициальные факты как условия, ограничивающие дискреционные полномочия судов

Процессуальные кодексы, как и иные законы, не содержат легальной дефиниции «преюдициальных фактов», лишь определяя их сущность, так, они представляют собой обязательные для суда, рассматривающего дело, факты, установленные вступившим в законную силу судебным актом по ранее рассмотренному делу.

Одновременно с этим доктрина цивилистического процесса содержит целый ряд различных по своему содержанию понятий, раскрывающих сущностную характеристику «преюдициальных фактов».

Следует подчеркнуть, что сам термин «преюдиция», от которого в свою очередь происходит понятие «преюдициальные факты», выступает русифицированной версией латинского слова «praejudicio», означающего предрешение чего-либо. Подобное значение напрямую соотносится с сущностью преюдициальных фактов, т.к. они сами по себе предрешают решение по новому делу на основании ранее принятого судебного акта.

В свою очередь Е. Б. Тарбагаева отождествляет преюдицию с обязательным свойством судебного акта, вступившего в законную силу [4, с. 52]. Р. Искандеров рассуждает о более узкой сущности преюдициальности как свойстве, исключительно присущему приговорам [5, с. 22], т.е. актам по уголовному делу.

Занятой выступает позиция А. В. Карданцом, который определяет преюдицию через призму приемов юридической техники, а именно как закрепленное правило доказывания об обстоятельствах, которые были установлены в ранее разрешенном деле [6, с. 20]. Думается, что цивилист необоснованно смешивает различные по своей сути категории «правило доказывания» и «прием юридической техники», т.к. последняя трактуется в доктрине как совокупность приемов, способов и средств разработки нормативных правовых актов, что никоим образом не может быть связано с судебным актом и его содержанием.

В. К. Бабаев понимает преюдицию как само вступившее в законную силу судебное решение об установлении наличия или отсутствия юридического факта или правоотношения, обязательные для суда, разрешающего дело, связанное с ранее разрешенным [7, с. 34]. Подобная позиция имеет ряд недостатков, т.к. сам судебный акт направлен на разрешение дела, в свою очередь автор ограничивает круг судебных актов, обладающих свойством преюдициального факта, т.к. фактически любой судебный акт может устанавливать факт наличия или отсутствия того, или иного факта, имеющего значения для разрешения другого дела, но это не будет его главной целью.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015 // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 6, июнь, 2017 (поправка).

Следует подчеркнуть, что В. К. Бабаев отмечает, что судебный акт может устанавливать не только наличие или отсутствие юридического факта, но и самого правоотношения. Подобная позиция является дискуссионной в цивилистике, так, С. В. Курылев придерживается мнения, согласно которому преюдиция распространяется только на факты, но не на правоотношения, т.к. последние непосредственно не включаются в предмет доказывания [8, с. 79].

Однако в отличие от доктрины действующее процессуальное законодательство однозначно распространяет свойство преюдиции и на сами правоотношения, так, в соответствии с ч. 2 ст. 209 ГПК РФ после вступления в законную силу решения суда стороны, другие лица, участвующие в деле, их правопреемники не могут вновь заявлять в суде те же иски, требования, на том же основании, а также оспаривать в другом гражданском процессе установленные судом факты и правоотношения.

Следовательно, преюдициальные факты в рамках процесса устанавливают наличие или отсутствие не только юридических фактов, но и правоотношений, однако не стоит забывать, что предпосылкой существования последнего является сам юридический факт, следовательно, чтобы установить имело ли место правоотношение, необходимо определить юридический факт, который способствовал возникновению правоотношения.

И. Н. Лукьянова указывает, что значение преюдициальных фактов в цивилистическом процессе состоит в том, чтобы сделать для граждан, обращающихся в суд за защитой своего нарушенного права, предсказуемым будущее судебное решение [9, с. 30]. Подобная предсказуемость судебных актов способствует формированию правовой определенности судебной системы России, что в свою очередь способствует стабилизации гражданского оборота.

Подобная позиция нашла свое отражение и в определении Конституционного суда РФ¹, так, преюдициальное значение судебного акта состоит в том, что оно направлено на формирование стабильности судебной системы, исключения возможного конфликта судебных актов, что в совокупности служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что несмотря на отсутствия правового прецедента в системе источников права России, действующее законодательство, а также позиции судов высших инстанций дают понять, что в узком смысле этого слова, но в России имеет место быть правовая определенность, основанная на судебных актах при соблюдении определенных условий, речь о которых пойдет дальше.

Определившись с сущностью преюдиции и преюдициальных фактов, стоит перейти к критериям последних, который включают в себя взаимосвязанные между собой субъективные и объективные пределы.

Объективные пределы предполагают учет судом, рассматривающим дело, непосредственно тех обстоятельств, которые уже были установлены вступившим в законную силу судебным актом.

Статьи 61 и 69 ГПК РФ и АПК РФ соответственно к числу судебных актов, на которых распространяется преюдициальность, относят любые судебные постановления независимо от вида судопроизводства. Кроме того, рассматриваемые статьи не конкретизируют, что подобный судебный акт должен разрешать дело по существу, следовательно, постановление суда по уголовному делу о его прекращении по не реабилитирующим основаниям также имеет преюдициальное значение в части, что оно может устанавливать факт наличия или отсутствия

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2012 № 1207-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Чикишевой Галины Павловны на нарушение ее конституционных прав статьями 61, 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 2 Федерального закона "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним"» // СПС «КонсультантПлюс».

обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения дела в ходе гражданского производства.

В свою очередь следует подчеркнуть, что речь идет именно о судебных актах, постановлениях иных государственных органов и их должных лиц, например, постановление следователя о прекращении уголовного дела, не может иметь преюдициальное значение, что вытекает из содержания ст.ст. 61 ГПК РФ и 69 АПК РФ, а также неоднократно подтверждалось в судебной практике¹.

В контексте вышесказанного следует отметить, что решения третейских судов, а также международных коммерческих арбитражных судов не обладают признаком преюдициальности, а, следовательно, обстоятельства, которые были установлены в процессе их принятия нельзя считать преюдициальными, т.к. они не являются элементами судебной системы России, а выступают лишь альтернативной формой разрешения споров гражданско-правового характера, что было отмечено в соответствующем постановлении Конституционного суда РФ².

Таким образом, объективные пределы преюдициальных фактов предполагают учет судами, рассматривающими дело, обстоятельств, которые были установлены в ходе судопроизводства и отражены исключительно в судебном акте, вступившем в законную силу.

В рамках анализа объективных пределов следует затронуть и обязательность самих преюдициальных фактов.

Интересная позиция по рассматриваемому вопросу нашла свое отражение в п. 4. Постановления Пленума ВС/ВАС РФ³, так, если суд придет к выводам, которые противоречат судебному акту, вынесенному по ранее рассмотренному делу, он при указании соответствующих мотивов вправе не учитывать отраженные в нем преюдициальные факты.

Подобное положение вытекает из принципа независимости судей и подчинения их исключительно закону, так, процессуальное законодательство устанавливает, что суд при вынесении решения основывается на своем внутреннем убеждении, сформированном с учетом всестороннего, полного, объективного и непосредственного исследования имеющихся в деле доказательств. Следовательно, суд при вынесении решения должен подчиняться не ранее вынесенным судебным актам, а исключительно закону.

Однако, как указано в самом постановлении, оно применяется исключительно к правоотношениям, связанным с правом собственности и другими вещными правами.

Более того, действующее законодательство имеет место прямое указание на запрет оспаривать факты, установленные решением суда, но несмотря на это думается, что, следуя общим началам гражданского процесса, подобная позиция, отраженная в Постановлении Пленума ВС/ВАС РФ может применяться при разрешении любого дела, если отступление от обязанности учета преюдициальных фактов будет обосновано с приведением соответствующих мотивов.

Субъективные пределы преюдициальных фактов связаны с кругом лиц, участвующих в новом деле, а также в ранее рассмотренном деле, т.е. обстоятельства, отраженные во вступившем в законную силу судебном акте, не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.03.2021 № 69-КГ20-24-К7 // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2013 № 851-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дмитриева Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 61 и 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановления Пленума ВС/ВАС РФ от 29.04.2010 №10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // СПС «КонсультантПлюс».

При толковании приведенного положения от обратного можно сделать вывод, что лица, не участвовавшие в деле, по которому судом вынесен соответствующий судебный акт, вправе при рассмотрении другого дела в ходе цивилистического процесса с их участием оспаривать обстоятельства, установленные этими судебными актами, а сам судебный акт для них не будет иметь преюдициального значения¹.

Результаты исследования

В заключении следует подчеркнуть, что дискреционные полномочия судебных органов, которые вытекают из того факта, что они при вынесении решения основываются на своем внутреннем убеждении, ограничиваются двумя группами ограничивающих условий.

Первая группа включает в себя непосредственно нормы материального и процессуального толкования с учетом их истолкования судами высших инстанций, к которым относятся Пленум Верховного суда РФ и Президиум Верховного суда РФ, а также Конституционный суд РФ.

Вторая группа базируется на преюдициальных фактах, которые имеют свои субъективные и объективные пределы. Первые основаны на круге лиц, участвующих в деле, как в судебном разбирательстве, акт по которому имеет преюдициальное значение, так и в новом судебном разбирательстве, где еще не был вынесен судебный акт. Объективные же пределы основаны на самих обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, а также ограниченном круге юридических актов, которые имеют преюдициальное значение, а именно к ним относятся исключительно судебные акты.

Проблемным представляется вопрос, имеет ли обязательность преюдициальных фактов исключительный характер, т.е. всегда ли суд должен неукоснительно учитывать те обстоятельства, которые были установлены в ранее принятом судебном акте. В Постановлении Пленума ВС/ВАС РФ было закреплено положение, согласно которому суд при обосновании своей позиции может отойти от установленных фактов и вынести решения исходя из своего внутреннего убеждения, однако подобная ситуация, как и само постановление, применима к отношениям, связанных с вещными правами. При этом думается, что с учетом общих начал цивилистического процесса рассматриваемое правило может быть применено к спорам, возникающим и из иных общественных отношений.

Список источников

1. Шатковская Т. В., Гончаров Е. И. Электронный документооборот в судебной системе Российской Федерации: проблемы и перспективы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 2. С. 131-134.
2. Амосов С. М. К вопросу о свободном правосудии // Государство и право. 2020. № 10. С. 136-140.
3. Андреева Т. К. О дополнительных механизмах обеспечения единообразия судебной арбитражной практики // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2007. № 7. С. 72-75.
4. Тарбагаева Е. Б. Истинность, преюдициальность и законная сила судебного решения // Проблемы доказывания по уголовным делам: межвузовский сборник научных трудов. Красноярск, 1988. С. 52-60.
5. Искандеров Р. О преюдициальном значении приговора // Советская юстиция. 1990. № 22. С. 22-23.
6. Карданец А. В. Преюдиции в российском праве (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 18-22.
7. Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 33-34.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, 2004.

8. Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Изд-во БГУ, 1969. 203 с.

9. Лукьянова И. Н. Проблемы института преюдиции как инструмента правовой определенности в современном гражданском судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 12. С. 28-32.

References

1. Shatkovskaya T. V., Goncharov E. I. Electronic document management in the judicial system of the Russian Federation: problems and prospects. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(2):131-134. (In Russ.)

2. Amosov S. M. On the issue of free justice. *State and law*. 2020;(10):136-140. (In Russ.)

3. Andreeva T. K. On additional mechanisms to ensure uniformity of judicial and arbitration practice. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2007;(7):72-75. (In Russ.)

4. Tarbagaeva E. B. Truthfulness, bias and legal force of a court decision. In: *Problems of proof in criminal cases: Interuniversity collection of scientific papers*. Krasnoyarsk; 1988:52-60. (In Russ.)

5. Iskanderov R. On the prejudicial significance of sentences. *Soviet justice*. 1990;(22):22-23. (In Russ.)

6. Kardanets A. V. *Prejudice in Russian law (problems of theory and practice)*: abstract. say...cand. legal science N. Novgorod, 2002:18-22. (In Russ.)

7. Babaev V. K. *Presumptions in Soviet law*. Gorky, 1974:33-34. (In Russ.)

8. Kurylev S. V. *Fundamentals of the theory of evidence in Soviet justice*. Minsk: BSU Publishing House, 1969. 203 p. (In Russ.)

9. Lukyanova I. N. Problems of the institution of prejudice as an instrument of legal determination in modern civil proceedings. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2015;(12):28-32. (In Russ.)

Информация об авторе

И. В. Бухарова – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии; исполняющий обязанности заведующего кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

Information about the author

I. V. Bukharova – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy; Acting Head of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Proceedings of the Rostov Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 22.05.2024.

The article was submitted 25.04.2024; approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 22.05.2024.

Современные тенденции и проблемы развития института доказывания в гражданском судопроизводстве

Татьяна Борисовна Гуляева¹, Валерия Андреевна Авдеева²,
Наталья Дмитриевна Савинова³

^{1, 2, 3}Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Нижний Новгород, Россия

¹gulyaeva-tb@ranepa.ru

²valeriaavdeeva466@gmail.com

³natalyas4vinova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются существующие проблемы функционирования института доказывания в гражданском судопроизводстве Российской Федерации. Значение института доказывания в гражданском судопроизводстве трудно переоценить. Доказывание в судебной практике представляет собой опосредованное человеческое познание, авторы утверждают, что субъект данного познания не просто наблюдает или эмпирическим путем собирает информацию, он анализирует существующие факты и делает новые умозаключения. Авторы исследовали теоретические основы функционирования данного института, проанализировали статистические данные в этой области. В ходе анализа научной литературы авторами был сформирован широкий аппарат средств доказывания в российском судопроизводстве по гражданским делам. Благодаря рассмотрению реальных судебных практик были выявлены основные пробелы в правовом регулировании механизма использования доказательств по гражданским делам. В заключение предложены варианты изменения статей ГПК РФ, которые позволят совершенствовать механизм судопроизводства.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, доказательство, мессенджеры, средство доказывания, цифровые технологии, экспертиза

Для цитирования: Гуляева Т. Б., Авдеева В. А., Савинова Н. Д. Современные тенденции и проблемы развития института доказывания в гражданском судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 160–166. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-160-166>. EDN QERNMY

Problems of Criminal and Procedural Law

Original article

Current trends and problems of the development of the institution of evidence in civil proceedings

Tatyana B. Gulyaeva¹, Valeria A. Avdeeva², Natalia D. Savinova³

^{1, 2, 3}Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia

¹gulyaeva-tb@ranepa.ru

²valeriaavdeeva466@gmail.com

³natalyas4vinova@yandex.ru

Abstract. The article examines the existing problems of the functioning of the institute of evidence in civil proceedings of the Russian Federation. It is difficult to overestimate the importance of the institution of evidence in civil proceedings. Proving in judicial practice is an indirect human cognition, the authors argue that the subject of this cognition does not just observe or empirically collect information, he analyzes existing facts and makes new conclusions. The authors investigated the theoretical foundations of the functioning of this institute, analyzed statistical data in this area. In the course of the analysis of scientific literature, the authors have formed a wide range of evidentiary tools in Russian civil proceedings. Due to the consideration of real judicial practices, the main gaps in the legal regulation of the mechanism for the use of evidence in civil cases were identified. In conclusion, the options for changing the articles of the CPC of the Russian Federation are proposed, which will improve the mechanism of judicial proceedings.

Keywords: means of proof, civil proceedings, expertise, digital technologies, messengers, proof

For citation: Gulyaeva T. B., Avdeeva V. A., Savinova N. D. Current trends and problems of the development of the institution of evidence in civil proceedings. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):160–166. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-160-166>. EDN QERNMY

Гражданские дела являются важной составляющей судебной практики, и эффективное использование средств доказывания играет ключевую роль в обеспечении справедливости и достижении правосудия. Особенности процессуальных механизмов, которые применяются при решении гражданских дел, требуют от сторон активного участия в поиске и предоставлении доказательств своих аргументов.

В основе процесса разрешения гражданских споров лежит столкновение противоборствующих мнений, которые нуждаются либо в защите, либо в опровержении. Гражданским процессуальным законодательством для выполнения данных функций разработан институт доказывания, который позволяет представить достаточные и надежные свидетельства, подтверждающие или опровергающие заявленные сторонами дела юридические факты.

Значение института доказывания в гражданском судопроизводстве очень велико. Доказывание – это процесс анализа фактов и умозаключений для выяснения обстоятельств, достижения справедливого разрешения споров и обеспечения состязательности процесса. Субъекты доказывания собирают доказательства, проводят исследование, суд оценивает их и приходит к решению на основе закона [1]. Следовательно, основные цели института доказывания – выяснение фактических обстоятельств, оценка заявлений и аргументов, достижение справедливого разрешения споров между сторонами, обеспечение принципа состязательности гражданского процесса и т.д.

Процесс судебного доказывания состоит из определенных этапов. Вначале субъект доказывания (одна из сторон гражданского разбирательства) проводит сбор необходимых доказательств. Каждая сторона должна представить все доступные, имеющие отношение к делу материалы, свидетелей и экспертов, которые могут помочь установить истину. В основу второго этапа заложено тщательное исследование заявленного предмета доказывания для того, чтобы на третьем этапе суд мог провести всестороннюю оценку доказательств. На основании представленных доказательств судья должен прийти к решению о том, какие обстоятельства подтверждены, а какие нет. Он должен объективно оценить все предоставленные факты и принять решение на основе действующего законодательства и precedentного права.

Процедура исследования доказательств считается самой объемной и трудозатратной. Так, Котлярова В.В. утверждает, что «процесс исследования доказательств включает одновременно эмпирическую и логическую деятельность суда, направленную на извлечение из доказательств информации, подтверждающей или опровергающей обстоятельства по делу» [2, с. 30].

Само по себе доказательство это совокупность элементов, обладающая свойствами целостности, целесообразности и открытости. Существуют юридические факты и явления благодаря определенному стечению обстоятельств, которые образуют судебный спор, процессуальная форма представления фактов уже определена законом, и лишь средства доказывания в гражданском судопроизводстве могут быть выбраны стороной разбирательства самостоятельно.

Средство доказывания – это конкретный, допустимый и законный источник информации, который относится к делу. Российская правовая система предусматривает следующие средства судебного доказывания по гражданским делам: пояснения сторон и иных лиц; показания свидетелей; письменные свидетельства; вещественные свидетельства; аудиозаписи и видеозаписи; консультации и заключения экспертов.

Процессуальные механизмы гражданского судопроизводства требуют активного участия сторон в предоставлении доказательств своих аргументов. Для разрешения споров часто применяются объяснения сторон и третьих лиц, имеющих отношение к заявленным гражданским правоотношениям.

Современные правоведы различают две формы объяснений сторон: утверждение и признание. В первом случае, субъект «утверждает те обстоятельства, которые являются основанием их требований и возражений, соответственно доказывая их», во втором случае, сторона соглашается и принимает аргумент оппонента полностью [3].

Сбор и оценка сведений, предоставляемых свидетелями, представляет второе универсальное средство доказывания. Характерной особенностью свидетельских показаний является их субъективность, ведь они являются личным мнением конкретного человека. Оценить достоверность подобных высказываний достаточно сложно, так как люди могут по-разному воспринимать одно и то же событие или иметь предубеждения.

Достаточно часто несколько средств доказывания используются комплексно в одном судебном процессе. Например, принимая решение по делу № 2-555/2021¹, в котором Толстихина Т.В. просила признать недействительным право пользования ее жилым помещением Зоткиным Д.А., Ширинский районный суд Республики Хакасия разрешил спор в сторону истца на основании статей 68, 69 ГПК РФ, проанализировав сведения, предоставленные истцом и представителем ответчика, а также допросив свидетеля – сотрудника отдела по вопросам миграции ОМВД России в данном муниципальном образовании.

Письменные и вещественные доказательства играют важную роль в подтверждении или опровержении аргументов сторон. Их можно представить в виде документов, таких как: договоры, счет-фактуры, акты выполненных работ и другие письменные соглашения. Иногда документы, которые по определению являются письменными доказательствами, могут стать вещественными.

В отличие от письменных, вещественные доказательства являются объектами материального мира. Особенностью вещественных доказательств является их прямая связь с конкретным фактом или событием. Например, в случае гражданского разбирательства по причине аварии на дороге могут быть использованы фотографии повреждений транспортных средств или записи видеорекамер для определения обстоятельств произошедшего. Принимая решение по делу № 2-854/2023², Ленинский районный суд г. Владивосток удовлетворил иск АО «АльфаСтрахование» против хозяйственного субъекта, которое было виновно в ДТП, где потерпевшим стало лицо, застрахованное в АО «АльфаСтрахование». Заявитель обратился

¹ Решение № 2-555/2021 2-555/2021~М-536/2021 М-536/2021 от 22 ноября 2021 г. по делу № 2-555/2021. - СудАкт.ру. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RP2yfdb1Snrp/?ysclid=lvr24q7jgc199294375> (дата обращения: 24.04.2024).

² Решение № 2-4599/2023 от 30 октября 2023 г. по делу № 2-854/2023(2-5109/2022;)~М-4314/2022. - СудАкт.ру. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yNWc341fnEZl/?page=3> (дата обращения: 24.04.2024).

с требованием о возмещении ущерба в формате регресса, так как он уже компенсировал потерпевшему моральный и физический ущерб. Рассмотрев все представленные документы, включая протокол о дорожно-транспортном происшествии и договор страхования между пострадавшим и АО «АльфаСтрахование», суд согласно статье 71 ГПК РФ признал предоставленные письменные доказательства достоверными и подтверждающими необходимость исполнения всех требований заявителя по данному гражданскому разбирательству. Иск был удовлетворен в пользу заявителя.

Вопрос выделения аудиозаписей и видеозаписей в отдельную категорию средств доказывания по гражданским делам является дискуссионным. Однако законодатель, не давая точного определения, четко выделяет для их регулирования отдельную правовую норму в ГПК РФ. Применение аудио- и видеозаписей в гражданских спорах имеет несколько особенностей. Прежде всего, такие записи могут быть использованы для документирования различных событий, произносимых слов или поведения сторон. Это особенно полезно в случаях, когда свидетельства остаются только у непосредственных участников спора. Кроме того, данное средство позволяет сохранить первоначальное содержание доказательства, благодаря чему его можно проанализировать повторно в любое удобное время.

Принимая решение по делу № 2-148/2023¹, Десногорский городской суд Смоленской области частично удовлетворил иск заявителя против начальника ОМВД России о признании незаконным использование нецензурной лексики должностным лицом при общении с гражданином. Заявитель обратился в суд, чтобы взыскать с ответчика компенсацию морального вреда, предоставив аудиозапись, которая была записана по всем требованиям законодательства. Материалы аудиозаписи были признаны судом достоверными, так как содержали сведения о том, когда, кем и в каких условиях осуществлялась запись. Суд согласно статье 77 ГПК РФ признал предоставленные доказательства в виде аудиозаписи подтверждающими необходимость исполнения всех требований заявителя по данному гражданскому разбирательству. Иск был частично удовлетворен в пользу заявителя. Но, так как вопрос в определении аудиозаписей как доказательство является дискуссионным, существует множество примеров, когда аудиозаписи не засчитываются в судебном процессе.

Так, например, принимая решение по делу № 2-2508/2023², Ворошиловский районный суд г. Волгоград не удовлетворил иск заявителя против физического лица, с которым он заключил договор купли-продажи квартиры. Истцом было предоставлено доказательство в форме аудиозаписи. Суд, оценив данный вид доказательства, пришел к выводу, что запись разговора не подтверждает доводы стороны обвинения. Кроме того, аудиозапись была признана судом сомнительной по причине отсутствия возможности идентифицировать устройство, на котором осуществлялась запись, более того из нее не было возможности установить личности лиц, чей разговор был записан. Суд согласно статье 77 ГПК РФ признал предоставленные доказательства в виде аудиозаписи недостоверными и не подтверждающими необходимость исполнения всех требований заявителя по данному гражданскому разбирательству. Иск был не удовлетворен в пользу заявителя.

Стоит заметить, что в гражданском судебном процессе возможно предоставление сторонами недостоверных или фальсифицированных доказательств, поэтому для обеспечения достоверности используются заключения экспертов.

¹ Решение № 2-148/2023 2-148/2023~М-100/2023 М-100/2023 от 28 сентября 2023 г. по делу № 2-148/2023. - СудАкт.ру. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vdcOXYkVEpr4/?page=2> (дата обращения: 24.04.2024).

² Решение № 2-2508/2023 2-2508/2023~М-2207/2023 М-2207/2023 от 11 октября 2023 г. по делу № 2-2508/2023. - СудАкт.ру. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4lwMArCI2x6b/?regular-txt=> (дата обращения: 24.04.2024).

По статистике каждая 5 экспертиза (около 22% от общего числа) по гражданскому разбирательству назначается судом, чаще всего предметом исследования являются факт недееспособности человека, качество товара или услуги, состояние предмета и т.д.¹ Профессиональные навыки эксперта могут быть использованы для установления фактов, связанных с материальными ценностями или имуществом, оценки ущерба и др. Кроме того, эксперт может консультировать стороны и суд относительно технических аспектов дела или других специфических вопросов. Например, принимая решение по делу № 2-2138/2023², в котором истец для доказательства ущерба от ДТП привлек эксперта для оценки состояния автомобиля, Ленинский районный суд г. Махачкалы удовлетворил заявление, назначил компенсационную выплату и неустойку истцу на основании результатов проведенного исследования.

С появлением цифровых технологий возникает возможность использовать новые средства доказывания, такие как скриншоты или репосты записей из социальных сетей и мобильных мессенджеров. Однако, законодательство пока отражает только традиционные методы. Судьи вынуждены в каждом определенном случае решать вопрос об отнесении данных сведений к одному из установленных законом средств доказывания, что в свою очередь приводит к субъективизму судебных решений.

Интересен опыт Хостинского районного суда г. Сочи (Краснодарский край), которые вел дело № №2-660/2023³. Заявитель обратился в суд, для взыскания пени с ООО «Жилстройинжиниринг» за неисполнение условий договора подряда по строительству частного жилого дома. В ходе гражданского разбирательства истцом, кроме оригинала заключенного договора подряда, были предъявлены скриншоты переписки в мессенджере WhatsApp, которые подтверждали получение ответчиком оплаты запланированных, но невыполненных, впоследствии, работ. Однако, в ходе анализа доказательной базы судья посчитал предоставленные цифровые записи недействительными, достоверность предъявленной информации также была поставлена под вопрос. Данное решение суда было обосновано положением части 1 ст.71 ГПК РФ, которое закрепляет необходимость заверения цифровых носителей электронной подписью «в порядке, установленном законодательством Российской Федерации». В связи с недостаточностью доказательной базы требования истца по данного гражданского делу удовлетворены не были.

Стоит также заметить, что иногда суды выносят положительное решение по делам, где заявителями предоставляются цифровые средства доказывания. Так, например, вынося вердикт по делу № А51-9793/2019⁴, арбитражный суд Приморского края (г. Владивосток) удовлетворил все требования истца. Максимов Г.А. желал взыскать с ОАО «Строитель» задолженность по договору и сумму необоснованного обогащения, которое получил ответчик в результате нарушения условий сделки. Доказательством заключения сделки также послужил скриншот переписки в мессенджере WhatsApp, заверенный нотариусом, кроме того,

¹ Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/files/13860/?ysclid=lqzpjvv6i8269070505>.

² Решение № 2-2138/2023 от 25 мая 2023 г. по делу № 2-2365/2022~М-1376/2022. - СудАкт.ру. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/33j9FP3vrMgq/?ysclid=lvr2cf02x2977243351> (дата обращения: 24.04.2024).

³ Решение № 2-4932/2022 2-660/2023 2-660/2023(2-4932/2022;)~М-5579/2022 М-5579/2022 от 30 октября 2023 г. по делу № 2-4932/2022. - СудАкт.ру. - URL: https://sudact.ru/regular/doc/WegKAoRcKZgQ/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+71.+Письменные+доказательства%28ГПК+РФ%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1714478011902 (дата обращения: 24.04.2024).

⁴ Решение от 30 января 2020 г. по делу № А51-9793/2019. - СудАкт.ру. - URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ChMGZPv5bTmW/?ysclid=lvr2f9t4h125744639> (дата обращения: 24.04.2024).

заявителем в суд было предоставлено мобильное устройство, с которого велась переписка. Данные действия убедили суд в достоверности вещественных доказательств, иск был удовлетворен.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод, что вопрос признания того или иного средства доказывания достоверным и достаточным в суде является базовым в современном гражданском законодательстве. Сегодня разнообразие доказательств включает в себя свидетельские показания, материальные объекты, письменные документы и экспертные заключения. Но выделение новых способов подтверждения заявленных требований порождает необходимость своевременного изменения положений законодательства.

По нашему мнению, сегодня важно в определении аудио- и видеозаписей, как обособленного средства доказывания, установить критерии, когда этот вид доказательства считается достоверным, допустимым, и не нарушает правила неприкосновенности частной жизни. Для упрощения процесса использования аудио- и видеозаписей в гражданском судопроизводстве считаем целесообразным дополнить статью 77 ГПК РФ следующим пунктом: «Допустимой признается аудио – и (или) видеозапись, осуществленная лицом, участвующим в коммуникации, и фиксирующая обстоятельства, связанные со спорным правоотношением сторон».

Также в процессе судебных разбирательств возникает вопрос об определении статуса нетрадиционных средств доказывания, использование которых обеспечила цифровая трансформация жизнедеятельности людей. Сегодня очень редко суды признают действительными и правдивыми аргументы, которые подтверждаются цифровыми носителями информации, следовательно, институт использования digital-доказательств развит слабо. В связи с этим, с нашей точки зрения, необходимо дополнить пункт 5 статьи 67 ГПК РФ следующим абзацем: «Допустимыми доказательствами являются, в том числе, сделанные и заверенными лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-коммуникационной сети, с указанием электронного адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения. Подобные распечатки подлежат оценке судом наравне с прочими видами доказательств».

Внедрение предложенных альтернатив в гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации сделает процесс судопроизводства более эффективным. Данные законодательные изменения приведут к более справедливой системе судебной защиты, так как это позволит облегчить систему защиты прав пострадавших граждан, а также обеспечит неотвратимость наказания за недобросовестные действия и умышленное уклонение от исполнения обязательств, взятых на себя определенными лицами.

Список источников

1. Жаронкина О. В. Доказывание как процессуальный институт в российском праве // StudNet. 2022. № 8.
2. Котлярова, В.В. Судебное доказывание по гражданским и административным делам: учебное пособие. Самара: Издательство Самарского университета. 2021. 88 с.
3. Шешуков А.Ю. О выделении в гражданском судопроизводстве новых средств доказывания и способах их разграничения между собой // Форум молодых ученых. 2021. № 6. С. 796-801.

References

1. Zharonkina O. V. Evidence as a procedural institution in Russian law. *StudNet*. 2022;(8). (In Russ.)
2. Kotlyarova V. V. *Court evidence in civil and administrative cases: a manual*. Samara: Samara University Publishing House; 2021. 88 p. (In Russ.)
3. Sheshukov A. Y. On allocation of new means of evidence in civil proceedings and ways of their differentiation. *Forum of young scientists*. 2021;(6):796–801. (In Russ.)

Информация об авторах

Т. Б. Гуляева – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и международного права НИУ РАНХиГС.

В. А. Авдеева – студент 3 курса факультета управления НИУ РАНХиГС.

Н. Д. Савинова – студент 3 курса факультета управления НИУ РАНХиГС.

Information about the authors

T. B. Gulyaeva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil and International Law of Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPA.

V. A. Avdeeva – 3rd year student of the Faculty of Management of Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPA.

N. D. Savinova – 3rd year student of the Faculty of Management of Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.05.2024; одобрена после рецензирования 28.05.2024; принята к публикации 29.05.2024.

The article was submitted 07.05.2024; approved after reviewing 28.05.2024; accepted for publication 29.05.2024.

Энциклопедист права – Евгений Николаевич Трубецкой

Леонид Владимирович Акопов¹, Алексей Евгеньевич Курилов²

¹Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Каменск-Шахтинский, Россия

Автор, ответственный за переписку:

Леонид Владимирович Акопов, norin.gospravo@yandex.ru

Аннотация. В статье идет речь о существенном вкладе известного российского правоведа и философа Е. Н. Трубецкого в юридическую науку, анализируются его теоретические взгляды на происхождение и понимание права и государства, его отношение к ряду концепций позитивистского и естественнонаучного правопонимания, обосновывается актуальность отдельных выводов и предложений этого подлинного энциклопедиста.

Ключевые слова: государство, конституция, личная свобода, нормативная система, нравственность, объективное право, ограничения в праве, права человека, правовое общение, правовые ценности, правопорядок, смысл жизни, субъективное право, теория интересов, философия права, функции права, энциклопедия права

Для цитирования: Акопов Л. В., Курилов А. Е. Энциклопедист права – Евгений Николаевич Трубецкой // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 167–172. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-167-172>. EDN QORYYS

The Creators of Russian Jurisprudence

Original article

Encyclopedist of jurisprudence – Evgenii N. Trubetskoy

Leonid V. Akopov¹, Alexey E. Kurilov²

¹Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

²Kamensk-Shakhtinsky, Russia

Corresponding author: Leonid V. Akopov, norin.gospravo@yandex.ru

Abstract. This article deals the significant contribution of the famous Russian jurist and philosopher E.N. Trubetskoy to legal science. His theoretical views on the origin and understanding of law and state, his attitude to a number of concepts of positivist and natural science legal theories are analyzed, the relevance of certain conclusions and recommendations of this genuine encyclopedist of jurisprudence is substantiated.

Keywords: encyclopedia of law, constitution, objective law, subjective law, restrictions in law, human rights, regulatory system, state, law and order, philosophy of law, theory of interests, personal freedom, morality, meaning of life, legal values, legal communication, functions of law

For citation: Akopov L. V., Kurilov A. E. Encyclopedist of jurisprudence – Evgenii N. Trubetskoy. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):167–172. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-167-172>. EDN QORYYS

В конце XVIII – начале XIX веков в Российском государстве приступили к преподаванию курса «Энциклопедия права», под названием которого подразумевался краткий обзор- конспект юридических наук. Впоследствии энциклопедия права получила характер самостоятельной дисциплины, имеющей своей задачей выяснение общих связей различных разделов (отраслей) права. Первым печатным изданием этого курса стало в 1831 году сочинение Дега «Пособия и правила изучения российских законов или материалы к энциклопедии, методологии и истории русского права» (название здесь приводится в современной транскрипции). Однако, только после утверждения в 1885 году университетского Устава энциклопедия права была введена в число обязательно преподаваемых предметов, при этом она понималась как «общее обозрение систем законоведений»¹.

В тот период известным профессором энциклопедии права был П. Г. Редкин, издавший семь выпусков «Из лекций по философии права» (1889–1891 гг.). В 1888 г. была напечатана «Энциклопедия права» Н. М. Коркунова. С конца XIX – начала XX веков широкую аудиторию в Российском студенчестве получили учебники по энциклопедии права К. Неволлина, Г. Чичерина и Е. Трубецкого. Как верно отмечено Е. А. Фроловой во многих печатных курсах этого времени под названием «Энциклопедия права» авторы стремились изложить общетеоретические проблемы права и государства, в связи с чем она упоминает работы Н. С. Суворова, М. Н. Капустина и «Лекции по энциклопедии права» Е. Н. Трубецкого [2].

Как известно, Евгений Николаевич Трубецкой родился 23 сентября (5 октября) 1863 г. Укажем здесь на неточность, допущенную в заслуживающем внимания автореферате диссертации Н. А. Овчинниковой, защищенной в 2009 г., в котором фигурирует в качестве даты рождения – 19 февраля того же года [3, с. 16].

После окончания в 1881 г. Калужской гимназии Е. Н. Трубецкой поступил на юридический факультет Императорского Московского университета. В апреле 1886 г. им была защищена диссертация *pro veria legendi* (*в то время – специальное сочинение, дающее право преподавания в учебном заведении, – Л. А., А. К.) на тему «О рабстве в Древней Греции», после чего в июле того же года он приступил к чтению лекций на кафедре энциклопедии права Демидовского лицея в должности приват-доцента. Весьма интересно, что со временем, вспоминая о своей работе в названном учебном заведении, Е. Н. Трубецкой писал следующее: «Помню, как ... директор Лицея убеждал меня, чтобы я бросил философию права и вместо нее занялся правом гражданским – «Что Вам стоит перейти на другую кафедру, – увещевал он, – ведь цивилисты же гораздо нужнее философов». Когда я ему объяснил, что к философии с юных лет испытываю влечение, он меня просто не понял Он недоумевал, как я могу отказываться от предложения столь выгодного. Цивилистов в то время был в самом деле большой недостаток, и в университетах... они начали зашибать огромные гонорары»².

В ноябре 1892 г. Е. Н. Трубецкой защитил в Императорском Московском университете магистерскую диссертацию «Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Миросозерцание Блаженного Августина», а в мае 1897 г. там же защитил диссертацию «Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI веке. Идея Божеского Царства у Григория VII и публицистов – его современников», за которую он был удостоен степени доктора государственного права. В июле того же года он получил должность ординарного (то есть, штатного) профессора Киевского университета.

С момента создания в октябре 1905 г. партии Кадетов (конституционно-демократической партии России) он вошел в ее состав и был избран в ее Центральный комитет. С 1906 г. Е. Н. Трубецкой – профессор энциклопедии и истории философии права в Московском университете, позднее заведует в нем же кафедрой философии. В 1907 – 1908 и с 1915

¹ Подробнее об этом: [1, с. 839].

² Из воспоминаний Е.Н. Трубецкого. Воспроизводится по: predanie.clients-cdnnow.ru.

по 1917 гг. был членом Государственного Совета Российской Империи. Отметим также, что еще в 1911 г. он солидарно с группой профессоров покинул Московский университет в знак несогласия с нарушением правительством принципов университетской автономии. В 1917 – 1918 гг. состоял членом Всероссийского Поместного Собора и в Высшем Церковном Совете. В мае 1918 г. выступал как официальный оппонент на защите диссертации Ивана Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека».

От весьма краткого и неполного обзора этапов жизнедеятельности Е. Н. Трубецкого перейдем к изложению целевой установки настоящей статьи, а именно к анализу теоретического наследия и философско-правового учения Е. Н. Трубецкого, обоснованного в его трудах, на примере «Лекций по энциклопедии права», а также глубочайшей монографии «Смысл жизни». Мы разделяем в этом контексте ту оценку Е. Н. Трубецкого как глубокого, оригинального мыслителя и методолога, которую дала Г. Ф. Гараева, написавшая, что актуальность понимания сущности права и особенностей его взаимосвязи с государством, нравственностью, мерой свободы человека в обществе в концепции Е. Н. Трубецкого все более очевидна в свете современных проблем цивилизационного развития [4, с. 347].

«Первая и основная задача юридической энциклопедии, – писал Е. Н. Трубецкой, – заключается в определении самого понятия права... При отсутствии удовлетворительного определения права не могут быть проведены ясные границы между правоведением и другими науками»¹. В качестве первого и самого общего определения права Е. Н. Трубецкой предложил следующее: «Право есть порядок, регулирующий отношения отдельных лиц в человеческом обществе» [5, с. 5]. И далее: «Во всяком праве свобода лица в смысле не стесненной другими лицами возможности осуществлять те или другие цели, составляют настолько существенный признак, что с уничтожением его уничтожается само право» [5, с. 7]. Существо права в его концепции выражается (воплощается) в двуединстве основных его проявлений или функций: «с одной стороны, оно предоставляет, отводит лицу известную сферу свободы, с другой стороны, оно ограничивает эту сферу рядом предписаний, рядом обязательных правил» [5, с. 7].

Что касается государства, то оно, по мнению Е. Н. Трубецкого, есть «прежде всего правовая организация, союз людей, связанных между собой общими началами права, следовательно...понятие государства уже предполагает понятие права., поэтому вводить в определение права понятие государства - значит определять право правом» [5, с. 12].

Как отмечает Н. А. Овчинникова: «В учении Е. Н. Трубецкого смысловым центром и ядром правового общения выступает не властно-приказное волеизъявление со стороны государства, а добровольное взаимное признание субъектами социального взаимодействия меры возможного и меры должного поведения (субъективных прав и обязанностей), основанное на понимании участниками взаимодействия необходимости поддержания и воспроизводства социальных связей» [3, с. 11]. Вместе с тем мы не разделяем точку зрения данного автора в ракурсе причисления Е. Н. Трубецкого к представителям «правового плюрализма» [3, с. 10].

Формулируя собственное определение права, Е. Н. Трубецкой подверг тщательному критическому осмыслению господствовавшие в его время в науке подходы к определению права, а именно: официальную теорию (Иеринга), естественно-правовые и историко-правовые концепции Гроция, Савиньи, Пухты, Гуго, Новгородцева и других авторов, теорию принуждения, идеи позитивистского права, нравственно-религиозные учения (Г. Еллинека, Шопенгауэра, Вл. Соловьева), теорию Петражицкого.

Учение о праве Е. Н. Трубецкого включает в себя трактовки Права как в объективном смысле, так и в его субъективном понимании. Под объективным смыслом права им подразумевается совокупность всех юридических норм, тогда как право в субъективном смысле

¹ См.: [5, с. 3]. (Примечание: далее цитируется по этому изданию).

по его мнению есть та сфера внешней свободы, которая предоставляется человеческой личности нормами объективного права [3]. В этом контексте М. П. Авдеенкова и Ю. А. Дмитриев подчеркнули, что: «Выдающийся российский теоретик права Е. Н. Трубецкой отмечал, что под субъективным правом следует понимать «ту сферу внешней свободы, которая предоставляется человеческой личности нормами объективного права» (Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. Киев, 1906, с. 70)»¹.

Утверждая изначальное и неотъемлемое право человеческой личности, представляющее несомненную ценность, Е. Н. Трубецкой подчеркивает вместе с тем, что все писанные и неписанные кодексы права могут претендовать на обязательное значение только во имя естественного права человеческой личности. «Как только личность, – пишет он, – перестанет быть для нас ценною, весь правовой порядок тем самым падает в прах» [5, с. 7].

К объективному, общественному элементу права Е. Н. Трубецкой относит правило поведения, то есть норму, ограничивающую свободу отдельного лица, в качестве существенного признака права, как и самой свободы.

Анализируя проблемы правопонимания в учениях российских юристов начала XX в., М. Н. Марченко отмечал, что «когда проблемы правопонимания пытались одновременно решать с позиций позитивного и естественного, точнее – обновленного естественного права, основной акцент ставился не только на взаимоотношения права и государства, но и на характере взаимосвязей права и общества», сославшись в этой связи на Е. Н. Трубецкого, который утверждал, что в зависимости от того, «чем обуславливается обязательность правовых норм», все они подразделяются на две различные группы, «причисленные к двум основным формам права», а также и вывод Е. Н. Трубецкого касательно того, что все те правовые нормы, «коих обязательность обуславливается санкцией того или другого внешнего авторитета (например, государства, церкви), суть нормы права позитивного, или положительного», напротив, «все те правовые нормы, коих обязательность не обуславливается каким-либо внешним авторитетом, а требованиями разума, суть нормы права естественного»²

Примечательно, что, ссылаясь на «Лекции по энциклопедии права» Е. Н. Трубецкого, изданные в 1913 г., Г.В. Мальцев назвал его активным противником теории интереса в качестве источника субъективного права [8, с. 345].

И действительно, критикуя концепцию Иеринга о праве в его субъективном смысле как защищенном интересе, Е. Н. Трубецкой писал: «Можно привести целый ряд случаев, когда интерес и право лица далеко не совпадают и даже прямо противоречат друг другу. Положим, что я получаю в наследство имущество, обремененное долгами. В этом случае я заинтересован не в сохранении, а в прекращении права собственности... Да и кроме наследования есть различные способы приобретения прав, не имеющих ничего общего с нашими интересами, или даже прямо отяготительных. Так, напр., вместе с правом на купленное мною имение я приобретаю право на болото, которое своими гнилостными испарениями отравляет воздух и вредно влияет на мое здоровье, но за которое мне, может быть, приходится платить налог в казну... Наконец, и в сфере чисто личных прав сплошь да рядом встречаются права, несогласные с интересами тех, кому они принадлежат. Далеко не всегда напр., муж заинтересован в своих супружеских правах, отец – в родительских. Если бы интерес составлял сущность правомочия, то прекращение интереса непременно влекло бы за собой уничтожение права. В действительности мы этого, однако, не видим. Как бы муж ни желал прекращения своих супружеских прав, если ему не удастся добиться развода, продолжают существовать вопреки его интересу» [9, с. 161–162].

¹ Воспроизводится по: [6, с. 31].

² Воспроизводится по: [7, с. 409–410].

Весьма впечатляюще и злободневно выглядят выводы Е. Н. Трубецкого в его глубокой монографии «Смысл жизни» о ценностной значимости государства и обязанности его защищать, как то: «Кто хочет, чтобы жизнь человеческая когда-нибудь, хотя бы за пределами земного, претворилась в рай, тот должен благословлять ту силу, хотя бы внешнюю, которая до времени мешает миру превратиться в ад... С этой точки зрения заслуживает осуждения не только антигосударственное, анархическое настроение в собственном смысле слова, но и безучастное, равнодушное отношение к государству. Раз государство признается положительною, хотя бы и относительной ценностью с христианской точки зрения, всякий христианин обязан за него бороться. Чем сильнее и настойчивее попытки превратить его в царство зверя, выходящего из бездны, тем больше мы, христиане, должны стремиться удержать государство в наших руках, сделать его служебным орудием в борьбе против звериного начала в мире. Так понимали задачу государства и его ценность величайшие святые. Как поступил св. Сергей, когда Россия стонала под татарским владычеством? Признавал ли он слабость, а тем более крушение христианского государства за благо? Нет, он благословил вождя русской рати против татар: он обратился к Дмитрию Донскому с призывом: Иди смело против безбожников и победишь!.. Христианское государство находит себе в церкви не осуждение, а точку опоры, источник силы и крепости»¹.

Еще в самом начале XX в. Е.Н. Трубецкой убеждал слушателей своих лекций в том, что «прогресс, то есть поступательное движение права к добру, возможен лишь постольку, поскольку над правом положительным есть высшее нравственное или естественное право, которое служит ему основой и критерием», утверждая при этом, что в истории права идея естественного права играла и играет «роль мощного двигателя», дающего человеку силу подниматься над его исторической средой и спасающего его «от рабского преклонения перед существующим» [11, с. 51].

Именно у Е. Н. Трубецкого встречается такое «одухотворенное» понимание демократии, которое он сам охарактеризовал следующим образом: «Другое понимание демократии кладет в основу народовластия незыблемые нравственные начала, и прежде всего – признание человеческого достоинства, безусловной ценности человеческой личности как таковой. Только при таком понимании демократии дело свободы стоит на твердом основании, ибо оно одно исключает возможность низведения личности на степень средства и гарантирует ее свободу независимо от того, является ли она представительницей большинства или меньшинства в обществе»².

Несомненно, труды Е. Н. Трубецкого представляют собой завоевание (аквизит) философии права. Князь Е.Н. Трубецкой умер в 1920 г. в Новороссийске от тифа. Как справедливо отмечал С. А. Левицкий: «Нет сомнения, что будь дольше его жизненный путь, он дал бы русской мысли еще немало ценного» [13, с. 14].

Список источников

1. Лисовский Н. М. Философия и энциклопедия права // Энциклопедический словарь «Россія», Издатели: Ф. А. Брокгаузъ, И. А. Ефронъ. С.- Петербургъ, 1898.
2. Фролова Е. А. Теоретико-правовая наука: преемственность и перспектива развития в XXI веке // Государство и право. 2023. № 10. С. 17–25.
3. Овчинникова Н. А. Правовые и политические взгляды Е. Н. Трубецкого. Автореферат дисс. к.ю.н. 12.00.01. Санкт-Петербург, 2009.
4. Гараева Г. Ф. Философско-правовые идеи Е. Н. Трубецкого: основное содержание и историческое значение // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2.

¹ Воспроизводится по: [10, с. 384–386].

² Воспроизводится по: [12, с. 303].

5. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Т-во типографии А.И. Мамонтова, 1917. 227 с.
6. Авдеенкова М. П., Дмитриев Ю. А. Конституционное право Российской Федерации. Курс лекций. Издание 2-е перераб. и дополн. Часть 1. М.: ООО «Полиграф ОПТ», 2004.
7. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 784 с.
8. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 800 с.
9. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1913. 226 с.
10. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2011. 396 с.
11. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права (Изд. по запискам студентов). Киев, 1906. 224 с.
12. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. Сост. А. П. Полякова, П. П. Апрышко. М.: Республика, 1994. 432 с.
13. Левицкий С. А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли. Т. 2. Франкфурт-на-Майне, 1968.

References

1. Lisovsky N. M. Philosophy and encyclopedia of law. In: *Encyclopedic dictionary «Rossiya»*, Publishers: F.A. Brockhaus, I.A. Ephron. Saint Petersburg; 1898. (In Russ.)
2. Frolova E. A. Theoretical and Legal Science: Continuity and Perspective of Development in the 21st Century. *The State and Law*. 2023;(10):17–25. (In Russ.)
3. Ovchinnikova N. A. *Legal and political views of E. N. Trubetskoy*. Autoabstract diss. Cand. Sci. (law). Saint Petersburg; 2009. (In Russ.)
4. Garayeva G. F. Philosophical and legal ideas of E. N. Trubetskoy: main content and historical significance. *Theory and practice of social development*. 2010;(2).
5. Trubetskoy E. N. *Lectures on the encyclopedia of law*. Moscow; 1917. 227 p. (In Russ.)
6. Avdeenkova M. P., Dmitriev Y. A. *Constitutional Law of the Russian Federation. Course of lectures*. Edition 2 revised. and completed. Part 1. Moscow; 2004. (In Russ.)
7. *Problems of the theory of the State and Law: textbook*. M.N. Marchenko (ed.). 2nd edition. Moscow: Norm: INFRA-M; 2012. 784 p. (In Russ.)
8. Maltsev G. V. *Social grounds of law*. Moscow: Norma; 2007. 800 p. (In Russ.)
9. Trubetskoy E. N. *Lectures on the encyclopedia of law*. Moscow; 1913. 226 p. (In Russ.)
10. Trubetskoy E. N. *Meaning of life*. Moscow: ACT: Astrel: Polygraphisdat; 2011. 396 p. (In Russ.)
11. Trubetskoy E. N. *Encyclopedia of Law (Ex. on notes of students)*. Kiev, 1906. 224 p. (In Russ.)
12. Trubetskoy E. N. *Meaning of life*. Sop. A. P. Polyakova, P. P. Apryshko. Moscow: Republic; 1994. 432 p. (In Russ.)
13. Levitsky S. A. *Essays on the history of Russian philosophical and social thought*. Vol. 2. Frankfurt am Main; 1968. (In Russ.)

Информация об авторах

Л. В. Акопов – доктор юридических наук, профессор, факультет "Юридический" ДГТУ.
А. Е. Курилов – кандидат юридических наук.

Information about the authors

L. V. Akopov – Dr. Sci. (Law), Professor, Faculty of Law, Don State Technical University.
A. E. Kurilov – Cand. Sci. (Law).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 25.04.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 14.05.2024.

15 мая 2024 года состоялась **Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) на тему «Донской край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945»**. В этом году в связи с расширением географии состава участников было принято решение межвузовский круглый стол трансформировать в формат всероссийской конференции с включением гостей из-за рубежа. Помимо солидного представительства ростовских и областных вузов и учреждений (ЮРИУ РАНХиГС, ЮФУ, РГЭУ (РИНХ), Ростовский филиал РТА, РЮИ МВД, Государственный архив Ростовской области, Каменский музей декоративно-прикладного искусства и народного творчества) следует отметить участие Академии управления МВД (г. Москва) и присоединение докладчиков из республик Казахстан, Армения и Абхазия.

В ходе работы конференции состоялся обмен мнениями и обсуждение вопросов:

- ✓ Ростовская область в эпицентре фронтовых боевых действий: от обороны к наступлению, крупнейшие операции Красной армии на территории области;

- ✓ оккупационный режим немецко-фашистских оккупантов и подпольное противостояние захватчикам; партизанское движение на Дону;

- ✓ герои Великой Отечественной войны: освободители и земляки, отличившиеся в 1941–1945 гг.;

- ✓ наследие войны, память о ней, работа по недопущению забвения, полевая и архивная поисковая деятельность.

Модератор и организатор конференции старший преподаватель *М. С. Терентьева* обозначила цели и задачи собрания: «Вовлечение специалистов-историков и молодых исследователей в историю Донского края в судьбоносные 1941–1945 гг., популяризовать и актуализировать эту тематику». В своем вступительном слове заведующий кафедрой теории и истории права и государства профессор *Т. В. Шатковская* обратила внимание на важность осуществления работы по осмыслению хроники Великой Отечественной войны и ее «белых пятен» в рамках регулярных научных форумов. Декан юридического факультета ЮРИУ РАНХиГС *Е. А. Пащенко* заострила внимание на практической стороне таких мероприятий, когда объективный недостаток знаний о событиях 1941–1945 гг. приводит к искажениям не только исторической памяти, но и ментальным и духовным сдвигам в сознании целых поколений. Профессор кафедры теории и истории права и государства *А. Г. Данилов* в своем приветствии высказался об исторически сложившихся стереотипах в освещении определенных вопросов войны (в частности, хроники боев за Ростов-на-Дону в июле 1942 г.), выразив надежду, что подобный формат научного диалога, поспособствует избавлению от устоявшихся клише и штампов.

Содержательная сторона работы конференции состояла в презентации докладов и их последующем обсуждении собравшимися. О введении в научный оборот нового массива источников о Великой Отечественной и их последующем использовании проинформировал директор ГАРО *Н. А. Трапш*. Профессор *Г. Г. Небратенко* в своем выступлении осветил малоизвестные страницы участия в войне и вклад в Победу войск НКВД. Директор Каменского музея декоративно-прикладного искусства *А. Ю. Данильченко* представил результаты работы музея по приобщению молодого поколения к изучению историй своих семей. Тема духовно-нравственных ценностей советского общества в военные годы была затронута в сообщении доцента *С. П. Федоренко*. Доцент *С. В. Лямзаев* посвятил свой доклад обстоятельствам жизни и боев на Верхнем Дону, который в 1941–1943 гг. оставался единственным регионом Ростовской области, не оккупированным захватчиками. Различные аспекты военной и гражданской истории Дона в годы Великой Отечественной были рассмотрены студентами нашего института (юридический факультет и факультет политологии), а также гостями из Таможенной академии, РИНХа и ЮФУ.

Подводя итоги работы конференции, была высказана мысль о пользе мероприятия и необходимости регулярного обмена информацией о событиях 1941–1945 гг. не только в среде преподавателей и ученых, но и в диалоге с молодыми исследователями. Участники конференции смогли соприкоснуться с актуальными наработками по самым разным аспектам жизни Донского края в годы войны, что несомненно поспособствует дальнейшему научному поиску в этом направлении.

**Школа правового мышления под руководством
докт. юрид. наук, проф. Шапсугова Д. Ю.
в ЮРИУ РАНХиГС**

29 мая 2024 г. состоялось очередное заседание *Школы правового мышления* – эксклюзивного проекта, реализуемого под руководством докт. юрид. наук, профессора, Заслуженного юриста РФ, директора центра правовых исследований **Дамира Юсуфовича Шапсугова** совместно с кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС. В этот раз соорганизатором проекта стала кафедра уголовно-правовых дисциплин, пригласив на заседание выпускников и преподавателей уголовно-правового профиля: в заседании Школы приняли участие профессор кафедры процессуального права **Наталья Николаевна Апостолова** и доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин **Наталья Юрьевна Лазарева**.

Интерес к мероприятию проявили молодые исследователи: активное участие в обсуждении проблематики заседания приняли студент 5 курса Швариокин В., студент 3 курса Обломова Е., студенты 2 курса Агеев О. и Панкратова Л. В дистанционном формате в обсуждении приняли участие 10 преподавателей ЮРИУ РАНХиГС.

В рамках заседания состоялось обсуждение научного эссе доктора юридических наук, профессора Дедова Дмитрия Ивановича «Юридический метод». Основные научные положения этого эссе были представлены в докладе Д. Ю. Шапсугова, который в своем выступлении дал общую характеристику эссе. Были обсуждены основные положения, изложенные в научном эссе докт. юрид. наук Дедова Д. И. о юридическом методе как состоящем из общих принципов права, а также необоснованности состава и функций общих принципов права, признаваемых в современной юридической литературе, обсужден новый «список» общих принципов и технологий их применения, предлагаемый Дедовым Д.И.

Большой интерес вызвало сопоставление такого понимания с иными подходами к определению метода. В частности, Гегелем, рассматривавшим его широкое применение в науке как внешнего порядка, схемы исследования, налагаемой на любое содержание познаваемого предмета, превращающее в закон примитивность мысли, используемое и в современной юриспруденции. Подлинный метод, выражающий природу содержания исследуемого предмета, формируется в самом процессе познания, «открывающем» его содержание и форму. Это, второе, понимание метода в праве остается не воспринятым современной юридической наукой, что, по мнению участников обсуждения, составляет серьезное препятствие познанию действительного права.

Присутствующие с интересом слушали выступление профессора, задав ему огромное количество вопросов – студентов интересовало всё: от понимания «духа народа» до возможности построения на этой основе справедливых законов.

В завершающей части мероприятия участники поблагодарили Д.Ю. Шапсугова за интересное содержательное выступление и сошлись во мнении о необходимости подобных встреч, позволяющих юристам задуматься о глобальных теоретических проблемах.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы юриспруденции.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07-21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе / Information about the author»;

- аннотация (до 250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15). Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом. В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: Гончаров В. И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: Шапсугова М. Д. Трансформация классических принципов гражданского права в современном российском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 68-71).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

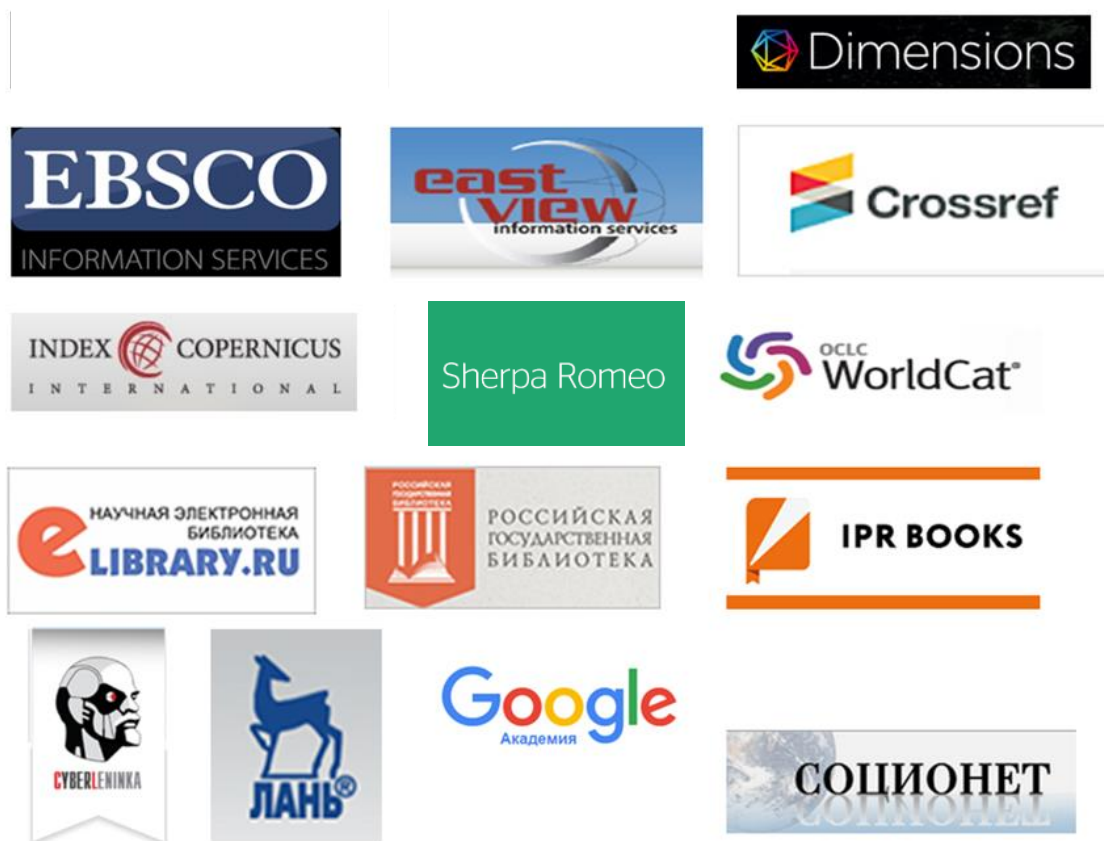
Статьи принимаются по адресу: 344002. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54. ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Северо-Кавказский юридический вестник».

Тел. 8-863-279-41-62; e-mail: yurvestnik@mail.ru

**Мы не запрещаем позитивизм,
но стремимся определить его действительное место в познании права**

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2, 2024

Выход в свет 28.06.2024. Гарнитура Cambria. Формат 60x84¹/₈. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 11 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 3154-24

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru